Дальний

8-Й ДЕНЬ НЕДЕЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хэллоуин в шикарном особняке заканчивается кровавым побоищем, обильно усеянным мистическими знаками. Следователь полиции Марченко обнаруживает артефакты, не вписывающиеся в общую картину случившегося. Однако раскрыть загадку не удаётся... Со временем трагедия совсем выветрилась из памяти, и всё пошло своим чередом. Но прошлое вернулось, причём шагнуло в жизнь самого Марченко. Обнаружен труп, а следы явно указывают на резню, устроенную на праздновании Хэллоуина. Находится свидетель...

- Дальний
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29

- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- глава 7. У нас же, русских людей, это звучит как: "всяк бо просяй приемлет, и ища обретает, и толкущему отверзется". Сие сказанное означает, что Солнечный костёр горит внутри каждого человека. Просто не все об этом догадываются.
- Глава 1. 24
- Глава 2. 27
- Глава 3. 30
- Глава 4. 32
- Глава 5. 38
- Глава 6. 43
- Глава 7. 48
- Глава 8. 49
- Глава 9. 50
- Глава 10. 51
- Глава 11. 55
- Глава 12. 57
- Глава 13. 60

- Глава 14. 72
- Глава 15. 75
- Глава 16. 76
- Глава 17. 78
- Глава 18. 85
- Глава 19. 88
- Глава 20. 91
- Глава 21. 92
- Глава 22. 96
- Глава 23. 98
- Глава 24. 100
- Глава 25. 101
- Глава 26. 102
- Глава 27. 104
- Глава 28. 106
- Глава 29. 111
- Глава 30. 112
- Глава 31. 114
- Глава 32. 115
- Глава 33. 116
- Глава 34. 119
- Глава 35. 120
- Глава 36. 123
- Глава 37. 126
- Глава 38. 128
- Глава 39. 130
- Глава 40. 131
- Глава 41. 132
- Глава 42. 137
- Глава 43. 139
- Глава 44. 146
- Глава 45. 147
- Глава 46. 148
- Глава 47. 149
- Глава 48. 150
- Глава 49. 155
- Глава 50. 157
- Глава 51. 159
- Глава 52. 161
- Глава 53. 163
- Глава 54. 165
- Глава 55. 168

Дальний

8-й день недели

Пролог. Halloween

Воздух в доме тяжелый и липкий. Неумолимо притягивается к стенам и оседает на плоских поверхностях, застревает в лёгких и причудливо перемешивается с сигаретным дымом. Сотни зажжённых свечей, расставленных в канделябрах и настенных подсвечниках, источают ваниль.

Дорогая, старомодная обстановка гостиной напоминает пышные декорации голливудского фильма. Массивная резная мебель красного дерева, а на стенах - оригиналы работ Айвазовского и Тёрнера. Под ногами разостлался художественный паркет, изображающий восьмилучевую диаграмму розы ветров.

Кажется, сейчас, откинув тяжёлую золотисто-коричневую портьерную ткань, декорирующую дверной проём, перед зрителем предстанет герой Антонио Бандераса. В чёрных брюках и белой кружевной рубашке, расстёгнутой наполовину. Вечно привлекательный, сводящий с ума прекрасную половину человечества. С бокалом шампанского и взглядом, от которого подкашиваются любые женские ножки. Даже самые неприступные.

Но нет. Сегодня здесь другой праздник. Молодой человек в костюме палача ещё раз придирчиво осматривает прикреплённую к стене "horror-игрушку" - криво висящий календарь,

"проткнутый" пластиковым кинжалом. Сегодняшний день - 31 октября, обведён "кровью" - красной краской с обильными потёками. Клинок, вогнанный в бумагу наполовину, также облит алым колером, стекающим на венге и тик пола, инкрустированного прозрачными кристаллами Swarovski. В дальнем углу зала высится двухметровая статуя Афродиты, непонятно зачем сюда поставленная. По белоснежному лику богини любви и красоты изредка пробегают отблески пламени, выхватывая из полумрака равнодушный холодный взгляд поверх толпы беснующихся подростков. В правой руке изваяния замерла роза, а левая покоится на складках хитона.

Одетые в костюмы вампиров и оборотней, ведьм, королев и прочих сказочных персонажей, юноши и девушки громко смеются, пьют коктейли и курят. Их человек двадцать или около того. Некоторые, разбившись по парам, занимаются тем, что у обычных людей принято называть сексом.

Высокий длинноволосый юноша лет восемнадцати, облачённый в костюм Мефистофеля, отделился от сидящих и неторопливо подошёл к окну. Парень долго вглядывался в залитое огнями Рублевское шоссе и проезжающие по нему машины.

Скукота.

Ночной ветер срывает остатки листьев с деревьев и размазывает капли дождя по толстому стеклу. Наступила ночь, и нюансы, детали городского пейзажа растаяли в пасти мрака, оставив после себя лишь очертания, да тени вокруг фонарей.

- Влад, пошли к нам!

Юноша откинул прядь иссиня-чёрных волос назад, полуобернулся на женский голос, и снова хмуро уставился в окно. Стройная длинноволосая брюнетка, в костюме чёрной кошки, ещё

несколько секунд смотрела на высокий силуэт у окна, не отреагировавший на её голос, и затушила недокуренную сигарету.

- Он нас покинул, о небеса! - театрально выдохнула рыжая полнушка, играющая роль ведьмы. Девица икнула и стыдливо прикрыла рот рукой, облачённой в перчатку. Раздался чей-то пьяный смех. Брюнетка смерила рыжую испепеляющим взглядом. Но та, кажется, в полумраке этого не заметила. Она приподнялась с дивана, намереваясь встать, но сидящий рядом вампир ухватился за пояс её костюма и резко потянул вниз. С неестественно громким треском пояс порвался, однако этого хватило, чтобы ведьма грузно плюхнулась обратно на место.

- Сиди, где росла! - Пьяный вампир попытался обнять рыжую, но та пронзительно завизжала и вырвалась. Выбежав на середину комнаты, она замерла как вкопанная, оглядывая обстановку округлившимися от ужаса глазами. Затем обхватила голову руками и помчалась в коридор. Освещаемый лишь свечами, тот выглядел таинственно и зловеще, словно глотка проснувшегося дракона.

Пронзительный крик заставил Мефистофеля вздрогнуть и напрячься, но всё же от его внимания не ускользнуло то, что в этот момент освещение Рублёвки моргнуло.

Стоны и шумное дыхание за драпировкой прекратились. Через несколько секунд оттуда выпрыгнул вурдалак, спотыкаясь и застёгивая на ходу ширинку.

- Эй, вы чё там орёте?

Но на него никто не обращал внимания.

- Ну блиин, у нас же Хэллоуин, а не выпускной института благородных девиц. - Вторил недовольному вурдалаку женский голос из-за занавеси. - Можно вести себя и потише.

Но вряд ли парочка неудачливых любовников нашла понимание у Элвиса Пресли. Тот плеснул в стакан немного виски и опрокинул в рот одним махом. Затем натянул маску на лицо и, аккуратно подняв со стола Светильник Джека, вышел на середину гостиной. На то самое место, где ещё минуту назад стояла ведьма.

- Так понимаю, совокупление Вурдалака с Королевой было неожиданным образом прервано. - Он обвёл взглядом присутствующих, делая многозначительную паузу. - Значит, скорого появления на свет наследника царского престола нам не видать. - Тут Элвис покачнулся и воздел обе руки к потолку, умудряясь удерживать в одной из них тыкву. - Так выпьем за то, чтобы они не передумали!

- Э, а где твой бокал, тамада?

Только сейчас до Элвиса дошло, что стоит перед публикой без стакана. Надо как-то выпутываться из положения.

- А мне на сегодня уже хватит. - Он опустил руки и демонстративно нежно поцеловал овощ.

Вампир выглядел резко протрезвевшим и подавленным. Непослушной рукой поправил воротник костюма и сделал несколько глотков коктейля с уже растворившимся льдом.

- Нихрена ты напугал Юльку, - к вампиру подсела поближе золушка, - Жень, колись. Ты что, ей улыбнулся? - и она пытливо на него уставилась.

- Не смешно, - Женя буркнул в ответ на подкол, и было видно, что парень ещё не пришёл в себя от неожиданной выходки ведьмы. - Я ничего такого не делал.

Тут взгляд золушки упал на лежащий на полу пояс от костюма ведьмы. Он был чёрным, и потому едва различимым в темноте. Она нагнулась, поднимая кусок шёлковой ткани.

- Ты порвал её костюм! Ты что, приставал к ней? Ах, проказник, - золушка игриво пригрозила пальцем вампиру. - Всё с тобой ясно.

- Ничего тебе не ясно. - Тот обиженно от неё отвернулся. - Просто она дура. Вот и всё.

Чёрт меня дёрнул прикасаться к Юльке. Она и так ненормальная, а после двух Маргарит и того хлеще.

Золушка потянулась за пачкой Vogue, лежащей на стеклянном журнальном столике.

- Будешь сигарету?

- Они женские.

- Чё?

- Ладно, давай.

Она чиркнула золотой зажигалкой, но та наотрез отказалась давать пламя.

- Блин. И за это г...но с людей сдирают деньги. - Золушка раздражённо швырнула STDupont обратно на столешницу.

- Скажи папе, чтоб внимательнее выбирал подарки для своей непутёвой дочери. - Вампир гоготнул и привстал, прикуривая от свечи.

- Это не папин подарок, а Андерса. - Золушка демонстративно надула губы и сломала сигарету. - И кто тебе сказал, что я непутёвая?

- Ладно, не обижайся. - Он сменил тон на примирительный, выуживая из пачки новую. Также зажёг от пламени свечи и протянул собеседнице. - Угощайся.

- Спасибо. - Золушка взяла сигарету и, решив больше не обижаться, просветлела, словно готовая примерить хрустальную туфельку.

Оба с видимым наслаждением затянулись.

- Слушай, а кто этот Андерс? - вампир щурился от дыма, всматриваясь в лицо подруги.

Несколько секунд Золушка смотрела в сторону, на другую веселящуюся кампанию.

- А зачем тебе? - она кокетливо стряхнула ещё не успевший нагореть пепел.

Вампир пожал плечами.

- Ну просто... - И добавил, придавая вес сказанному. - Чес слово.

Золушка блеснула сильно подведёнными глазами.

- Честное пионерское?

- Ты стебёшься надо мной? - Он протянул руку к полупустой бутылке Don Carranza Blanco, но, не дотянувшись, остановился на графине с малиновым компотом. - Ты хоть знаешь, что такое пионерия?

Откуда ей, пробке, знать? Родившейся при Путине...

Она энергично кивнула головой.

- Знаю! - В ответе прозвучал вызов. - Это...Артек и пионерские галстуки!

Вампир хотел что-то сказать, но его перебили.

- А ещё пионервожатые, костры и...

- И?

- Ну, в общем, достаточно.

Вампир кивнул.

- Ладно, достаточно. Так кто такой Андерс?

- Мой... - Золушка замялась, раздумывая, стоит ли говорить.

Конечно, можно сказать. Ничего особенного, какой-то тайны здесь нет. Но женское кокетство заставило её взять паузу, что собеседником расценилось как попытка набить себе цену.

Вампира уже распирало любопытство.

- Друг?

- Мы встречаемся, - сдалась девушка.

- А, ну ясно. Жених, значит.

Золушка сделала глубокую затяжку.

- Типа того.

- Давно вы вместе? - Не унимался он.

- Жень, ты такой любопытный.

На самом деле было лестно делиться тем, что в неё влюблен мужчина. Тем более, иностранец. Впрочем, в том, что между ними Любовь с большой буквы, уверенности не было. Но, поскольку такие мысли портили настроение, Золушка предпочла раз и навсегда закрыть для себя эту тему. Между нами всё по-настоящему.

Вампир большим глотком осушил стакан и громко поставил на стол.

- Вкусный компот. Сто лет не пил такого. Не хочешь, не отвечай.

Она перевела взгляд на пустой стакан.

- Андерс живёт в Швеции. Мы встречались два раза минувшим летом. Он приезжал сюда по делам. А так общаемся по скайпу.

- Коммерс?

- Да. - Золушка поморщилась. - Только мне не нравится это слово.

- А лет сколько ему?

- Тридцать шесть. Но выглядит моложе.

Оба прекрасно поняли, что последняя фраза выглядит неуклюжей попыткой отстраниться от пришедшего на ум словосочетания "неравный брак". Или брак по расчёту.

- Всё равно он в два раза тебя старше.

- И что? - Она начала защищаться.

Вампир понял, что благоразумнее съехать с темы.

- Какой бизнес у него?

- Строительный.

- Аа, ну ясно. Значит, работает с твоим папой.

Золушка округлила глаза.

 - Как ты догадался?

 - Никак. - Он смял недокуренную сигарету в пепельнице. - Просто предположил. Но ты в амурных делах будь с этим шведом поосторожнее.

Она снова уставилась на него враждебно-удивлённо.

 - В смысле?

 - Скандинавская ювенальная юстиция - пренеприятнейшая вещь. Для нас, русских.

Вампир замолчал и покрутил головой. Пресли, кажется, вырубился. Неподвижно сидит, неестественно запрокинув голову назад, на спинку дивана. Светильник Джека, помаргивая

спрятанной внутри лампой, покоится меж широко расставленных ног. Влад продолжает стоять у окна, повернувшись к находившимся в гостиной спиной. Юльки-ведьмы нигде не видно. Вурдалак-Коля снова уединился с Королевой-Альфиёй за импровизированной ширмой, сооружённой специально для празднования Хэллоуина и отгораживающей небольшую часть гостиной от остального пространства. Оборотень-Дима и фея-Кристина, судя по доносящимся стонам, составляют компанию первой паре.

Вот Человек-скелет

как его там…блин…не помню имя…Гоша…Гена…Гном…а, ладно

взял пульт медиацентра, и Сектор Газа сменила слащавая англоязычная попса.

Вот урод!

Вампир обернулся к Золушке, намереваясь пожаловаться. Но той уже не было рядом. Он удивлённо проморгался.

Ээ, Золуш…Катюха, ты куда испарилась?

Человек-скелет продолжал ковыряться в пульте дистанционного управления. Давление децибел на слух возрастало.

Ветер за окном тоже усиливался. Верхушкам деревьев оставалось лишь безвольно качаться под его могучим напором.

Как расчёской по волосам. Расчёска-ветер, волосы-деревья.

От неожиданно пришедшего на ум сравнения Влад улыбнулся. Впервые за этот вечер. Потому что было скучно и неинтересно. Сейчас как раз наступало время выдавливания пьяных понтов. Время соревнований длины ногтей и пипирок, размеров яиц и величины отстёгиваемых родителями сумм на обучение отпрысков. Ну, можно ещё рисануться эксклюзивным

дизайном литых дисков дорогих авто, припаркованных под окнами особняка его отца.

Кому вообще нужен этот грёбаный Хэллоуин? Вообще, это идея Жанны. И зачем я её послушал? Теперь дом отмывать от этих придурков. Кстати, надо бы Юльку найти. Чёт странная она. Кокса в доме нет, так что этот вариант исключён.

Может, белочку поймала?

Чьи-то руки легли на плечи. Около уха раздался знакомый томный шёпот.

Женя-вампир мутным взором смотрел, как Жанна-чёрная кошка медленно поднимается и грациозно, повиливая хвостом, направляется в сторону Влада.

Меня накрывает. Странный компот. Ещё минута, и отъеду...

Последнее, что предстало перед его взором, был нетронутый пирог с яблоками.

- Влад, хочешь, уедем отсюда? Забуримся в клуб или просто снимем номер. Или ко мне. Или вообще на набережную, погуляем под дождём?

Он не ответил, словно всецело занятый созерцанием городского пейзажа. И девушка вдруг почувствовала сильное желание прижаться к нему. В этот момент по величавой фигуре Влада-Мефистофеля пробежала дрожь, и он медленно, словно зомби, повернулся к ней лицом.

Музыка заиграла на полную мощь и человек-скелет довольно отшвырнул пульт в сторону. Воздух перестал втягиваться в лёгкие, и вместо этого тяжёлыми каплями конденсата скатывался с деревянной отделки стен на пол, образуя лужицы. Время и пространство неестественно изогнулись и переплелись.

Чёрная кошка взглянула в лицо Мефистофеля, вздрогнула от неожиданности и на мгновение замерла, от ужаса потеряв дар речи.

Кто это?! Что это?!!!

Стоящий перед ней осклабился, обнажая жёлтые зубы. Пахнуло едким зловонием.

Жанна пронзительно закричала.

Ибо пред ней предстал не Влад, и не Мефистофель. По крайней мере не такой, каким его обычно изображают. По полуразложившемуся щекам незнакомца стекали свежие глазные яблоки, а в пустых глазницах чернела пустота. Остатки плоти лоскутами обрамляли череп. Руки с длинными когтями потянулись к девушке.

Это не костюм! Влад, о Боже...

Через мгновение кошка отпрыгнула назад. Но незнакомец успел ухватиться за длинный хвост. Жанна упала, с остервенением пытаясь вырваться из цепких неумолимых рук.

Живой мертвец...

Живой труп хмыкнул, неторопливо наматывая хвост на руку и притягивая его обладательницу всё ближе и ближе. Чёрная кошка, ломая ногти, безуспешно пыталась зацепиться за паркет. А за спиной раздавалось мерное сопение, распространяющее ледяной холод и запах смерти. Ещё немного, и ей конец. Чудовище схватит её за ногу и разорвёт на две части...Раздался громкий хруст, заглушивший музыку. Сначала кошка подумала, что незнакомец сломал ей позвоночник, но по появившейся в теле лёгкости сообразила, что избавилась от удерживающего на месте хвоста. Мгновенно вскочив на ноги, девушка бросилась наутёк по направлению к коридору. Существо зарычало и недовольно оскалилось, разжимая ладонь и сбрасывая кусок материи на паркет.

На бегу Жанна боковым зрением обратила внимание, что все находившиеся в гостиной замерли, словно восковые фигуры в музее. Музее ужасов.

Или это время остановилось.

Преодолев коридор и почти достигнув лестницы, ведущей на первый этаж, кошка затормозила и остановилась. Сердце сжалось в предчувствии беды. Прямо перед ней материализовалась Юлька-ведьма. Вернее, то, что от неё осталось. О том, что полуразложившийся труп когда-то был её одноклассницей, говорило лишь платье ведьмы, уже изрядно разодранное, да рыжие волосы, теперь больше напоминающие паклю. Один глаз оставался целым и вращался, оценивающе разглядывая кошку. Та зашипела, попятившись назад. Ведьма с булькающим звуком раскрыла пасть, вываливая пригоршни червей, и перешла в наступление. Из гостиной послышались крики, топот ног и шум борьбы. Запахло горелым. Потом всё стихло. Лишь звук приближающихся шаркающих шагов резал слух и бил по натянутым нервам. Жанна затравленно озиралась, ища возможность к спасению.

Топот ног приближался. Ощущение безвыходности от того, что её сжимают с обеих сторон, холодило и убивало надежду. Она прижалась спиной к стене. Чуть выше уровня головы, в резном настенном подсвечнике, горели свечи. Их пламя потрескивало и подрагивало в темноте, придавая и без того отвратительному живому трупу совсем омерзительный вид. Внезапно кошку озарило. Стянув с креплений увесистый металлический подсвечник и выждав, когда мертвец приблизится, изо всех сил швырнула канделябр в ведьму. Затем, изо всех сил оттолкнувшись от стены в сторону противоположной, прошмыгнула мимо шатающейся с растопыренными руками нежити и полетела вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько мраморных ступеней. На середине последнего пролёта поскользнулась и упала, больно ударившись головой. Из носа

хлынула кровь. В одном ухе звенело, второй же предательски отказался воспринимать звуки.

Кажется, я оглохла на левое ухо. Какая жалость.

Жанна проморгалась, приходя в себя. Сверху спускались живые трупы в одеждах Мефистофеля и ведьмы. Трупы людей, совсем недавно бывших его возлюбленным и подругой.

Какая жалость, Жанна.

Размазав хлещущую из носа кровь рукавом, она нашла в себе силы подняться и заковылять к выходу. В глазах рябило от чёрно-белой, в шахматную доску, с золотым орнаментом по краям ковровой дорожки.

Пять метров, четыре, три, два, один...

Девушка ухватилась за ручку и навалилась всем весом на массивную деревянную дверь. Но та распахнулась неожиданно легко, как если бы одновременно потянули с обратной стороны. Не удержав равновесия, Жанна беспомощно растянулась на пороге. Разбитое лицо опахнула ворвавшаяся в дом осень. В голове снова зазвенело. Нестерпимо заныло ушибленное колено. Первое, что она увидела, открыв глаза, были знакомые туфли. Туфли Элвиса Пресли.

Он...оно поджидало меня.

Стиснув зубы, кошка подняла голову. Однако то, что предстало перед взором, оказалось совсем не похоже на живого человека. Это вообще не являлось человеком. Мефистофель с ведьмой подошли и обступили неудачливую беглянку, перепачканную в собственной крови. Тем временем Элвис захихикал и поставил ногу ей на шею. Попытка извернуться, чтобы ещё раз посмотреть в его лицо, оказалась безуспешной.

Время остановилось.

Последнее, что Жанна услышала, был протяжный звук "буу" и хруст собственных шейных позвонков.

Пролог. Afterparty

В 02:21 на телефон диспетчера системы обеспечения вызова экстренных оперативных служб 112 поступил звонок о пожаре. Горел дом на Рублевском шоссе.

Дежурная следственно-оперативная группа приехала на место чп через пятнадцать минут после прибытия пожарных расчётов.

Следователь, капитан полиции Марченко, зябко поёжился и поднял воротник куртки. Пасмурное первоноябрьское утро обещало мало чего хорошего. Ещё оно предвещало скорый холодный дождь. Порывы стылого ветра то тут, то там поднимали рои опавших листьев. Над остатками некогда величественно строения, словно стая ворон над бездыханным телом, вздымался едкий черный дым. Теперь руины ожидает снос при помощи манипулятора.

- Чёртов дом сгорел быстрее, чем мы успели потушить, - голос прозвучал устало и отрешённо.

Марченко посмотрел на подошедшего, седовласого невысокого мужчину лет пятидесяти.

Тот достал пачку "Петра" и предложил угостить сигаретой, но Марченко отрицательно покачал головой.

- Михаил Васильевич. - Мужчина протянул руку для

рукопожатия. - Я тут главный среди пожарных.

- Александр Дмитриевич Марченко, следователь. - Марченко пожал руку собеседника, неожиданно оказавшуюся довольно крепкой. - Выходит, так сказать, дом сам себя потушил. Помог вам.

- За двадцать пять лет службы такое вижу впервые. - Михаил Васильевич глубоко затянулся и на мгновение задержал дыхание, успокаивая нервы. Затем шумно выдохнул. - Много чего повидал, но такое...

Марченко нахмурился.

- Считаете, что дом подожгли умышленно?

Пожарный задумался. Ситуация не из рядовых.

- Похоже на то. Но даже если предположить, что подпаливали одновременно в разных местах, то даже так всё произошло слишком стремительно. Словно и стены заранее пропитали легковоспламеняющейся жидкостью.

Осторожно, стараясь не обжечься там, где было ещё горячо, и обходя лужи воды с пеной, оставленные пожарными расчётами, Марченко пробирался среди дымящихся развалин. Его не остановили ни запрет Михаила Васильевича, опасавшегося обрушения перекрытий, ни собственное чувство самосохранения, настойчиво шепчущее воздержаться от прогулки по свежесгоревшему особняку. Профессиональная интуиция же толкала вперёд.

Пожарные, облачённые в боевую одежду, тем временем деловито сворачивали рукава. Поодаль застыли несколько карет скорой помощи с включенными проблесковыми маячками. Медики сбились в кучку и курили, перетаптываясь с ноги на ногу.

Спасать здесь разве что души.

Марченко ухмыльнулся невесёлой мысли и тут же оступился на обломке кирпича, вывихнув щиколотку.

Блин! Этого только не хватало...

Осторожно потёр ноющее место и, прихрамывая, двинулся дальше. По обеим сторонам залитой грязью аллеи располагался розарий, теперь уже полурастоптанный. Ещё дальше - фонтан с ярусной подачей воды. Некогда прекрасный, сейчас перепачканный сажей и копотью. А всё ещё торчащие из чаши водозаборные шланги пожарных машин делали несчастный фонтан больше похожим на гигантскую медузу. Крупные капли пота заливали глаза, мешая смотреть. От исходящей от пепелища жары Марченко давно и безальтернативно вспотел, однако снять куртку не решился. Мало ли что, лишний слой одежды может защитить при контакте с горячей поверхностью.

Из развалин то и дело доносилось приглушённое шипение и какое-то странное уханье, напоминавшее голос совы и бросавшее в дрожь.

Дойдя до большой лужи, полицейский остановился. Ему вдруг захотелось всё бросить и написать рапорт об увольнении. Пока не поздно. Впереди раскрытой пастью зияла чёрная дыра, ранее служившая главным входом в особняк. На пороге лежало обгоревшее тело, предположительно принадлежащее женщине. Немного помедлив, он перешагнул через лужу и приблизился. Носовой платок хоть и защищал от остатков перегретого пара и неприятного запаха, но не сильно.

Марченко склонился над обугленными останками и инстинктивно перекрестился. Не то, чтобы он глубоко верующий. Скорее, нет. То есть, когда как. Когда припрёт...

Руки жертвы вскинуты к голове, словно та пыталась защитить лицо от огня. Длинные волосы. Вернее, то, что от них осталось. Одежда - судя по всему, карнавальный костюм женщины-кошки.

Вчера было 31 октября...

- Александр Дмитриевич, наденьте хотя бы каску!

Присутствие ещё одного живого человека разбавляло печальную картину и радовало. Однако следователь отмахнулся от семенящего к нему молодого оперуполномоченного Гены Трумана, добродушного здоровяка ростом под два метра.

- Спасибо, Гена. Лучше бы раздел какого-нить пожарника моей комплекции и притаранил евошный костюм. Толку было бы гораздо больше.

- Всё шуточки шутите, товарищ капитан, - Гена обиженно надул щёки и опустил протянутую руку с защитной каской.

- Нет, на самом деле, смотри сколько их теперь без дела шлындает? Отвёл в сторонку одного, прессанул и раздел. - Марченко подмигнул раздосадованному Гене и повернулся, намереваясь войти в дом.

В подобные острые моменты всегда просыпается неуместное желание юморить. Как реакция организма на стресс.

Однако Гена повертел каской и решительно нахлобучил на голову.

- Я с вами, Сан Дмитрич, - заявил он безапелляционным тоном.

Марченко замер.

- У тебя ещё нет жены и детей, Гена. Поэтому твоей драгоценной жизнью рисковать не будем. Ступай, работай с хозяевами и очевидцами.

- Но... - тот был явно недоволен таким поворотом событий, но Марченко перебил:

- Это приказ.

Затем театрально набрал полные лёгкие воздуха и, закрыв нос рукой, шагнул за порог.

За спиной раздалось недовольное бурчание:

- У вас тоже нет семьи и детей, Сан Дмитрич.

Внутри царил полумрак от продуктов горения, разбавляемый светом, пробивающимся через большие оконные проёмы. Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила вздрогнуть:

Дом меня пригласил.

И правда, при таких пожарах строения остывают по нескольку дней. Не то, чтобы зайти, а вообще приблизиться невозможно. Остатки некогда роскошной обстановки хрустели и мешались под ногами. Вспомнив предостережение Михаила Васильевича, Марченко внимательно осмотрел потолочное перекрытие. Почерневшее, оно выглядело крепким и ничем не выказывало готовность обрушиться на голову. Тем не менее, начали одолевать неприятные мысли.

Гена прав. У меня нет жены и детей. Нет наследников. А что, если я отсюда живым уже не...

В свои двадцать семь он так и не создал "ячейку общества". Хотя многие коллеги уже женаты и имеют двоих, а то и троих детей.

Работа отнимает много времени? Да, это правда. Я люблю свою работу. Хотя некоторые говорят, что работу следователя любить невозможно. И уделяю ей слишком много времени за пределами рабочего дня. Почему? Ну просто не всегда успеваю...а, чёрт. На самом деле это не более чем попытка убежать от самого себя, от боли прошлого.

В недрах потолка громко хрустнуло, отчего волосы на голове зашевелились.

А захочет ли дом выпустить?

Марченко чуть ли не физическим усилием отстранился от липких щупальцев страха и сделал ещё шаг...и замер, внимательно разглядывая предмет, лежащий под ногами. Тускло поблёскивавший в немощном свете окна, он явно диссонировал с окружающей обстановкой. Полицейский склонился над находкой, вытащил телефон и сделал несколько снимков. Затем, через платок, чтобы не оставлять отпечатков, поднял вещдок и внимательно рассмотрел.

Им оказался небольшой золотой кулон на цепочке из аналогичного благородного металла. Последняя разорвана, половинки покачиваются в такт колебаниям ладони. В остальном украшение не пострадало.

Весьма странно. Словно ювелирку подбросили минуту назад...

Чья-то тень проскользнула совсем рядом. Рука автоматически потянулась к кобуре, но взгляд успел зафиксировать отсутствие посторонних.

Показалось.

Повинуясь инстинкту самосохранения, кисть ещё несколько секунд лежала на рукояти табельного "макарова", а тело находилось в готовности отреагировать на любое нападение.

Но никого поблизости не было. Во всяком случае, живого. В едкой атмосфере помещения стоял лишь шёпот поверженного пожара.

Кулон выглядел странно и даже зловеще. Чего-либо подобного Марченко прежде не видел.

Змея держит в широко раскрытой пасти солнце.

Мастерски выполненный, с филигранной, прецизионной точностью, делающей и тварь, и небесное светило почти живыми.

Сейчас она его проглотит...

Кулон следовало вернуть на место. Строго говоря, полицейский вообще не имел права к нему прикасаться без присутствия понятых. Но кто же их пустит в этот, представляющий опасность, дом? Да никто в здравом уме сюда не попрётся. Разве что Марченко...да и тот уже начал жалеть о содеянном.

Зачем я сюда попёрся?

Пот застил глаза. Куртка, которую можно уже выжимать, противно прилипла к телу. Кобура с "макаровым" нагрелась и казалось, что вот-вот, и расплавленный металл потечёт в карман брюк. Это хорошо, если только в карман...

Впереди, чуть поодаль, лежало что-то бесформенное. Черный, обгоревшего цвета, предмет сильно напоминал ещё одну жертву случившегося.

Золушка, мать её...

Наверняка его тут бы и стошнило, но увиденное заставило мгновенно обо всём забыть. Ещё не веря своим глазам, Марченко проморгался. Однако обстановка, расплывающаяся в едком задымлённом воздухе, не изменилась. Обойдя труп Золушки, он снова потянулся за телефоном. На шее останков девушки покоился точно такой же золотой кулон, увиденный ранее: змея

схватила солнце и готова его проглотить.

Прям как "Краденое солнце" Чуковского.

По телу пробежал холодок.

Сверху послышался приглушённый свист. Полицейский напрягся, пытаясь определить его природу. Нахлынуло ощущение беззащитности и одиночества в враждебном мире огромного особняка.

Я - Иона во чреве китовом.

Странный звук не прекращался. В нём постепенно различались членораздельные звуки, напоминающие человеческую речь. Внешняя мёртвость дома оказалась всего лишь ширмой. Медленно, стараясь издавать как меньше шума, Марченко двинулся к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Но куски штукатурки, полусгоревшие куски дерева и разбитое стекло предательски хрустели на мраморе под ногами.

Первая ступенька, вторая, третья...

Спасите...спасите меня...

Теперь шёпот звучал совершенно явственно.

Спасите...мне холодно...

Марченко вытащил оружие и дослал патрон в патронник.

Четвёртая, пятая, шестая...

Холодно...

Дрожащей рукой взвел курок и снял "макаров" с предохранителя.

Шшшшшш....

Словам вторил звук трескающегося бетона и деформируемого металла.

По мёртвому телу дома пробежали послесмертные судороги.

- Эй, есть кто живой?

И не узнал собственного голоса. Вместо ясного вопроса вышел булькающий хрип.

- Эй, здесь есть живые? Это полиция! - На сей раз получилось гораздо лучше.

Но в ответ установилась гробовая тишина. Даже странный шёпот пропал. Преодолев второй лестничный пролёт, Марченко поднялся на второй этаж. И обомлел, опуская пистолет. В следующее мгновение откуда-то из недр организма накатила волна тошноты, и он перегнулся через чудом уцелевшие перила, опустошая желудок. На площадке и простиравшемся далее коридоре лежали несколько тел в ещё дымящихся одеждах. Мозг автоматически принялся анализировать обстановку в попытке воссоздания картины произошедшего.

Фиона, вурдалак, оборотень, фея...

На шее у всех - уже знакомые кулоны.

Позы тел предполагают борьбу. С пожаром или с...

Череп одного из тел, ведьмы, с одной стороны сильно повреждён.

Неподалёку валялся металлический подсвечник. Оказавшийся довольно увесистым, он был сильно погнут с одной стороны. Причем характер повреждения вызван, скорее ударом, нежели соприкосновением с открытым огнём или просто падением с высоты.

Марченко приложил его к повреждённой части черепа ведьмы.

Окончательное слово за экспертом, но по мне, так канделябр

погнули о голову именно этой дамы.

И на всякий случай сделал снимок.

По мере продвижения по коридору ничего интересного не встретилось. Вот чадящая библиотека: груды бумажного пепла вздымаются ветром и гуляют меж углей полок. В углу несгораемый шкаф с отслоившейся краской. Заперт. Дальше рабочий кабинет: около окна застыла большая столешница на подломившихся ножках. Рядом остов упавшей лампы с рассыпанными вокруг осколками зелёного абажура.

Когда-то подобные лампы были в почёте, а сейчас это винтаж.

Некогда строгая обстановка оказалась бессильной перед всепожирающей властью огня.

Следующая комната в прошлой жизни являлась санузлом. Или, точнее, шикарным джакузи: прямо посередине помещения высится почерневшая и потрескавшаяся огромная гидромассажная ванна. Плитка на стенах изображает резвящихся в морских волнах дельфинов.

Странное дело, то ли воздух в доме очистился, или Марченко, надышавшись, привык к гари, но когда он убрал платок от лица, то с удовлетворением обнаружил, что вполне может обходиться без сковывающего движения куска материи.

Но пахло всё равно не айс.

Последний дверной проём оказался самым большим и, судя по всему, скрывал гостиную. Полусгоревшие двойные двери перегораживали вход, поэтому мешающие обломки пришлось пнуть ногой. Взору открылась интересная картина. Скорее всего, именно здесь находился эпицентр вечеринки. Повсюду валялась разбитая посуда вперемешку с остатками роскошной мебели. И тела. Наличие на каждом золотого кулона теперь не удивляло.

Это не совпадение, а нить закономерности.

Марченко потянулся за телефоном и принялся за мрачный фотосет, запечатлевая каждого погибшего.

Закончив со снимками, полицейский приблизился к стоящему в углу странному изваянию - женщине, облачённой в старинную одежду и прикрывающей лицо руками.

Не смогла вынести зрелища, здесь творящегося?

Грязно-чёрного цвета, вся в копоти, фигура, тем не менее, приковывала взгляд и источала харизму. Если так можно выразиться. Вместе с постаментом немного выше самого Марченко, рост которого составлял 185 сантиметров.

На пьедестале едва различимая надпись, ставшая читабельной после оттирания платком: Ferrabezzo, 1924

Слово - фамилия скульптора. Вероятно, итальянца. 1924 - год создания.

Щёлк. Карточка статуи отправилась на microSD карту памяти телефона, в компанию гостей вечеринки.

В какой-то момент мозг, перегруженный большим объёмом неподдающейся логическому объяснению информации, перестал сопротивляться и сдался. На место пульсирующего адреналина и возбуждения явились оцепенение с жаждой. Сильно хотелось пить. Очень сильно. Марченко уже потерял счёт времени, прошедшего с момента, когда он ступил за порог. Одежда - сырая от пота. Телефон в руке - обжигающе горячий.

Пора отсюда валить. Иначе снова стошнит...Или сойду с ума...свихнусь и превращусь...в этого...одного из них, с кулоном на шее.

Он вяло помахал рукой на прощание изваянию

Пока, крошка!

и уже в дверях остановился, решив напоследок окинуть

гостиную финальным взглядом, как

Нихрена себе! Как ЭТО я не заметил?

Неестественность зрелища выпирала наружу и почти кричала, но затуманенное внимание отравленного испарениями организма перестало реагировать на окружающую обстановку.

В кирпичную кладку наполовину вогнан кинжал с чёрной рукояткой.

Марченко напряг слабеющий мозг, пытаясь осознать увиденное.

Человек инстинктивно всаживает нож на уровне глаз. Значит тот, кто это сделал, примерно одного со мной роста.

Взявшись за рукоять через вконец измученный носовой платок, сжал кисть покрепче и...ничего. Как и следовало ожидать, кинжал не сдвинулся ни на йоту.

Кто бы мог это сделать? Причем, судя по входному отверстию в стене, с первого удара!

Скорее из любопытства, осторожно прикоснулся к обоюдоострому лезвию двумя пальцами, и тотчас на обоих выступила кровь.

Немыслимая заточка!

Особняк снова вздрогнул и затрещал по швам.

Желание жить давно перестало толкать к выходу, и, невозмутимо слизнув кровь, в зомбо-состоянии полицейский, в который уж раз, полез в карман за трубой. Но сделать снимок не получилось: проиграв прощальную мелодию, телефон впал в анабиоз.

Чёрт!

Ругнувшись с досады, Марченко швырнул платок на пол и направился к выходу.

Холодный ноябрьский ветер с шумом ворвался в измученные анти-воздухом лёгкие и едва не разорвал. Отдышаться, как и надышаться, никак не получалось. Поэтому он просто опустился на грязную плитку дорожки и, не обращая внимания на дождь, тихо радовался тому, что выбрался целым и невредимым.

Тело у входа успели положить на носилки и благоразумно накрыть.

Окружённый несколькими людьми в штатском, судмедэксперт из группы Марченко выглядел подавленно и даже обескураженно.

Один из "людей в чёрном", широкоплечий мужчина лет сорока, отделился от компании и зашагал в направлении отдыхающего полицейского.

- Александр Дмитриевич?

Марченко, утирая остатки пота с лица, поздоровался.

- Угадали. Ты, значит, у них главный.

- Евгений Васильевич. - И продемонстрировал раскрытое служебное удостоверение Федеральной Службы Безопасности. - Вижу, вы только с парилки.

- Типа того. - Марченко натянуто улыбнулся. После увиденного шутить хотелось меньше всего. Хотелось холодненькой, хрустнуть солёным огурцом и послать всё к едрене фене.

Ещё вас, родимых, гэбэшников здесь не хватало.

- Да, жарковато здесь. Во всех смыслах. - Евгений Васильевич, оглядевшись по сторонам, перешёл на заговорщический тон. - Давайте отойдём в сторонку.

- Я не против. Лишь бы не обратно в особняк, - согласился Марченко.

В этот момент один из фсбшников повернулся к ним.

- Евгений... - однако собеседник Марченко отмахнулся, приказывая оставить обоих в покое.

- Так понимаю, Евгений Васильевич, вы хотите сообщить мне сведения государственной важности? - прервал паузу Марченко, когда они остановились возле сиротливо выглядевшей беседки. Он уже чувствовал, что появление группы одинаково одетых мужчин с холодным умом и горячим сердцем внесёт коррективы в расследование. И даже догадывался, какие именно.

От Евгения Васильевича не ускользнул сарказм в голосе собеседника. Однако чекист лишь скривил губы и снова обрёл невозмутимое выражение лица.

- Совершенно верно, Александр Дмитриевич. Вам как руководителю следственной группы я уполномочен сообщить, что данным происшествием будет заниматься Федеральная Служба Безопасности. Сами понимаете, это...скажем так...нерядовой случай возгорания. А также учитывая личность владельца дома...Уже сформирована специализированная оперативная группа...собственно, сейчас вы её и видели.

- Ага. Видел. - Марченко расслабленно смотрел на фруктовый сад, уже абстрагировавшись от ситуации. И молчал.

А что я могу сделать?

Евгений Васильевич сощурился, проследив за его взглядом. Однако ничего интереснее, кроме раскинувшегося впереди фруктового сада и расположенной за ним конюшни, увидеть не мог. Однако почувствовал лёгкое беспокойство из-за непредсказуемого поведения полицейского. Непосредственность того обескураживала. Откуда чекисту знать, что Марченко просто находится в состоянии повышенного желания послать всё и всех

на три весёлых буквы.

- Приказ о вашем отстранении от расследования находится...

Но ему не дали закончить:

- Желаю удачи и поскорее поставить в этом деле жирную точку.

Евгений Васильевич несколько секунд наблюдал за удалявшейся спиной следователя, затем спохватился:

- Александр Дмитриевич!

Тот остановился и обернулся к спешившему фсбшнику.

- Александр Дмитриевич, совсем забыл...а что вы увидели в доме?

Но напускное безразличие прозвучало излишне фальшиво.

Марченко внутренне напрягся, однако внешне оставался спокойным и невозмутимым.

Вот козёл. Как-будто что-то знает.

- Да много чего. - Он пожал плечами. - Руины, угли, пепел.

Евгений Васильевич, однако, не сводил пытливого взгляда.

- И всё?

- Всё. Дальше входа пройти не удалось. - И добавил, как само собой разумеющееся. - Слишком жарко и опасно.

По лицу чекиста проскользнула тень разочарования.

- Ну чтож...в таком случае не смею вас задерживать. Ах...да, Александр Дмитриевич! - Фсбшник просиял. - Пустая формальность, но всё же...вам нужно написать рапорт.

Марченко напрягся. Собеседник имел странный способ

общения "забыл-вспомнил".

- Какой рапорт?

Евгений Васильевич приблизился и слегка наклонился.

- Скажем так: рапорт об увиденном. Всё, замеченное внутри, надо описать. - Он виновато вздохнул. - Я понимаю, мои слова на первый взгляд кажутся пущей бессмыслицей. Но это крайне важно для нас. Ведь вы первый, кто вошёл в дом.

Возражать не имело смысла и Марченко согласился.

- Окей. Сделаем.

Сходите туда и опишите то, что я увидел, сами! Фсбшники, блин...

Евгений Васильевич подождал, пока следователь отойдёт на достаточное расстояние, затем достал телефон и набрал номер.

- Михаил Германович, это Попов. Утро доброе. - Затем спохватился. - Хотя, какое оно доброе.

- Попов, давай ближе к теме. У меня сейчас оперативка. - Голос в трубке явно не был намерен затягивать разговор. - Что у тебя?

Евгений Васильевич недовольно поморщился, одновременно удовлетворённый тем, что непосредственный начальник не имеет возможности его лицезреть.

- Михаил Германович, докладываю. Тут руководитель следственной группы шустрым оказался, и успел побывать в доме Быстровых до нашего приезда. Правда, не совсем понятно, как ему это удалось. Потому что ближе десяти метров к строению подойти невозможно: жар адский!

- Действительно, странно. - Согласился собеседник в трубке. - А ты уверен, что это имело место быть?

- Абсолютно. - Евгений Васильевич нисколько не сомневался.

- Сам наблюдал его выходящим из дома.

- Ладно. Допустим. Что он видел? - голос Михаила Германовича резко посуровел.

- Утверждает, что ровным счётом ничего. - Продолжил Евгений Васильевич. - Мол, было слишком жарко и ему пришлось вернуться.

- Это хорошая новость, - напряжение в голосе Михаила Германовича быстро спало.

- Но... - Евгений Васильевич замялся, не желая продолжать. Однако понимал, что смолчать не имеет права.

- Что "но"? - Собеседник рявкнул привычным тоном. - Попов, не тяни кота за хвост. Ты же знаешь, что я этого не люблю!

Евгений Васильевич вздохнул и продолжил:

- Со слов членов группы, например, судмедэксперта, этот опер пробыл в доме не менее получаса.

- Я понял, к чему ты клонишь. - Михаил Германович явно раздосадовался. - Надеюсь, он уже отстранён?

- Разумеется. - Поспешил ответить Евгений Васильевич, зябко поёжившись и поднимая воротник плаща. - И напишет рапорт.

- Хорошо. Тела кто-то видел?

- Только одно тело, у входа. Пока не опознано. И его успел обследовать судмедэксперт. Но мы с ним обязательно проведём профилактическую беседу, - заверил Евгений Васильевич.

- Вы уж проведите, проведите. И с опером пообщайтесь. Чтоб не болтал лишнего. Я на вас надеюсь.

- Всё будет в порядке, Михаил Германович. Если понадобится, мы их отправим по состоянию здоровья на заслуженный отдых.

Евгений Васильевич нажал на кнопку выключения разговора и ещё несколько секунд задумчиво смотрел вперёд, казалось, не замечая ничего вокруг. Капли дождя, словно слёзы, стекали по

чисто бритым щекам.

Марченко, проходя мимо судмедэксперта, немного замедлил шаг.

Сказать об отстранении или нет? А, чёрт...

- Сань.

Сначала полицейскому показалось, что ослышался: настолько тихо прозвучал голос. Почти шёпотом. Он вопросительно посмотрел на медика.

- Валер, ты чё?

Однако тот знаком попросил тишины и продолжил, ещё сильнее убавив тон:

- Сань, сделай вид, что завязываешь шнурок. И, Бога ради, не смотри на меня.

Марченко повиновался.

- Чё случилось? - и сам перешёл на шёпот.

- Слушай, тут такое дело, - судмедэксперт отвернулся и явно не находил себе места, - не знаю, с чего начать.

- Начни с начала. - Процедил сквозь зубы Марченко, понимая, что сидеть и делать вид, будто завязываешь шнурок, до бесконечности невозможно. Скоро это привлечёт внимание. - У тебя десять секунд!

- То, что скажу, не лезет ни в какие ворота, Сань. - Медик облизнул пересохшие губы. - Ты посчитаешь меня идиотом.

Дрожащий, растерянный голос и вправду говорил, что стряслось нечто неординарное.

- Я посчитаю тебя идиотом, - зашипел Марченко, - если ты и дальше продолжишь держать меня в этой позе.

- Меня убедительно попросили держать язык за зубами... - Судмедэксперт мельком глянул в сторону людей в штатском. Всецело занятые собой, те не обращали на них внимания. - Ты понимаешь, если что, буду отрицать всё, что сейчас тебе сказал?

Марченко начал терять терпение.

- Валера, я не идиот и всё прекрасно понимаю!

Не тяни резину, Айболит.

- Ладно! - Выпалил, собравшись с духом, медик. - Готов поклясться дипломом, что молодая женщина, тело которой обнаружено у входа, умерла как минимум за три месяца до того, как сгорела!

Пролог. О`кей, Google

Ключ заело в скважине. Марченко, чертыхнувшись, сбросил с плеча тяжёлую сумку и принялся корпеть над замком. И после нескольких безуспешных попыток неудача отошла в сторону. Но, только переступив порог, сразу досадливо вспомнил, что забыл купить хлеб.

Теперь понятно, почему дверь так долго сопротивлялась.

Ладно, перебьюсь как-нибудь. Сегодня был трудный день.

Ни сил, ни желания идти в магазин не было. Даже на чувство голода наплевать. Впрочем, оказавшись в пустой стылой квартире, он снова почувствовал тоскливое желание поскорее отсюда срулить. Неважно, куда. Лишь бы к живым, доброжелательно настроенным, людям.

И действительно, как подорвался средь ночи на пожар элитного особняка, оказавшегося полным сюрпризов, так только сейчас, спустя без малого сутки, удалось приковылять домой.

Наша служба и опасна, и трудна. Блин. Может, написать рапорт по собственному?

Хорошо, хоть на сегодня отгул дали. И то, не факт, что не вызовут по неотложке.

Надо срочно спрятать фотографии!

Из отделения полиции Марченко поехал в "гости" к Евгению Васильевичу, прямиком в Следственное управление.

Тот, недаром что фсбшник, залез полицейскому на шею и не слезал полдня.

Вместо того, блин, чтобы выполнять свою работу на месте происшествия.

Евгений Васильевич внимательно ознакомился с копией рапорта и долго разговаривал с Марченко. По теме и нет. Но больше не по теме. Однако тот прекрасно понимал, что из его слов чекист лепит мозаику, картину того, что видел и знает полицейский. Ведь именно так, задавая собеседнику ничего не значащие на первый взгляд вопросы, и постепенно "сжимая вокруг него кольцо", можно выудить из человека всю нужную информацию.

Причём бедолага этого даже не поймёт.

Главное - уметь читать между строк. То есть мыслить интуитивно логически.

- Можно взглянуть на ваш телефон? - неожиданно попросил хозяин кабинета.

- Пожалуйста. - Марченко пожал плечами и протянул тому дешёвый китайский мобильник, в котором отсутствовала даже камера.

Чекист удивлённо вскинул брови.

- Смотрю, вы аскет в том, что касается современных гаджетов.

Идиот. Я просто вставил сим-карту в другой девайс, потому что в первом сдох аккумулятор.

- Главное - звонит. - Отмахнулся полицейский. - И ладно.

- Он у вас единственный? - Полюбопытствовал фсбшник. - Или есть ещё?

Напускное дружелюбие хозяина кабинета диссонировало со строгостью одежды и вообще не вводило в заблуждение. Но врать не имело смысла.

- Ещё один имеется, - непринуждённо ответил Марченко.

Второй телефон, хранящий снимки с особняка, потяжелел и оттягивал карман.

Пипец, попадалово. В кармане двадцать карточек компромата. Надо было оставить эту трубу в сейфе кабинета.

Однако следующая мысль отрезвила.

Возьми себя в руки и не раскисай.

Евгений Васильевич подошёл к окну и тоскливо посмотрел на продрогшую улицу.

- А как он называется, если вам нетрудно вспомнить?

Марченко ощутил, как сильно напряжён. И выдохнул, расслабляя тело.

- Самсунгом его родители нарекли.

Чекист перестал лицезреть сбегающие по стеклу капли дождя и улыбнулся неожиданно широко.

- Вижу, с чувством юмора у вас полный порядок - это главное в нашем деле. А название модели какое?

- Гелекси, - машинально ответил полицейский, занятый мыслями о том, что именно хотел сказать собеседник обобщающим словом "нашем".

Евгений Васильевич хотел было что-то сказать, но передумал и лишь кивнул головой.

- Хорошо. Я понял.

Марченко закусил нижнюю губу.

Ты сейчас подумал о том, что я соврал, когда сказал, что для меня главное - лишь бы телефон звонил.

После нескольких часов непринуждённого общения с перерывами на кофе, хозяин кабинета с дежурной улыбкой объявил разговор оконченным, пожал руку Марченко и посоветовал тому оставаться на связи.

Основываясь на собственных ощущениях, Марченко предположил, что Евгений Васильевич оказался разочарован результатом "собеседования". Он вполне мог заподозрить, что полицейский темнит. Однако формального повода придраться к его словам не было...

Дома Марченко первым делом хотел вытащить из телефона sd-карту и спрятать в одноразовой копилке-поросёнке на столе,

Это самое укромное место в квартире

Но передумал, решив сделать это позже.

Побросав одежду в кучу, залез под душ, обуреваемый мыслями о том, что же именно приготовить на ужин.

Может, лучше жениться? Тогда тебя автоматически поджидает вкусная домашняя еда. Ну ладно, не автоматически, а приготовленная нежными заботливыми руками.

Ведь "приготовить" в отношении Марченко означает выбор из двух вариантов: пожарить котлеты или сварить пельмени. Или третий - сгонять в ближайшую кафешку, расположенную неподалёку. Однако сейчас уже поздно, и это заведение давно закрыто.

Душа́ просила ду́ша. Под упругими струями прохладной воды он почувствовал себя гораздо лучше. И даже покидал пену на потолок, как это делают с маслом в армии, когда начинается стодневка до приказа. Но при мысли о том, что надо есть уже порядком поднадоевшие полуфабрикаты, приуныл.

Эх, жизнь-копейка...

Лампочка освещения холодильника обратилась маяком надежды, а завалявшаяся банка пива, моментально оказавшаяся в ладони, вмиг прогнала сплин.

Поставив кастрюлю с водой на плиту, Марченко обнаружил, что пельменей в холодильнике нет.

Кастрюля подвинулась в сторону, а её место заняла сковорода.

Насвистывая популярную мелодию, он открыл так вовремя оказавшееся под рукой пиво и включил компьютер.

Искомое слово настолько сильно врезалось в память, что его даже не пришлось вспоминать.

Ferrabezzo...

Поисковик мгновенно выдал на-гора искомый результат.

Ferrabezzo - псевдоним датского скульптора итальянского происхождения Стефано Галуччо. Родился 21 января 1881 года в Генуе. В 1888 году, в возрасте семи лет, Стефано вместе с родителями и двумя старшими братьями, переехал в Ольборг. Основной период творчества пришёлся на нулевые и десятые годы 20 века. В основном выполнял частные заказы состоятельных клиентов. Главная тема работ - древнегреческая мифология.

Бесследно пропал 31 октября 1924 года.

Марченко сделал большой глоток и почесал лоб.

Хм... И снова эта дата - 31 октября. Холодные воды Лимфьорда хранят ещё одну тайну.

Среди множества фотографий работ Галуччо искомая статуя упорно не хотела отыскиваться. Высокая женщина, прикрывающая лицо обеими ладонями - довольно странное изваяние. Во всяком случае, прежде ничего подобного встречать не приходилось.

Гиперион и Тейя, Океан и Тефида - просматривая творения мастера, Марченко заново для себя открывал великое наследие древних эллинов. После титанов шли олимпийцы: громовержец Зевс, распределяющий на земле добро и зло, с супругой Герой, повелитель морей Посейдон и его вторая половинка Амфитрита. Причём последняя многими почиталась наравне с супругом и ей воздвигались статуи. Например, в храме на острове Тенос.

В честь Амфитриты даже назван астероид, открытый в 1854 году.

Что примечательно, Ferrabezzo приложил руку не только к статуям, но также создавал статуэтки высотой всего 5-10 сантиметров. Причём, как выяснилось, их было большинство.

Далее каталог фото демонстрировал божеств стихий. Впрочем, их было лишь несколько статуэток.

Отдельным рядом шли работы, выполненные на заказ. Упоминались и некоторые клиенты, например, крупные музеи и галереи.

Но нужной статуи среди них тоже не оказалось.

Где ты прячешься?

Марченко допил остатки согревшегося пива и только сейчас вспомнил, что хотел пожарить котлеты. Есть совершенно не хотелось, и, обжигаясь и чертыхаясь, отставил в сторону раскалённую сковородку. А полурастаявшие, превратившиеся в бесформенную массу полуфабрикаты полетели обратно в морозилку.

Надо изменить условия поиска.

В ответ на запрос о созданных Ferrabezzo в 1924 году статуях вылез целый ряд статей и несколько куцых фото. Беглый их осмотр результата не дал: странноватая женщина с поднятыми к лицу руками нигде не фигурировала. Впрочем, неудача не обескураживала. Работа следователя, помимо наличия остальных качеств, предполагает запас терпения и усидчивости.

Где же ты прячешься?

Оставалось одно: сравнивать каждое фото с названием и записывать результаты на… например, на бланке просроченного страхового полиса, оказавшегося под рукой. Благо, скульптур оказалось немного. Всего одиннадцать: Прекрасная Селена с факелом в руке…Электра, безутешно проливающая слёзы на могиле своего убиенного отца Агамемнона…Аид со скипетром: мрачный хитрец, угостивший Персефону зёрнами граната и, в свою очередь, сам обманутый Сизифом… Галуччо был интересен тем, что подходил к работе, как сейчас модно выражаться, креативно. То бишь творчески, незашоренно. Наделял творения чертами современников. В разумной мере. Поэтому скульптуры выглядели свежо и симпатично. Может, поэтому он никогда не жаловался на отсутствие заказчиков. Последней работой Стефано была Афродита. Богиня любви и красоты в одной руке держала розу, а вторую опустила на складки одеяния. Голова чуть наклонена в сторону, а взгляд…

взгляд направлен куда-то вдаль, в будущее…нет, всё же она смотрит на бутон…нет, скорее…

Марченко поймал себя на том, что восхищённо любуется статуей, поражённый её красотой.

Тут пришло осознание того, что это была последняя работа скульптора. В прямом и переносном смысле. А результата нет. Марченко откинулся на стуле и потёр уставшие глаза.

Что-то от меня ускользает…но что именно? Теперь не остаётся ничего другого, кроме как снова, более тщательно и методично пройтись по результатам творчества Ferrabezzo.

Все названия переписаны, к каждому отыскано подходящее фото, но эта странная статуя… Может, изваяние принадлежит руке другого мастера?

Он поднялся со стула и прошёлся по комнате, разминая затёкшее тело. За окном царствовал вечер первого ноября. Дождь с ветром на некоторое время забыли о своих прямых обязанностях, погода установилась безветренная и спокойная. Прохожие, занятые каждый своим миром, сновали туда и сюда. Впрочем, некоторые шли по диагонали. Вот девушка с ребёнком подходят к большой луже и замирают на краю. Мамаша настолько озабочена, что не обратила внимание на раскинувшееся перед ними препятствие. Пара секунд у неё ушло на то, чтобы прийти в себя и осознать неизбежность принятия решения касательно лужи.

Быть или не быть…нет, не так! В её случае плыть или не плыть.

Мадам потащила ребёнка в обход.

Умный в лужу не пойдёт. Умный лужу обойдёт.

Малыш не поспевает за поступью мамаши, однако та упорно тянет чадо за ручонку.

Похоже, девушка снова ушла в себя и выключила голову.

Какое-то движение привлекло внимание окружающих.

Пожилой мужчина в сером пальто споткнулся и упал. Те, кто находился ближе, мельком бросили взгляд на пенсионера и поспешили сделать вид, что ничего не заметили. Упавший приподнялся. К бедолаге поспешили проходившие поодаль парень с девушкой. Парень помог пенсионеру встать на ноги, а девушка подала вылетевшую из рук сумку и отряхнула пальто...

Спрятавшие эмоции вместе с зонтами, вечно спешащие, каждый занятый своими мыслями...и бесконечно одинокие в людском море. Впрочем, он сам такой. Одинокий молодой волк, не познавший смысла своего существования. Падающий в бездну, но в последний момент уцепившийся за работу как спасительную соломинку. Неспособный впустить женщину в свой мир, и оттого постоянно растворяющий горечь в алкоголе. Марченко отвернулся и оглядел обстановку комнаты.

Если сейчас упаду, то прийти на помощь некому.

А тому старику...просто повезло. Чем больше город, тем меньше тех, кто придёт тебе на помощь.

Сутулая фигура медленно удалялась, превращаясь в точку и становясь всё меньше и меньше.

Марченко же не мог отвести от него взгляда. И старик для него стал словно одиноким маяком в бескрайнем людском море: все остальные прохожие растворились, исчезли в мгновение ока, разбросанные по акватории собственным эгоизмом. Штормит, но люди думают, что погода стихнет сама собой.

Полы пальто, раскачивающиеся в такт неуверенной походке, потемнели от влаги. Старая сумка оттягивает руку. Вот неравнодушная девушка отряхивает одежду старика.

Наконец, картинка исчезла, оставшись лишь в памяти.

И тут его словно током прошибло.

Этого не может быть, потому что такое невозможно...Но если стряхнуть грязь и копоть...если её очистить, то...нет! В любом

случае, это не-воз-мож-но!

Подбежав к компьютеру, схватил смартфон, на который делал снимки в доме. Приставил к монитору и сравнил два изображения.

Так и есть! Этого не може...разница лишь в деталях! Но если от них абстрагироваться, если не обращать внимание на грязь...Совпадает всё. Форма рук, причёска...даже складки одеяния один в один!

Афродита, последняя работа Стефано Галуччо, и ваяние, обнаруженное в сгоревшем особняке - одна и та же скульптура. Только сначала она держала розу, а потом в ужасе прижала обе руки к лицу.

Глава 1

Колганов с трудом разомкнул склеившиеся, непослушные веки. Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивался яркий солнечный свет. Рука привычно потянулась к тому месту, где на прикроватной тумбочке всегда стоит будильник. Но вместо ожидаемого куска пластика кисть поймала пустоту.

Чёрт!

И тут он сообразил, что проснулся не от звонка, а от шума свалившихся на пол часов.

7:31

Надо вставать. И обязательно принять холодный душ, чтобы прояснить мозги. И пожевать мятных таблеток. Ведь Бергер, главред издания, в котором работал Колганов, не любит, когда с утра сотрудники дышат перегаром и думают не о работе, а о том, что ей мешает. Хотя, по правде говоря, как раз-таки по наличию мятного запаха изо рта главред безошибочно и определит, чем накануне занимался его лучший журналист.

Ведь не впервой же.

Колганов наклонился, протянул руку и водрузил часы на законное место.

Надо их приклеить, чтобы впредь не падали. Нет, прибить гвоздями! Хм...приклеить и прибить гвоздями одновременно! Для надёжности.

Он мысленно улыбнулся собственному юмору и сел на кровати. В голове шумело, но не сказать, чтобы сильно. Мутный взгляд остановился на пустом стакане рядом с часами, отчаянно намекающем на то, что следует заглянуть под кровать. Колганов осторожно пошарил и наткнулся на искомый предмет.

Вот ты где прячешься

Вытащив на свет полупустую бутылку Monnet VS, покрутил её и сделал небольшой глоток прямо из горлышка. Однако наслаждение от напитка прервал невесть откуда взявшийся голос разума.

Остановись! Хватит уже бухать...тем более, с утра. Брр!

Выждав несколько секунд, он проглотил обжигающую жидкость и поставил коньяк рядом со стаканом.

А напиться хотелось. Ну, или хотя бы просто пропустить один-два стаканчика. Чтобы снизить чувствительность нервной системы и головного мозга. Ведь трезвому слушать Берга становилось уже тяжело. Каждое новое журналистское задание, которое давал Бергер, всё ближе и ближе подходило к черте, отделяющей разум от безумия. А ведь начиналось всё неплохо и даже безобидно...

Полтора года назад Колганов, молодой двадцатитрехлетний выпускник журфака провинциального университета, перебивался случайными заказами, которых не хватало даже на хлеб, не говоря уже о масле. И тут на глаза попадается объявление о том, что на конкурсной основе в какой-то московский журнал под странным названием "8-й день недели" требуется журналист. И хотя профиль издания, - а это мистика, эзотерика и паранормальные явления, - не особо Колганову нравился, всё же перспектива иметь в портфолио московское, и довольно популярное издательство, склонила чашу весов в пользу попытать счастье. И он сочинил статью на требуемую тему. Именно сочинил, потому что сам Колганов в эту чепуху нисколечко не верил. Удивительно, но Бергеру, главреду и владельцу "8-го дня", работа понравилась. На Колганова посыпались заказы. Требования к статьям оказались предельно просты и откровенны - писать нужно интересно. Захватывающе, мистически-нереально-правдоподобно. Назови, как хочешь. Главное, чтобы читатель, открыв журнал, "проваливался" в мир иллюзий, забывая обо всём на свете. О том, что хотел сходить в туалет и открыть банку пива,

о том, что нужно выключить воду в ванной. О семье и близких, наконец.

Поначалу было прикольно и даже немного интересно. Да и гонорары вчерашнему выпускнику "журкафа" ТГУ казались довольно приличными. На волне пришедшей популярности на сайте издания Колганову даже пришлось завести персональный блог, в котором умно отвечал на наивные вопросы читателей, а также делился с ними "пережитым". Как ни странно, никого не смущал достаточно юный возраст "отвечанта". Со временем это превратилось в рутинную работу, выполняемую одной рукой. Во второй, как водится, баночка холодного пенного. Доходило до того, что иногда Колганов настолько "входил в роль" статей, что пускал слезу на волне эмоций.

А полгода назад Бергер предложил переехать в Мск. "Просьба" была, скажем так, мягкой, но настойчивой. Не терпящей возражений. Впрочем, Колганов не сильно-то и сопротивлялся, в надежде на то, что переезд хоть как-то раскачает унылую жизнь. Поначалу ютился в съёмной комнатушке, потом переехал в однушку в хамовниках. И ведь странное дело: чем больше статей он писал, чем точнее шлифовал мастерство языка изложения, чем больше у него становилось поклонников и подписчиков, тем скучнее и преснее становилась реальная, невыдуманная жизнь. И тем чаще пиво в руке уступало место стакану с более крепким напитком. На личном тоже не ладилось: как говорится, "то мы не тех, то нас не те".

Но вернуться домой, в Тлт, начать всё заново - желания не было. Да и была бы она, эта жизнь, новой - большой вопрос. Колганов прекрасно понимал, что отказаться от угара ночных клубов и "экспресс-знакомств" - вот это действительно поступок, меняющий жизнь. Но чем тогда заполнить образовавшуюся пустоту?

Стольный град не сильно понравился. Точнее, даже наоборот. Впрочем, это было взаимно. Привыкать к суете и бескомпромиссности мегаполиса пришлось болезненно и долго.

Словно оставался заложником своего внутреннего, выдуманного мира, построенного в голове и отражающегося статьями на страницах журнала. Со временем мир реальный и мир выдуманный притёрлись и ужились вместе, иногда даже друг друга дополняя. Но однажды настал момент, когда пути их разошлись. Рано или поздно, это должно было произойти. А человеческая оболочка, выступавшая точкой соприкосновения двух миров - Колганов, остался стоять на месте в полном одиночестве, раздираемый внутренней пустотой.

Он утомлённо зевнул и потянулся, одновременно пытаясь попасть ногами в тапки. Из-под подушки сдавленно зазвонил айфон. У Колганова имелась странная привычка перед сном класть трубу под подушку. Кто что, а он мобилу. Меж тем настойчивая мелодия Old phone, а такая стояла только на входящих от главреда, резала слух и сгоняла остатки сна.

Бергер? Какого чёрта он звонит в такую рань?

- Проснулся?

Главред никогда не утруждал себя приветствиями и прочими этикетными фразами.

- Типа того, - прокашлялся Колганов.

Что на этот раз взбрело ему в голову?

- Давай не задерживайся. - В трубке возникла пауза, и Колганову показалось, что главред сделал глоток обожаемого им кофе "три в одном". - Я тебя уже жду. Есть очень интересный материал. Считай редакционное задание, о котором ты даже не мечтал.

- Я... - Колганов растерялся, не зная, что ответить. Однако в трубке уже слышались мерные гудки.

Блин!

Он швырнул телефон на подушку.

Какое нафиг задание, которое не потерпит полтора часа

времени?

Бергер уже в редакции? Почему так рано? И зачем звонить, если сегодня обычный рабочий день? Кажется, с возрастом он начинает сходить с ума... Впрочем, как все главреды. Это у них профессиональное.

Подойдя к зеркалу в ванной, Колганов зевнул и не спеша потянулся. Из отражения на него смотрел высокий широкоплечий молодой человек. Лёгкая небритость шла только на пользу. Светло-русые волосы, немного веснушек - девушки нередко говорили, что он красив. А он всегда отмахивался, мол, "мерси, краснею". Зато втайне себя считал чертовски привлекательным. Поиграв мускулами с отражением, Колганов залез под душ. Пока он неспешно водил зубной щёткой во рту, миллиарды молекул прохладной воды разбивались о волосы, и спешно стекали по кафельной плитке. И, прежде чем исчезнуть навсегда, кружили в маленькой воронке ванны.

Если бы Колганов посмотрел под ноги, то с удивлением обнаружил, что воронка крутится не по часовой стрелке, а против неё.

Глава 2

Бергер долго не мог уснуть. Сначала просто лежал, ворочаясь с бока на бок и слушая, как ветер играет с жалюзи полуоткрытого окна. Жена мирно посапывала под боком и, кажется, совсем не подозревала о бессоннице супруга. Пространство комнаты тем временем наполнял приглушённый шум проезжавших мимо машин и подростковый раскатистый смех. Сначала Бергер вознамерился закрыть окно, но тут же сообразил, что в комнате станет жарко. Поэтому просто накрыл голову подушкой. Звуки улицы исчезли. Но, как назло, стали докучать разные мысли: несделанные дела, рутинные рабочие моменты, обрывки воспоминаний детства и ещё какая-то непонятная непонятина. Потом, когда вся эта бестолковая возня дополнилась жаждой, он поднялся с кровати и, ощущая себя совершенно разбитым, поплёлся на кухню дабы приготовить кофе.

Включил чайник и выудил из коробки пакетик кофейного напитка "3 в 1", оказавшийся последним. И пока вода подогревалась, с грустью его рассматривал, переминая пальцами.

Потом пододвинул стул и устало присел. Взгляд упал на пульт от телевизора. Главред пощёлкал каналами, и остановился на документальной передаче, рассказывающей о сгоревшем в прошлом году в ночь на 1 ноября шикарном особняке. Он отложил пульт и, от нечего делать, стал смотреть.

Компания "мажоров", судя по всему, решила отметить "Хэллоуин". И, видимо, в какой-то момент их веселье стало неуправляемым - в доме вспыхнул пожар. Позже среди руин обнаружили двадцать два обгоревших тела в маскарадных костюмах вампира, принцессы Фионы, Золушки, Элвиса Пресли, феи и других. Огонь уничтожил практически всё. Прибывшие на место пожарные и спасатели, фактически, беспомощно развели руками. В полиции сначала заявили, что, судя по скорости, с

какой сгорел гигантский особняк - дело неладное. Иначе говоря, такое ощущение, что его одновременно подожгли с нескольких сторон. И даже возбудили уголовное дело по соответствующей статье. Однако чуть позже официальный представитель сообщил, что рассматриваются разные версии случившегося, в том числе возгорание по причине неисправной проводки. А совсем недавно дело закрыли. Вроде как короткое замыкание и виновато.

Ведущий всё ещё пространно рассуждал о причине трагедии, о том, что, возможно, между участниками веселья произошла кровавая ссора. И кто-то уронил на пол торшер с зажжёнными свечами и... но Бергер уже вовсю думал о том, что короткое замыкание - оно в головах тех, кто считает будто дом поджёг себя сам. Позабыв о закипевшем чайнике и пакетике кофе, который машинально продолжал держать в руке, главред лихорадочно соображал о том, что это идеальный сюжет для первой полосы его журнала. И написать статью, причём в предельно сжатый срок, должен...кто? Правильно, его лучший сотрудник! Великолепный, несравненный в своём мастерстве Егор Колганов. Бергер с трудом поборол желание сразу же броситься к телефону.

Никто не должен опередить меня с материалом. Скорей бы утро, скорей бы утро!

Дабы хоть немного успокоиться, он налил напиток и долго размешивал, мерно постукивая ложкой о края чашки.

Он и сам был готов написать - такое творческое возбуждение охватило. Это должна быть захватывающая, первоклассная статья. Будоражащая кровь и леденящая душу!

Нужно взять интервью у очевидцев, соседей и родных тех, кто...стоп!

Бергер понуро выдохнул, почесывая лоб.

Никто из родственников, и тем более родителей, не согласится на разговор с журналистом. Ведь не просто так эту

историю старательно умалчивали. В лучшем случае пошлют, а в худшем...

Может, попробовать зайти с другого входа - через знакомых полицейских? Мм, тоже не вариант - за ту сумму, что готов заплатить Бергер, никто не захочет подставляться. И вообще непонятно, у кого в сейфе материалы дела.

Придумать липовых очевидцев и ясновидящих?

Эврика!

Он радостно хлопнул себя по лбу.

Это будет ретроспективный экскурс в то, что произошло в сгоревшем особняке. Как бы глазами того, кто там был...

Главред мысленно представил, как он, словно играя в "шутер", блуждает, перемещается по дому. Смотрит на лица присутствующих, впитывает в себя их выражение, пытаясь его запомнить. Вот вампир подходит к Фионе, и демонстративно подносит к горлу девушки окровавленный нож. Вынутый, кстати, перед этим из тела предыдущей жертвы - мм...кто бы мог ею быть...ладно...пусть будет русалка. Нет. Русалки там вроде не было. Точнее, обгоревших останков, одетых в костюм русалки, в доме не обнаружили. А вот Золушка была! Итак, вампир хладнокровно заколол в туалете Золушку, и угрожает холодным оружием уже Фионе. Та от ужаса сначала теряет дар речи, но через секунду, собравшись силами, начинает истошно кричать. Но поздно. Слишком поздно. Вампир с размаху накрывает её перекошенный от страха рот огромной потной ладонью, и крик мгновенно обрывается. В следующее мгновенье холодная сталь полоснула горло несчастно жертвы. Фиона конвульсивно продолжает сопротивление, но это лишь часть агонии. Ярко-красная кровь, кажущаяся почти чёрной в полумраке, фонтанирует из разрезанного горла...

Бергер почувствовал сексуальное возбуждение и просыпающуюся эрекцию. Он вскочил со стула и стал наматывать круги по кухне. Затем остановился около окна, поднял жалюзи и воззрился на улицу. Шумная компания продолжала веселье. Семь подростков, четыре парня и три девушки, пьют пиво из пластиковых пол-литровых стаканов и грызут семечки. Рядом валяются несколько пустых "ваучеров". Один из молодых людей, высокий, с длинными чёрными волосами, шагнул к стоящей рядом девушке со светлой косой, и приобнял её за талию. Та склонила голову на его плечо. Другой парень, немного ниже ростом и с короткой спортивной причёской, сделал глоток из стакана и пнул пустой ваучер. Тот с глухим стуком полетел в кусты. Двух других девушек наполовину скрывала листва, и Бергер слышал лишь звонкий смех, прерываемый ярко вспыхивавшими в полумраке огоньками сигарет.

Главреду стало казаться, что компания не просто хлещет пиво от нечего делать, а отмечает "Хэллоуин". А кусты, дерево и замусоренная шелухой лавка - обстановка комнаты, в которой протекает веселье. И тускло светящий фонарь - не фонарь даже, а дорогая люстра со свечами. Каждого из подростков Бергер "одел" в соответствующий костюм и наделил аутентичными чертами. И хотя "персонажи", мирно пьющие на свежем ночном воздухе, бесконечно далеки от сгоревших в доме, главреда это нисколько не смущало.

...Вампир с наслаждением всматривается в мало-помалу тускнеющие глаза Фионы. Широко открытые в немом наивном вопросе "за что?", они так и манят, вызывая желание всматриваться в них снова и снова. Пробежавшая по телу жертвы конвульсия означает момент расставания души с бренной оболочкой. Прощальный поцелуй в безвольные уста, и убийца отпускает бездыханное тело. Падая, Фиона задевает стоящий за спиной канделябр, и роняет его.

Языки пламени лизнули дорогой паркет...

Не выдержав, Бергер зашёл в туалет и вытащил из трусов эрегированный член.

Неизвестно, что возбуждает больше - женщины или их истерзанные трупы.

Закончив, нажал на слив и устало прислонился плечом к стене. Во время эякуляции он нечаянно прокусил губу, и теперь ощущал солёный привкус во рту.

Почему вампир? Почему Золушка, Фиона и нож? На эти вопросы главред затруднился бы ответить. Просто пришло в голову. Просто...

Если не считать костюмов, в которые ожидаемо облачаются празднующие, и которые идентифицировали на пепелище, существовал один момент, чья странность не осталась незамеченной. Это чудом уцелевший календарь, намертво прибитый ножом к стене. Клинок вошёл в кирпичную кладку ровно наполовину. Причём, судя по экспертизе, его не забивали, а вогнали с первого раза. У календаря с отмеченной датой "31 октября" лишь слегка обгорели края, а на лезвии обнаружили запёкшуюся человеческую кровь. Принадлежность которой, кстати, так и не смогли установить.

От всей этой информации у Бергера кружилась голова. Он вышел из туалета и разбавил полуостывшей водой кофе. Сделав несколько глотков, главред напрягся. Что-то было не так. Оглядевшись по сторонам, он ничего подозрительного не обнаружил. Тишина...Это и было странным. Полная тишина. Даже ветер перестал заигрывать с жалюзи. Да компания под окнами поутихла. Компания...

Бергер выглянул в окно, но никого не увидел. Лишь одинокий фонарь около лавки понуро светил хмурым глазом.

Ушли...

Допив в два глотка напиток, он поставил чашку в раковину и собрался уходить, как внезапное чувство заставило чуть ли не

подпрыгнуть на месте. Главред подбежал к окну и принялся жадно всматриваться в то место, где ещё десять минут назад распивали пиво подростки. Кровь понемногу сочилась из ранки, и нижняя губа распухала. Так и есть. Ему не померещилось. Ни пустых стаканов, ни ваучеров, ни шелухи.

Абсолютно чисто. Словно никого и не было.

Бергер прокрался в спальную и, как можно аккуратнее, лёг. Жена так и не проснулась, что скорее радовало. Потому что делиться мыслями и чувствами, переполняющими разум словно налитый до краёв стакан, не хотелось. Уж очень они напоминают кошмарный бред. Однако сон не приходил. Дождавшись, когда часы показали 7:40, он набрал номер Колганова.

Глава 3

Сделав несколько глотков холодной воды и наскоро одевшись, Колганов вышел на улицу. Но не успел дойти до своего серебристого "форда" буквально с десяток шагов, как Бергер позвонил снова. Журналист замедлил шаг, выуживая из сумки телефон, и не заметил, как буквально из-под ног, взвизгнув, выскочил черный кот. От неожиданности парень споткнулся, едва не упав. "Айфон" же, выскользнув из рук, стремглав полетел на асфальт.

- Блин! - Колганов досадливо переводил взгляд с треснувшего экрана на кусты, в которых скрылось животное, то обратно. Звонок оборвался, но "труба" осталась жива, показывая пропущенный вызов. Как и котяра, жалобно мяукающий из недр густой листвы.

- Молодой человек, нехорошо так выражаться! - Невесть откуда взявшаяся бабушка с палочкой, остановившись, укоризненно качала головой.

- А? Да, извините. Я исправлюсь, - ещё не придя в себя, журналист отрешённо засунул разбитый гаджет в карман. Бабушка права и спорить с ней было бы не правильно.

"Я исправлюсь, обязательно исправлюсь..." - Всё ещё растерянно бормотал Колганов, когда оторвал взгляд от ожившей стрелки тахометра и посмотрел на удалявшуюся сгорбленную фигуру.

Вернее, он ожидал увидеть неспешно бредущую прочь старушку.

Но поблизости никого не было. Ни старушки с палочкой, ни прохожих.

Ветер на секунду уснул, затем лёгким порывом поднял с асфальта лист бумаги.

Вот дела. Интересное утро...

Выезжая со двора на главную дорогу, он притормозил и по привычке мельком посмотрел налево. Убедившись, что никому не мешает, включил передачу и...В то же мгновение мимо со страшным грохотом промчался мусоровоз, поднимая за собой столб пыли и разбрасывая кучи вываливающегося из кузова мусора.

Колганов инстинктивно вцепился в руль и похолодел, мысленно представив картину случившегося, выедь он перед летевшим на всех парах многотонным монстром.

Каждый день в хрониках демонстрируются шокирующие кадры: разорванные, искорёженные машины, ещё живые люди, на глазах у очевидцев превращающиеся в трупы. А несколько дней назад одному бедолаге, не сумевшему увернуться от лихача, вообще оторвало голову. Жуткие кадры... Брр.

На лбу выступил противный липкий пот, а глаза впились в удаляющийся КАМАЗ, пока тот не скрылся за поворотом.

Сзади посигналили. Мыслеобразы исчезли.

Колганов покосился на зеркало заднего вида. Большой чёрный внедорожник почти дышал в задний бампер его машины. Журналист опустил руку на рычаг переключения передач, наблюдая, как дрожит кисть.

День только начался, а уже произошло много чего. Надо собраться и войти в колею, в противном случае всё будет валиться из рук. Сначала кот прыгнул прямо под ноги, потом он сам едва не попался под колёса... Ну что за утро?

За спиной посигналили уже настойчивее. Огромная пасть решётки радиатора чёрного мастодонта вздрогнула и подкатилась ближе, практически касаясь багажника "форда". Колганов сжал пальцы на набалдашнике и выжал сцепление. Немного помедлив, плавно тронулся и выехал на улицу.

Спустя секунду затонированный в хлам внедорожник недовольно его обогнал, проехав демонстративно близко.

Но он этого даже не заметил, занятый совершенно другими мыслями.

Если бы не старушка...

Колени предательски дрожали.

Глава 4

В дверь кабинета главного редактора, а по совместительству и владельца журнала "8-й день недели" Михаила Бергера, настойчиво постучали. Не дожидаясь разрешения хозяина, порог переступил молодой человек лет двадцати двух.

- Здравствуйте. Я Кола. - Незнакомец шагнул к столу, протягивая руку для рукопожатия.

- Михаил Борисович. - Бергер не смог скрыть лёгкого удивления. Он ожидал увидеть другого человека.

Кола? А где, чёрт подери, Колганов?

Высокий и худощавый, посетитель одет в чёрные кеды с белыми шнурками, чёрные джинсы и не менее чёрную футболку. Копна волос соломенного цвета и светящиеся доброжелательностью голубые глаза на веснушчатом, слегка вытянутом лице. В руках небольшой кожаный портфель. Весьма потёртый и, разумеется, аналогичного колера.

- Присаживайтесь. - Главред нехотя указал на потрёпанный офисный стул, предназначенный для визитёров. Немолодая мебель угрожающе скрипнула под молодым человеком. - Вы записаны?

- Даже не знаю. - Кола пожал плечами, рассматривая обстановку кабинета. - Я приходил вчера вечером, но секретарша сказала, что вы отсутствуете. И предложила прийти на следующий день. То бишь сегодня.

Бергер задумался. Ну не в такую же рань!

- Ну хорошо, - он поднял песочные часы, стоящие на столе, и перевернул вверх тормашками. Жест призван сигнализировать нежданному гостю о том, что его время ограничено. Главред

всегда так поступал, когда предстоящий разговор по какой-либо причине тяготил. Сделав сей прозрачный намёк, откинулся на спинку стула и слегка прищурился, силясь предугадать, с чем же пришёл незнакомец. Незнакомец со странным именем Кола. - Я вас внимательно слушаю.

Ещё Бергер недобрым словом вспомнил секретаршу Валю, не предупредившую о визите молодого человека.

От Колы не укрылся негостеприимный песочный посыл главреда, но он сделал вид, что не заметил этого.

- Ваша газета, Михаил Борисович, давно и успешно рассказывает не только о новых открытиях в разных областях науки, но и о, так скажем, "хорошо забытом" старом. Например, о древних корнях фразеологизмов, о которых мало кто имеет представление. Знакомит читателей с рецептами народной медицины и...

- Философией, оккультизмом, эзотерикой и религией. - Перебил его Бергер. - Вы совершенно правы, молодой человек. Только мне это давно известно. Не пойму, зачем рассказывать мне о том, чем занимается моя газета?

Чувствуя, что терпения главреда надолго не хватит, Кола сразу же перешёл к делу.

- Так вот о религии я и пришёл поговорить. Хотел бы вам предложить опубликовать свою статью о нашем прошлом. О мистической связи между древним язычеством и молодым христианством. - Кола открыл портфель и извлёк несколько скреплённых тетрадных листов формата А4, и положил их перед Бергером. - Вот, пожалуйста. Смею надеяться, что эта тема вас заинтересует.

Тот покосился на исписанную убористым почерком рукопись, однако в руки не взял. Вместо этого бросил выразительный взгляд на песочный хронограф, уже отсчитавший половину временного цикла.

Этот чудак не в курсе, что существуют компьютеры и программа "Word"?

- Смею спросить, почему вы, молодой человек, называете христианство, насчитывающее более двух тысяч лет истории, молодым?

Кола искренне удивился вопросу.

- Что такое две тысячи лет для человечества, насчитывающего гораздо более глубокую историю? Так, мгновение.

- Всё равно вынужден с вами не согласиться. - Главред категорично покачал головой. - Сайентология, Новое мышление и Живая Этика - вот примеры действительно молодых религий. Возникшие совсем недавно, они зачастую оспариваются традиционными конфессиями и судебными органами разных стран. Что поделаешь, - Бергер философски пожал плечами, - такова судьба всех вер. Даже упомянутое вами христианство начиналось с гонений его последователей. - Бергер встал, разминая затёкшие конечности, и подошёл к окну.

Вид ссыпающегося песка не только не успокаивал, но и начинал раздражать. Каждая песчинка с грохотом ударялась об другие, раскатистым эхом вползая в черепную коробку. Недолго думая, Кола аккуратно положил часы набок. Грохот смолк. Сразу стало легче.

- Расскажите вкратце, что здесь написано. - Не оборачиваясь, попросил главред.

Подобные разговоры, откровенно говоря, ему нравились. В противном случае он бы давно прогнал незваного посетителя.

- Принято считать, что христианство и язычество - антагонисты. - Кола машинально потянулся к рукописи, словно студент за шпаргалкой. Но передумал и сел обратно, пытаясь найти комфортное положение на жёсткой неудобной

поверхности.

Инквизиция для несогласных с главредом журналистов? И сколько же их подверглось пыткам этого стула? - Но, как мне кажется, это неверно. И то и другое суть Божий промысел, уготованный для нас. Ведь, как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Кола замолчал, предоставляя собеседнику возможность проявить отношение к сказанному. Но Бергер лишь распахнул окно, впуская в кабинет тёплое майское солнце.

- Продолжай, - коротко бросил он.

Кола набрал до отказа в лёгкие воздуха, и медленно выдохнул. Он любил солнце. Ведь не зря же носил такое солнечное имя.

- Корень всех наших бед в том, что мы не принимаем своё прошлое. Не принимаем его как единое неделимое целое. Расчленяем его на то, что нравится, чем гордимся и тешимся. И на то, во что не верим, от чего отказываемся и что не хотели бы признавать. А ведь нам нечего стыдиться! У нас, русских, великое прошлое и древняя история. Её сознательно искажают, чтобы лишить нас будущего. Лишить самодержавия духа и обратить в послушное стадо баранов, бегущих за скидками в гипермаркеты. Никто не должен догадаться, что человек, не ведающий своих корней, лишён будущего. Это справедливо и в отношении целого народа. Отсюда все болезни. Ведь это своего рода шизофрения, раздвоение сознания. А человека нельзя делить. Нельзя себя делить. Нужно осознать, что ты - образ и подобие Бога. Что ты - творец! - Распалённый собственной речью, он вскочил и зашагал по кабинету. Портфель свалился на пол.

Бергер, ухмыляясь, повернулся к молодому человеку. И, скрестив руки на груди, сел на подоконник.

- Да, человек творец. - продолжил Кола с жаром в голосе, - Мы же в состоянии творить. Для этого нам даны руки. И сердце.

Главред пока не определился с тем, как реагировать на услышанное.

- Занятная у тебя теория, Кола.

- Скорее, история. Но нам пора осмыслить прошлое, чтобы изменить будущее.

- Глобальная задача. А как ты собираешься примирить христиан с неоязычниками?

- Очень просто. Для этого я и пришёл к вам. Нужно, скажем так, доносить в массы информацию. Нужно рассказывать людям об их прошлом. О том, что на самом деле никакого противостояния нет. Ведь солнце светит для всех одинаково, не выделяя по вере. Ветер обдувает и христиан, и буддистов, и иудеев. Земля одинаково всех кормит хлебом. Я об этом и написал в своей работе. Надеюсь, вы её опубликуете.

Бергер помедлил с ответом. В пространстве кабинета повисла звенящая тишина. И первым её нарушил ветер, заглянувший в распахнутое окно и скрипнувший жалюзи.

- Скажи, Кола, а какие у тебя имеются доказательства? Или ты всё это придумал во сне?

Но тот пропустил издёвку мимо ушей.

- Отнюдь нет. Всё есть в открытых источниках, лежит на поверхности. Нужно только иметь желание знать. Например, в русской литературе много говорится о двоеверии. Причём в сугубо положительном контексте. В нашей истории христианство и язычество переплелись настолько сильно, что невозможно отделить от другого. Двоеверие существовало до начала правления в Московии царя Алексея Михайловича. Проще говоря, простой народ исповедовал не только правоверие, то есть христианство греческого обряда, пришедшее из Византии, но и старую дохристианскую веру своих предков□православие.□

Бергер, имевший доселе равнодушный вид, встрепенулся.

- Ты назвал христианство правоверным. Ничего не перепутал?

- Ни капельки. Православие - это не религия, а вера. Православие означает "правь славили" и уходит корнями в русский ведизм. Так, первоначально христиане именовали себя

правоверными, однако позже этот термин отошёл к исламу. И далеко не секрет, что эпитет "православный" христианство имеет только на русском языке. На остальных оно называет себя ортодоксальным. То есть правоверным. Кстати, в оригинале "Слова о Законе и Благодати" принимавшие участие в семи Соборах святые отцы прямо названы правоверными, а не православными. И, если внимательно прочесть преамбулу Федерального закона "О свободе слова и о религиозных объединениях", то можно самому убедиться, что используемые в нём понятия "христианство" и "православие" не тождественны. Христианство из правоверного стало именоваться православным лишь в 17 веке, после реформ Патриарха Никона. Что по историческим меркам совсем недавно. Русская Православная Церковь как официальное наименование утвердилось и вовсе в 1943 году, при Сталине.

- Он учился в Тифлисской духовной семинарии, - невольно вырвалось у Бергера.

- Совершенно верно. - Согласился Кола. - И лишь немного не доучился, получив возможность работать лишь учителем начальных народных училищ.

- С историей у вас порядок, - похвалил главред.

- Спасибо. А что касается нашей темы, можно добавить, что великое множество христианских праздников просто наложены на языческие.

Бергер насторожился.

- Например?

- Пожалуйста. Если опустить юлианскую, григорианскую и новоюлианскую календарные реформы, которые заслуживают отдельного разговора, то христиане отмечают Рождественский сочельник шестого января. А ещё раньше наши предки в этот день славили Велеса. Следующий день, 7 января, - великий христианский праздник Рождество Христово. Окончательное определение его даты было сделано в 431 году на Третьем Вселенском Соборе. Но за много веков до этого уже существовала, а в некоторых славянских странах жива до сих пор, рождественская традиция колядования. Молодые люди стучались в дома и□пели рождественские песни, получая за□это деньги,

угощение и подарки. Причем считалось, что для тех, кто проявит скупость, новый год окажется неудачным. Эта традиция берёт начало у языческого празднования Коляды - дня рождения одноименного бога. Этот наш древний праздник связан с зимним солнцестоянием и сменой времен года. Ведь именно Коляда даровал Родам систему исчисления сезонного времени для ведения полевых работ - Календарь.

- Нда. Всё это, как говорится, предания старины далёкой, - тон главреда немного смягчился, - малопроверяемо, но чертовски привлекательно. Особенно детям.

- Разве? - Усомнился Кола. - Ведь этими вопросами, как вы выразились, "преданиями старины далёкой", занимались и занимаются весьма уважаемые учёные мужи. И не только они, но и обычные сподвижники-любители русской истории.

- Да я шучу, молодой человек. - Бергер примирительно вскинул руки. - Вы проделали большую важную работу. И действительно заслуживаете награждения. То есть публикации.

Кола почувствовал, к чему клонит сидящий на подоконнике человек.

- Я могу привести огромное количество доказательств того, что всё, здесь изложенное -правда. - Кола с отчаянием во взгляде кивнул на исписанные листы, впитавшие холодный люминесцентный свет бессонных ночей. И отёр со лба капельки пота, проступившие от напряжения. А человек, во власти которого было всё, покрылся плёнкой безразличия. Он мог казнить и миловать, то есть принять к изданию материал или отказать. Но предпочёл хранить молчание, словно упиваясь ситуацией. На мгновение вся Вселенная для Колы уместилась в пространстве небольшого, залитого солнцем, кабинета. И он возненавидел Бергера. На секунду. Потом всё прошло.

- Вы...вы мне отказываете?

- Поймите меня правильно, Кола. - Бергер старательно подбирал нужные слова. - "8-й день недели" специализируется на материале, который интересен массовому читателю. Читателю, не обременённому интеллектом. Наш покупатель предпочитает

статьи, умещающиеся на одном развороте и которые он может осилить, потягивая любимое пиво. Он любит истории, в которых много крови, загадочного и таинственно-потустороннего. Даже если всё это - выдумка. Ведь главное для человека - возможность расслабиться после трудового дня, приобщившись к великому и непознанному. К тому, к чему он в своей серой безликой жизни никогда даже не приблизится. А вот подойти к газетному киоску или посетить наш сайт - это пожалуйста. Это легко. Это в его силах. И, что немаловажно, он всегда может самостоятельно прекратить процесс приобщения. Когда, например, почувствует, что его энергетическое поле расшатано и требует отдыха для восстановления. Он просто захлопывает страницы или выключает компьютер. Вот так. Всё легко, просто и непринуждённо. И - востребовано. Последнее для меня как весьма успешного журналиста и владельца газеты - самое главное.

Лицо Колы потемнело. Он без сил плюхнулся на стул, угрюмо уставившись в точку на противоположной стене. В голове засела противная мысль, что итог встречи очевиден, и заострять внимание на том, что дальше скажет Михаил Борисович, нет необходимости. Бергер, тем временем, оторвал пятую точку от подоконника и подошёл к сидящему юноше. Нагнулся, поднял продолжавший небрежно валяться портфель, и деликатно протянул Коле.

- Вам, Кола, надобно обратиться в серьёзное научное издание. Ваша работа - это их профиль. Говорю это как комплимент. Поэтому не унывайте...

- Но ведь вы даже не пролистали... - вырвалось у парня с горечью.

- В этом нет необходимости, - парировал главред, - если вы сейчас без искажений передали информацию, содержащуюся в рукописи.

Кола молча кивнул.

- Ну вот и отлично, - продолжил Бергер, подходя к столу, - а мне лишь остаётся от всего сердца пожелать вам удачи. Как говорится, зелёного светофора по дороге к типографскому станку.

Кола сморгнул и окончательно взял себя в руки.

- Опубликовав мою рукопись, Михаил Борисович, или хотя бы часть её, вы могли изменить к лучшему хотя бы одну судьбу, - сказал он спокойным тоном, - но вы предпочли этого не делать.

- Да, мой друг. - Бергер улыбнулся, - все мы в этой жизни делаем выбор.

Внезапный порыв ветра легко подхватил лежавшие на столе листы и утянул в распахнутое настежь окно. Кола вскочил и замахал руками, снова уронив портфель. Но безрезультатно. Высунувшись из окна по пояс, напряжённым взглядом всматривался в густой ковёр травы, скользил по пешеходной дорожке, проходившей вдоль здания редакции, и останавливался на прохожих, по воле случая оказавшихся поблизости. Однако следы пропажи отсутствовали. Не выдержав, окрикнул женщину, неспешно шедшую прогулочным шагом.

- Извините!

Та не сразу сообразила, откуда голос. Наконец, остановилась, удивлённо взирая на взлохмаченную фигуру, наполовину высунувшуюся из окна третьего этажа и махавшую ей рукой.

- Извините, вы сейчас не видели выпавшие из окна бумаги? - прокричала фигура молодого мужчины.

Женщина остановилась.

- Нет!

Кола не разобрал слов, но смысл отрицательного покачивания головой был слишком очевиден.

- Эй, кто-нибудь видел мою рукопись?

И, не дожидаясь ответа на безадресный вопрос, стремглав бросился к выходу.

Бергер притворил распахнутую дверь и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Надо выпить кофе. Вот чёрт, как же не хватает Вальки.

Остановившись перед зеркалом, разгладил чёрные с проседью волосы. В свои сорок шесть он выглядел совсем неплохо. Жизнь удалась. Статный господин, успешный журналист и предприниматель. Интересно, кого в нём больше - журналиста или бизнесмена? Ведь, говоря по чесноку, он продаёт непривередливым читателям наспех сляпанную пищу для мозга. Точнее, для его отключения. Полуфабрикат. Общепит. Придуманные им же самим или Колгановым "новости", "факты" и прочие "приключения". Справедливости ради следует отметить, что недостатка в подобном материале никогда не было. Почтовый ящик и "электронка" ломятся от тонн и гигабайт мистической чепухи. Каждый день в редакцию звонят и приходят придурки, пережившие клиническую смерть или открытие "третьего ока", и потому спешащие вразумить тёмное человечество, как жить правильно. Волхвы, знахари, экстрасенсы и прочие маги - сколько же он, Михаил Борисович Бергер, или проще, Berg, перевидал их на своём издательском веку? А ещё наведываются непутёвые "внуки", желающие продать старинные бабушкины рецепты "от сглаза и всех болезней". За приемлемую цену. Причём, поторговавшись, можно уменьшить её на несколько порядков. Проверено.

И каменной непреодолимой стеной, надёжным заслоном от этих персонажей стоит секретарша Валя. Высокая сорокалетняя женщина с твёрдым взглядом и тяжёлой рукой. Тоже проверял. По пьяни. За эту её способность охранять в покое его, Бергера, нервы и душевное равновесие, он прощал секретарше всё.

Она больше, чем секретарша. Она - мой верный соратник. Моя правая рука.□□□

А пока Валя выздоравливала, к нему прорвался этот одержимый. Как его...Кола. Кола, хм. Странное имя. В самый раз для сумасшедшего. Эх, Валя, Валя.

Главред остановил взгляд на дипломах, сертификатах и наградах, занимающих добрую половину стены за его креслом. Врученные "8-му дню недели" различными эзотерическими обществами и академиями духовного развития, эти дары призваны поднять авторитет журнала в глазах каждого вошедшего.

Но Кола на них вообще не обратил никакого внимания. Словно не заметил.

Бергер поправил перекинутый через один диплом завязанный пионерский галстук. Это может показаться странным, но документ преподнесли именно с сим артефактом.

Подходя к кулеру за водой для кофе, Бергер неожиданно вспомнил, что сегодня не просто 19 мая. Сегодня - День пионерии. И, только сев за стол с пластиковым стаканчиком растворимого кофе в руке, обратил внимание на неподвижно лежавшие на боку песочные часы. Несколько секунд Бергер буравил их странным взглядом, не чувствуя горячего напитка.

Часы круглые, но не скатываются. А время на них остановилось.

Затем кисть прошила острая боль, и пальцы разжались.

Глава 5

Небольшая площадка перед офисным центром, в котором располагалась редакция "8-го дня недели", оказалась переполненной припаркованными машинами. Однако Колганову повезло: прямо перед ним сдала назад "веста", и он юркнул на освободившееся место. Ярко светило солнце, и с каждым шагом, приближающим к центральному входу, он чувствовал, как постепенно успокаивается и согревается, одаряемый теплом ласковых лучей.

Но внезапно журналист замер, как вкопанный. Внимание привлёк предмет, лежащий прямо под ногами. С виду ничем не примечательный. Таких полным-полно. Мусор. В другой раз он бы прошёл мимо, не останавливаясь. Сейчас же, повинуясь странному чувству, состоящему наполовину из интереса и наполовину из удивления, поднял находку и внимательно рассмотрел. Повертел в руках, покрутил головой в поисках предполагаемого владельца вещи и, такового не обнаружив, убрал в сумку.

И зашагал дальше, подгоняемый догадками о том, что же заставило Бергера позвонить.

Предметом, привлёкшим внимание Колганова, было несколько больших тетрадных листов, сцепленных друг с другом скрепкой. Листы исписаны мелким почерком так, что не осталось свободного места. А на полях маленькие рисунки: фигурки, знаки и символы.

Подойдя к лифту, хотел было нажать кнопку вызова, но увидел, что в этом нет необходимости: не успели двери разойтись до конца, как из кабины выскочил долговязый парень в чёрной футболке и сбил с ног не успевшего посторониться журналиста. Неуклюжий незнакомец на мгновение остановился и бросил

виноватый взгляд. Затем буркнул "извините" и с утроенной скоростью помчал к выходу, обдав Колганова порывом воздуха. Тот даже не успел ничего ответить. Чудак. Лишь проводил недоумённым взглядом фигуру, светлые волосы которой так контрастировали с чёрной футболкой и брюками.

Бергер находился в странном оцепенении. Бледное, осунувшееся и враз постаревшее лицо пугало отсутствующим выражением. Такого главреда Колганов видел впервые.

- Здрасьте. - Осторожно притворил дверь и прокрался к стулу.

Но Берг продолжал смотреть в окно и ничего не ответил.

Колганов внезапно почувствовал себя неуютно, третьим лишним. Краем глаза уловив движение на столе, инстинктивно бросил руку и остановил скатывающийся, готовый упасть на пол, предмет. Это были песочные часы.

Тут главред оживился. Проморгавшись, посмотрел на часы, на Колганова и протяжно выдохнул, стряхивая оцепенение.

- Время пошло.

Его голос зазвучал странно. Словно принадлежал неживому.

- Что? - Колганов не понял. - Какое время?

Повисла небольшая пауза. Бергер начал отвечать, но был вынужден прокашляться.

- Время? Ты про что? - Уже в свою очередь спросил он. Поёрзав на кресле, главред взял песочные часы. Внимательно осмотрел, словно видел впервые, и водрузил на специальную миниатюрную подставку. - Мои любимые песочные часы. Хотя сорок лет не принято отмечать, тем не менее, мне их преподнёс в качестве подарка...

- Вы только что сказали, что время остановилось.

Колганова не покидало чувство, что с начальником что-то не так.

- Разве? - Тот удивлённо вскинул брови. - Ты ослышался. Ничего такого я не говорил. Как спалось?

Журналист пожал плечами.

- Нормально.

Желания спорить с Бергом не было. Тем более с утра.

- Кофе?

Колганов внутренне съёжился ещё сильнее. Подобного предложения ранее слышать не приходилось.

Он заболел что ли?

- Нет, спасибо. Не люблю кофе. - Сфальшивил Колганов, желая, чтобы его перестали держать в неведении и поскорее перешли к делу. И тут же пожалел о сказанном.

- Врёшь, - Бергер доброжелательно подмигнул. - Вся редакция знает, что ты обожаешь кофе. Как и я.

Крыть было нечем.

- Да и вид у тебя, скажем прямо, не айс. - Главред внимательно осматривал всклокоченного сотрудника. - Что стряслось-то?

Неожиданная забота Бергера удивляла и обескураживала. Раньше за ним такого не наблюдалось. Не то, чтобы он груб. Скорее, на первом месте для него значатся выгода и польза, которую способен принести для издания конкретный человек. А здоровье, душевное состояние и прочая розовая чепуха...в общем, это розовая чепуха и сопли, и нечего на это обращать внимание.

- Едва избежал ДТП. - Колганов в этот момент думал о

старушке, бешенном мусоровозе и о том, что главред сам выглядит не лучшим образом. - По дороге сюда чудом не угодил под колёса грузовика. Тот разогнался так, что попади под него, и мокрого места не осталось бы.

Бергер соучастливо покачал головой.

- Ох, беда, беда. Летают тут, понимаешь, по дорогам общего пользования на космических скоростях. Терять такого талантливого сотрудника, да так нелепо, это плохо. Это ужасно скверно плохо. А сам куда смотрел?

Колганов выдержал пристальный пытливый взгляд.

- Его не было видно из-за деревьев и изгиба улицы. И, кстати, когда вышел из дома... - Он хотел упомянуть старушку с палочкой, но в последний момент передумал и осёкся.

- То тебе позвонил я, и тем самым задержал на пару секунд. Чем спас твою жизнь. - Самодовольно закончил фразу Бергер и улыбнулся.

Колганов внутренне возмутился подобной наглостью, но сразу сообразил, что тот частично прав. Сначала прозвучал звонок и телефон выпал из рук, и только потом старушка.

- Да...правда выронил трубу и не смог ответить, - согласился он.

- Я так и подумал. Потому что ты сразу же стал вне зоны доступа. Но фиг с телефоном, главное, что сам цел и невредим.

Колганов вытащил из кармана доселе покоящийся айф и грустно осмотрел повреждённый аппарат. Разбитое стекло retina преломляло отражение кабинета в причудливой конфигурации.

- Согласен. Но всё равно жалко. Недавно купил.

Хотя, не стоит ни о чём жалеть. Тем более, о таком пустяке, как телефон. Ведь легко отделался же...

Из состояния задумчивости вывел бодрый голос Бергера.

- Вот на очередной гонорар и прикупишь новенький! - Он кивнул на айф.

Колганов убрал сотовый обратно, раздражённый последней репликой. Ведь Берг отличается скупостью.

- Ловлю вас на слове, Михаил Борисович.

От главреда не укрылась искорка стёба, вспыхнувшая в глазах собеседника. Бергер не любил разговоров о деньгах. Точнее, о зарплатах сотрудников. Он нахмурился на мгновение, затем продолжил.

- Это нерядовое редакционное задание. Я бы и сам с удовольствием поработал над ним, но, к сожалению, не располагаю временем. Есть интересная щекотливая тема...и опасная. Да, опасная. Ты обязательно должен это учесть.

Колганову и впрямь стало интересно. Забыв про телефон и зарплату, придвинулся поближе к шефу.

- Соль вот в чём. В конце октября прошлого года на рублёвке сгорел дом. Это само по себе событие, потому что не часто там горят особняки. К сожалению.

Сделав многозначительную паузу, продолжил.

- Идём дальше. Домик-то сгорел, а случившее постарались замять. Ну вроде как кто-то неудачно покурил пьяным. Возможно, так и было. На пепелище нашли множество обгоревших тел. Не помню точно количество, вроде около двадцати. Все подростки. Сын владельца дома и его друзья. Отмечали Хэллоуин, но праздник закончился трагически.

- Вспоминаю...что-то в новостях проскакивало...вроде, -

задумался Колганов. Дело принимало интересный оборот. - Но странно, ведь такое событие должно хорошо размножиться.

- Да, - согласился Бергер, - странностей имеется в избытке. Я успел сделать несколько звонков. Но знакомые в органах беспомощно разводят руками и ничем не могут помочь. У всех рот на замке. Общался с коллегами, даже полазил по форумам, пока тебя ждал - всё без толку. В общем так: думаю, задание в целом понятно. Рой, ищи. Мне нужна хорошая чёткая статья. Голая правда. Что произошло на самом деле. Объёмом не ограничиваю. Если что, потом подрежу. По деньгам...- главред почесал подбородок и вытащил из внутреннего кармана пиджака купюру. - Вот тебе для начала. Только экономнее, потом жду полный отчёт. И без платных "свидетелей", готовых за бабло или бутылку подписаться под любой ахинеей. С такой публикой я сам могу сочинить статью за полчаса.

- Ладно. Понял. Сделаем.

Колганов прекрасно знал, что Берг на выходе может изменить любой материал до неузнаваемости. И главное для него - не правда, а читабельность. "Сенсация", пусть даже высосанная из пальца - пропуск в тираж и мерило качества статей "8-го дня".

Но, несмотря на это, всё равно ощущал прилив возбуждения, какое раньше бывало перед интересным редакционным заданием. И сейчас наслаждался вновь нахлынувшему чувству, умиротворённо впитывая эмоции каждой клеточкой тела.

- Только будь осторожен. - Снова предостерёг Бергер. - Наверняка, находились ещё умники, кроме нас, желающие раздобыть сенсацию. Но чёт о них не слышно. И это странно. Это очень странно.

Колганов закрывал дверь редакторской, когда Бергер окликнул:

- И помни о том, что сегодня я тебе жизнь спас. Ты мой должник!

В конце коридора дизайнер Света, сидя на корточках, кормила невесть откуда прибившегося котёнка. Тот нетерпеливо тёрся о руки, фыркал и попискивал.

- Привет.

Девушка повернула голову и приветливо улыбнулась.

- А, привет, Егор. Не слышала твоих шагов.

- Я крался аки лев, - пошутил он.

- У тебя это получилось. А я вот нашла маленького львёнка и теперь кормлю его. Вернее, это он меня нашёл. Пробрался к нам, непонятно каким образом.

- Наверное, дверь открыл.

- Ну да, получается, что так. И охранника попросил ко мне проводить. - Она подмигнула, поддерживая юмор. - Как знал, что я обожаю кошек.

Котёнок, тем временем, изо всех сил лакал молоко и довольно урчал.

- Ты подогрела молоко?

Вопрос, казалось, застал её врасплох. Она поднялась, растерянно поправляя волосы.

- Нет...

- Ну вот, знай теперь, что котята больше любят тёплое молоко.

Колганов узнал это, будучи ребёнком, из древнего диснеевского сериала.

- Окей. Приму к сведению.

Он присел и погладил пушистую спинку. Котёнок не стал прерывать трапезу, лишь сильнее задрожал от удовольствия.

- А откуда ты это знаешь? - Света переводила взгляд с молодого человека на носок туфли на длиннющем каблуке, и обратно. - Спрашивал?

- Разумеется. - Он сделал самое серьёзное выражение лица, на какое только способен. - У меня мощный телепатический канал связи с животными. И сейчас этот волосатый крепыш пожаловался на холодное молоко.

- По нему этого не скажешь, - возразила Света, уже теряясь, где собеседник говорит правду, а где подкалывает. - Вон, лакает с видимым удовольствием.

- А куда ему деваться? Где его мамка-кошка? Кстати, способность общаться с братьями нашими меньшими есть ещё у нашего горячо любимого Михаила Борисовича. Как говорится, профессия обязывает. Но вам, дизайнерам, это не грозит.

- Всё ты врёшь! - она легонько толкнула его в плечо. - Стоит тут, вешает мне журналистскую лапшу на уши. Профессия, видите ли, обязывает. А я ему верю!

Колганов игриво прикрыл лицо руками и отшагнул назад.

- Ладно, сдаюсь. Это была утка!

Света приняла грозный вид и надвинулась, угрожающе вытянув руку с пакетом молока.

- Ну уж нет! Раз обладаешь способностью общаться с животными, сообщи кошке, где находится её пропавший ребёнок.

- Котёнок, - поправил Колганов, продолжая отступать.

- Да, котёнок. Я так и хотела сказать.

- Но сказала "ребёнок".

- Я сказала "ребёнок".

- Так и я об этом. - Колганов упёрся спиной в стену. Дальше

отступать некуда.

Девушка опустила руку и продолжила миролюбивым тоном.

- Так о чём это мы?

- Обожаю блондинок, - не смог скрыть восхищения Колганов.

И это не было уткой.

- А при чём здесь блонди? - она вскинула брови, - Я, кстати, натуральная. Везде.

- Я так и подумал, что ты самая что ни на есть натуральная. - Колганов сделал вид, что не уловил посыла сказанного. - У вас потрясающая способность перескакивать с темы на тему.

- Неужели?

Она приблизилась почти вплотную. Жар томного дыхания плавил душевные и моральные скрепы. Колганову Света нравилась, но он о девушке практически ничего не знал. Кроме того, что на безымянном пальце её правой руки красуется дорогое обручальное кольцо. Будь они наедине, он бы не терялся. Всегда наготове даже потерпеть неудачу.

Ведь жизнь мужчины состоит из побед и поражений.

Но в обстановке редакции сложно рассчитывать на продолжение после томных взглядов. Поэтому его не покидало ощущение, что Света лишь играет. Что тоже не добавляло уверенности.

Послышались шаги и голоса.

- Шухер! - Он округлил глаза в притворном ужасе.

Света отпрянула, что, скорее, обрадовало.

- Удачного рабочего дня! - Лёд её голоса охладил

окружающий воздух. Девушка развернулась и неспешно поплыла прочь с гордо поднятой головой. Не обратив внимания на сытого котёнка, ковылявшего к ним.

Колганов поднял пушистый комочек. Он совершенно точно знал, что Бергер не потерпит такого "сотрудника". Зверёк был безмерно доволен, и не нужно обладать никаким телепатическим каналом, чтобы это понять. Ещё не зная, что именно хочет сделать, он вышел на улицу. И первой, кого увидел, оказалась жалобно мяукающая кошка. Котёнок встрепенулся. Колганов бережно опустил зверька на асфальт и долго смотрел вослед скрывшейся в кустах маме с детёнышем в зубах.

И только собрался возвращаться в редакцию, как вспомнил, что утром его остановил не звонок Бергера. И не разбившийся телефон. И даже не старушка с палочкой. Это был кот. Иссиня чёрный, как беззвёздная ночь.

По дороге со включенной сиреной промчалась "скорая помощь" и остановилась рядом с припаркованным фордом Колганова.

Глава 6

Ян Григорьевич поворошил весело потрескивающие дубовые поленья. Зябко поёжившись, он хмуро смотрел на яркое, чистое пламя, которое, однако, никак не могло согреть. Камин в английском стиле, сложенный из натурального камня, органично вписывался в классический интерьер большой гостиной. Полумрак, создаваемый шторами из плотной портьерной ткани, разбавлялся огнём десятков толстых свечей в высоких шандалах. Не считая очага.

Со стен смотрели чучела животных и птиц, когда-то подстреленных Яном Григорьевичем. Будучи заядлым охотником, он побывал во многих частях света. Вот белорусский зубр, а рядом с ним альпийская косуля. Чуть поодаль - марал, подстреленный в Новой Зеландии. Или африканский лев, компанию которому составляет карельский медведь. А за спиной, на противоположной стене - кондор, привезённый из Южной Америки.

Но сейчас это лишь воспоминания о славном прошлом.

В свои семьдесят три он выглядел, максимум, на шестьдесят. Невысокий, сухощавый, с благородной сединой на висках, Ян Григорьевич внешне воплощал эдакого отставного вояку. Например, офицера Королевского военно-морского флота Её Величества. Этому сходству способствовала и страсть к грогу, который он неторопливо потягивал из стеклянного бокала с ручкой. Причём Ян Григорьевич признавал только классический рецепт, придуманный Старым Грогом.

Впрочем, любовь к горячительному обусловлена не прошлой службой на флоте, которой у него не было, а способностью напитка согревать. А тепла Яну Григорьевичу вечно не хватало.

И сейчас, сидя на кресле перед камином и вдыхая терпкий аромат, старик предавался не прошлым воспоминаниям, а

размышлениям о будущем. О недалёком будущем.

О том, что сможет, наконец, согреть. И успокоить.

Глядя на огонь пред собой, он думал об огне другом. Священном. Полыхающем вот уже не одну тысячу лет и бережно охраняемом от посторонних: непосвящённых и врагов. К последним Ян Григорьевич и относился. Вот уже много лет он и его клан вёл непримиримую войну с Хранителями тепла. Впрочем, Ян Григорьевич негативно относился к слову "клан", считая его грубоватым и предпочитая заменять нейтральным "последователи". Хранители тепла же называли его и ему подобных просто и ёмко - Холодные.

Противостояние шло с переменным успехом и длилось вот уже много лет. Сколько точно - не знал, наверное, никто. Даже Ян Григорьевич. Сам он предполагал, что война эта - ровесница мира.

Это была странная война. Не за власть, не за территории, не за ресурсы и не за деньги. И даже не за души и умы людей. Эта война - за Солнце. За Солнце, которое дарует рассвет и новый день, надежду и жизнь, согревает и исцеляет. Оно бесконечно далеко, но тепло его здесь. И если светило входит в человека, тот становится носителем космической энергии - Солнечным. Такой человек познаёт чувство справедливости и обретает способность мыслить критически. То есть отделять зёрна от плевел, добро от зла. Солнечный человек обретает Путь, свою Дорогу жизни, которую следует преодолеть. Носителя солнечной энергии сложно сбить с пути обманом, ведь солнце самодостаточно.

Есть люди, в которых Солнца больше, чем в других. И Путь их очерчен ярче. Как правило, носители мощной солнечной энергии становятся заметными персонами - учёными, врачами,

политиками или представителями творческих профессий. Но ещё чаще выбирают путь Воина, стезю защитника мира Солнца. Воинов этих называют Ратниками. От древнего русского корня "Ра". Ратник больше, чем просто Солнечный. Солнечный достигал вершин, просто сажая семена добра. Ратник же имел право и обязанность обнажать меч, вступая в схватку с царством Холодных. Однако Солнечный, и даже Ратник могли обратиться в Холодных. Для этого было достаточно просто отказаться от своего Пути. Перед каждым, сотворённым по образу и подобию Божьему, стоит выбор Пути. Этим мы отличается от животных и других божественных творений, которые права выбора лишены. Однако наличие права выбора налагает ответственность за его последствия. Поэтому отказавшийся поддерживать в себе священный огонь обязан отдавать отчёт в том, что это его собственное суверенное решение. Через некоторое время Солнечный дар, не проливаемый на окружающих и Бога, постепенно утрачивается, остывает вместе с носителем. Утративший Солнце неизбежно становится Холодным.

Как Ян Григорьевич.

После кончины предшественника, который попросту замёрз, Высший совет Холодных избрал на роль вождя Яна Григорьевича. Сей пост был как почётен, так и смертельно опасен. Ян Григорьевич прекрасно знал, что его ждёт ровно такая же участь - рано или поздно остыть и упокоиться вечным сном. Не спасут ни тёплое одеяло, ни камин, ни грог, температуру которого он в последнее время перестал ощущать. И это было дурным знаком.

Единственное, что могло спасти Яна Григорьевича - это Священный огонь Солнечных. Только его пламя может согреть и вернуть потускневшие было краски жизни. Более того, завладеть Огнём - значит выиграть Великое противостояние, длящееся от сотворения Мира. Но, к великому сожалению Яна Григорьевича, единственное что он знал о Священном костре - это то, что тот горит в Солнечном храме. Согласно древним преданиям, Солнечные поддерживают очаг с Начала начал и черпают из него силы.

Однако, где находится храм, Холодные не знали. Лучшие умы бились над разгадкой сей тайны, но всё тщетно. Множество локальных войн выиграно Холодными, цель которых - завладеть сакральным металлом цвета утренней зари, изначально принадлежащим Солнечным. Этим металлом является золото.

И действительно, сегодня практически всё золото в мире и власть сосредоточены в руках Холодных. Или в холодных руках.

Ян Григорьевич ухмыльнулся игре слов и задумался о Мудрых текстах.

В Книге холодных написано, что однажды воцарствует Тот, который пьёт солнце. И этому Владыке следует искать солнечного человека, который и приведёт Холодных в Храм огня.

Ян Григорьевич, будучи достаточно тщеславным Холодным, вполне всерьёз принимал древнее пророчество на свой счёт: ведь он постоянно пил горячий, почти обжигающий напиток. Также прекрасно понимал, что догадки следует тщательно проверять.

Примерно в это же время обнаружился человек с самым солнечным именем Кола. И не где-то, а прямо здесь, в Москве. Парень просто заявился к давнему знакомому Яна Григорьевича Бергеру Михаилу Борисовичу, журналисту и владельцу собственного издания. Молодой человек жаждал опубликовать собственную рукопись весьма серьёзного содержания. Причём Кола оказался не просто Солнечным, а Ратником. То есть вдвойне опасным для Холодных.

Момент решительности наступил. Требовались незамедлительные действия.

Ян Григорьевич ждал дочь, Маржану, чтобы поручить той ответственное и деликатное задание - познакомиться с Колой и разговорить парня.

В коридоре послышались шаги двух человек, одни приглушённые и едва слышные, а вторые - звонкий цокот каблуков. Двери приоткрылись, и в гостиную скользнула горничная.

- Ян Григорьевич, к вам...

- Знаю. Пусть проходит, - перебил он, слегка повернув голову в направлении голоса.

Маржана приблизилась вплотную и наклонилась, едва касаясь губами холодной щеки отца.

- Салют, па.

Низкий, грудной тембр голоса девушки резко контрастировал со стройной, почти воздушной, фигурой. Подойдя к камину, Маржана небрежно о него облокотилась. Ян Григорьевич недовольно скривился, разглядывая наряд дочери. Та щеголяла в черных кожаных брюках, белом блейзере и ботильонах оригинального дизайна.

- Снова ты вырядилась как..., - он запнулся, не желая дальше продолжать.

- Я поняла, что ты хотел сказать. Но и ты меня пойми! - Маржана вздохнула и откинула назад длинные чёрные волосы. - Пап, ну я же молодая, красивая. Хочу жить на полную катушку. И одеваться ярко, ведь впереди ждут ещё много дел. А облачиться в старческую одежду и примерить трость ещё успею.

Ян Григорьевич вызвал прислугу и велел принести ещё грога.

- Ты что-нибудь будешь? - обратился он к дочери немного смягчившимся тоном.

- Кофе. Чёрный. Без сахара.

Горничная кивнула и удалилась, аккуратно прикрыв двери.

Некоторое время Ян Григорьевич отрешённо всматривался в огонь камина, потирая озябшие пальцы. Казалось, он не замечал ничего вокруг, погружённый в собственные размышления. Лишь в глазах плясали огненные отблески. Маржана села прямо на пол и подобрала под себя ноги в ботильонах на длиннющих каблуках. И терпеливо ждала, когда отец начнёт говорить. Прекрасно зная, что в такие моменты его нельзя торопить и перебивать.

- Ты обмолвилась о делах, которые ждут впереди, Маржана. - Начал Ян Григорьевич неторопливо. - Как раз по этой причине я тебя и позвал. Хочу, чтобы ты выполнила одно важное поручение.

Чутким слухом он уловил едва заметные шаги за дверью и прервался. Через несколько секунд появилась горничная с подносом. Ян Григорьевич подождал, пока та расставит напитки и растворится в обратном направлении, затем продолжил.

- Есть человек, молодой человек. Его зовут Кола...

- Солнечный? - вырвалось у Маржаны.

Ян Григорьевич печально покачал головой.

- Он Ратник, Маржана. - И кивнул на приготовленный кофе. - Угощайся.

- Спасибо. - Поспешно ответила девушка. - Кажется, я перехотела.

Это прозвучало действительно интересно.

От Яна Григорьевича не ускользнул вспыхнувший на мгновение огонёк в её черных глазах. Взгляды отца и дочери встретились, и никто не отвёл взгляда.

- У этого Ратника есть очень важная для нас информация - месторасположение главной святыни Солнечных.

- Ты сейчас про их мистический костёр?

- Именно.

- А разве он действительно существует? - Маржана скептически вскинула брови.

- Ну разумеется, существует! - Раздражённо бросил Ян Григорьевич. - Пора тебе уже более серьёзно относиться к некоторым вещам. В том числе к священному очагу Солнечных. А если более конкретно - к тому, что нам жизненно важно завладеть им.

Ян Григорьевич сделал небольшой глоток грога, прислушиваясь к треску свечей.

- Видишь эти свечи? - он окинул взглядом гостиную.

- Вижу. - Маржана кивнула, не понимая, к чему клонит отец.

- Они горят, распространяют свет и тепло. Они полны сил и энергии. Но придёт время, совсем скоро, и от них останутся лишь тлеющие огрызки. Так и я. Как свеча, медленно таю. Только распространяю не тепло, а холод.

Он горько усмехнулся и продолжил.

- Маржана, без священного огня Солнечных мне конец. Пройдёт не так много времени, может, два, может, три или четыре месяца. От силы полгода, и меня не станет.

Девушка удивлённо округлила глаза и неуклюже поднялась, держась за камин.

- Пап... - начала она взволнованно, но Ян Григорьевич перебил.

- Тихо, тихо. Всё нормально. Возьми стул и садись рядом.

Маржана поспешно выполнила указание.

- Речь сейчас не только о том, чтобы отобрать костёр у Солнечных и тем самым меня спасти. Я всего лишь песчинка в круговороте времени. Главное то, что лишившись священного огня, они потеряют всё, перестав быть Солнечными. И мы, Холодные, одержим окончательную победу.

- А почему ты уверен, что у Колы есть эта информация? - Маржана успокоилась и в её голосе послышались привычные металлические ноты.

- Потому что Книга холодных никогда не ошибается, а в ней говорится о том, что солнечный человек приведёт владыку к огню.

- Кола означает солнечный...

- Всё так, Маржана.

- А почему именно я? - Она поёжилась. Казалось, холод отца передался и дочери. - Я боюсь...

- Задача эта крайне деликатная. - Ян Григорьевич говорил негромко и неторопливо, стараясь придать каждому слову максимальный вес и убедительность. - Силой у Ратника тайну не выведать, а вот обманом и лестью можно. А ещё лучше - женским обольщением. Поэтому на эту роль выбираю тебя, свою дочь. Ты справишься, я знаю. Никто в мире не справится, только ты.

Маржана погрустнела.

- Но я даже не знаю, с чего начать.

- Для начала познакомишься с Колой. Сделаешь так, чтобы он тебя куда-нибудь пригласил. Посидите, пообщаетесь. Тайна - дело нескорое, поэтому с результатом не тороплю. Но будешь постоянно держать меня в курсе событий. Если потребуется, будем встречаться здесь или вообще прибегнем к помощи специалистов.

- Ээ...каких специалистов? Мастеров обольщения, экстрасенсов, магов и...

- Хоть магов, хоть колдунов, хоть просто психологов-практиков. У нас, Холодных, длинные руки и широкие возможности.

Прежде чем ответить, девушка задумалась на несколько секунд.

- Хорошо, па. Я согласна. Ради тебя.

- Спасибо, Маржана. Я в тебе не сомневался. Сейчас, насколько мне известно, Кола в редакции журнала "8-й день недели". Погугли, сразу найдёшь.

- Я знаю, где это, па.

- Вот и отлично. Приступай прямо сейчас.

- А как я его узнаю, па?

В этот момент телефон Маржаны сообщил о полученном сообщении.

- Ты только что получила фото Колы. Не суперкачества, но вполне достаточное для, скажем так, идентификации субъекта охоты.

- Ну и словечки у тебя, па.

Маржана поцеловала отца в холодную щёку и направилась к выходу.

Уже в дверях её догнал голос Яна Григорьевича:

- И запомни, ты делаешь это не только для меня, но ради всех нас. Ведь, когда мы окончательно воцарствуем на земле, мы принесём то, что не смогли дать ни Иисус, ни Будда, ни Мохаммед. А именно мир и спокойствие. Мы утвердим единую для всех религию. Покажем, что есть добро и что есть зло. И не будет кровопролитных войн, не будет смуты и хаоса в головах. Лишь чёткий порядок. Мы сделаем людей совершенными. Слышишь, дочь моя, совершенными. И сейчас, Маржана, всё зависит от тебя.

Когда двери за спиной девушки закрылись, Ян Григорьевич сделал очередной глоток напитка. И в этот момент с громким шипением одна свеча погасла.

Глава 7

Я потерял рукопись… Я, Хранитель, не уберёг…

Кола распахнул дверь и на секунду замер. В отчаянии сжав кулаки, быстро огляделся по сторонам. Улица жила прежней жизнью: горожане с озабоченным видом спешили каждый за своей проблемой. Поодаль, через дорогу, динамический билборд всё так же рекламировал то известный ресторан, то не менее известную сеть магазинов модной одежды.

Надо бежать туда, куда выходят окна кабинета несговорчивого главреда.

Прямо перед ним замер чёрный бмв. Водитель, девушка с длинными чёрными волосами, буравила его немигающим взглядом. Кола прищурился, стараясь вглядеться в лицо незнакомки. Стекло машины бликовало, но сомнения вмиг рассеялись.

От осознания произошедшего по спине пробежал холодок.

Холодная… Что я натворил…

Сердце бешено заколотилось. Молодой человек инстинктивно прижал портфель к груди. Перед глазами снова возникла картина упорхнувшей в окно рукописи.

Надо бежать, я обязан успеть первым…

Через мгновение в руке девушки возник пистолет.

Кола пригнулся и изо всех сил рванул вперёд. Петляя, чтобы затруднить прицеливание. Ноша в руке здорово мешала, но он не мог от неё избавиться. Пять метров…десять…впереди железобетонный фонарный столб, за ним можно спрятаться. Правда, он недостаточно широк, чтобы скрыть всё тело, поэтому

придётся повернуться боком. Глупо, правда? Стоит молодой человек, весь такой прижавшийся к столбу. Можно сказать, обнимает. Эй, чувак, отойди от столба, он не упадёт! Комично… А если убийца выскочит и помчит следом? Нет, это вряд ли. Слишком много лишних глаз. Но всё равно не вариант. Надо успеть скрыться за…

Однако, сделав несколько шагов, почувствовал тупую боль в груди. Бежать и дышать стало тяжело. Мгновенно всё стало понятно.

О, Боже…я не успел…

На груди стремительно расплывалось влажное пятно. Улица покачнулась. Ослабевшие ноги подкосились, не в силах удерживать тело. Распластанный на тёплом асфальте, он предпринял отчаянную попытку встать. Но безуспешно. Кисть наткнулась камушек. Преисполненный чувством фатальности, Кола начал его рассматривать.

Даже не верится, что сейчас умру… В глазах Вселенной я как этот голыш: маленький, ничтожный и беззащитный.

Затем отбросил камушек, собрал остатки сил и приподнялся, ища глазами убийцу.

Картинка плыла. На то, чтобы сфокусировать взгляд, ушло несколько секунд.

Странно, но она выглядит…странно…

Брюнетка взирала на него испуганными глазами. Стекло машины оставалось целым.

Глава 8

Маржана вышла из дома отца и села в машину. Через секунду черный бмв, сыто рыкнув, сорвался с места. Въехав на парковку перед офисным центром, девушка замерла в нерешительности.

Что делать? С чего начать? Покараулить его здесь или...

Достав телефон, снова посмотрела на снимок человека, с которым предстоит знакомство. Высокий и худощавый, он по типажу идеально подходит к...герою русской народной сказки...или, скажем, мультика. Эдакий Алёша Попович. С поправкой на комплекцию, разумеется. "Отведай-ка силушки богатырской!". Слегка вытянутое лицо, веснушки и шапка непослушных волос соломенного цвета. Маржана даже позавидовала нетривиальной шевелюре...

Подняв глаза, она вздрогнула от неожиданности. Прямо перед ней, на расстоянии нескольких метров, словно из ниоткуда материализовался Кола. Причём парень выглядел точно так же, как на фото. Даже одежда была аналогичной. В голову пришла странная, неуместная в данной ситуации, мысль:

он что, всегда носит одно и то же?

Молодой человек выглядел испуганно и озабоченно. Затравленно озирался вокруг, пока их взгляды не встретились. Тут он вздрогнул.

Он меня узнал!

Маржана сразу поняла, что Кола узрел в ней Холодную. Этого было достаточно для осознания, что дальнейшая игра бессмысленна. Весь их план рассыпался словно карточный домик.

Парень прижал к груди портфель.

В девичьей голове лихорадочно завертелись мысли.

Сейчас он убежит...портфель...портфель...

В портфеле его тайна. Я должна завладеть портфелем...сейчас или будет поздно...

В подлокотнике лежал "Tomcat", малогабаритный пистолет скрытого ношения.

Через секунду, когда Кола бросился наутёк, он уже маячил в прорези прицела. Палец потянул за спусковой крючок...

В лобовом стекле будет дырка.

Указательный палец дрогнул и замер.

Но не тот факт, что придётся стрелять из салона, останавливал.

Я никогда не стреляла в живого человека...

Щупальца неуверенности сковали тело. Одно дело, когда следишь за перестрелкой в телевизоре, и совсем другое, когда убиваешь сама. Но осознание того, что необходимо спасти жизнь отца, пусть даже такой ценой, придало сил. Палец снова потянул за спусковой крючок. За свою жизнь она всадила в мишень не одну сотню пуль. Но то был тир. А сейчас...

Что происходит?

Кола внезапно оступился и выронил портфель. Затем осел на асфальт, прижимая руки к груди. Маржана удивлённо замерла и опустила оружие, так и не произведя выстрела.

Неприметный потрёпанный фургон, стоящий в стороне, плавно тронулся с места и влился в поток транспорта.

Глава 9

При виде "скорой", остановившейся рядом с его машиной, Колганов нахмурился. В душу закралось смутное предчувствие несчастья. Плотное кольцо зевак что-то скрывало внутри. С трудом протиснувшись сквозь толпу, журналист удивлённо замер. Картина, представшая перед глазами, заставила бы вздрогнуть любого. Даже обладающего стальными нервами. Люди в белых халатах склонились над перепачканным кровью человеком. Лицо пострадавшего скрывала широкая спина медика. Были видны лишь ноги в чёрных джинсах и часть черной фут...

Этого не может быть! Неужели...

От внезапной догадки по спине побежали мурашки. Он сделал неуверенный шаг вперед и остановился. Силы разом покинули ставшее безвольным тело. Но голос, шелестящий шёпот незнакомца вывел из оцепенения:

- Подойди.

Сомнений в том, кому адресованы слова, не было.

Он меня не видит, но догадался, что я здесь.

Колганов зажмурился, предполагая увидеть страшное зрелище. Затем открыл глаза, сделал решительный шаг вперёд и склонился над своим обидчиком.

Тот несколько секунд всматривался в лицо журналиста мутным взором, затем печально прошептал:

- Я не успел...

Колганов хотел что-то ответить, но ощутил в горле ком. Незнакомец, тем временем, продолжил:

- Рукопись, найденная тобой, принадлежит нам, Солнечным. Береги её. - Он затих, собираясь с силами. Затем снова оживился.

- На самом деле это зашифрованная карта места, где находится Храм. В Храме Священный огонь, поддерживаемый нами со дня сотворения мира. И пока огонь жив, в мире соблюдается баланс добра и зла. Хотя, какой к чёрту баланс... - Умирающий откашлялся, сплёвывая кровь. Приближался вой полицейской сирены. - Ведь с каждым годом охранять карту становится всё сложнее. И не ровен час, однажды она попадёт в руки Холодным. Я решил, что наилучший способ сохранить тайну - это выставить её напоказ. Например, опубликовав рукопись в периодическом издании. Вроде журнала "8-й день недели". И ведь никто бы не догадался. Но не успел.

Колганов завороженно смотрел на кровь, едва различая голос незнакомца.

Следующие слова прозвучали словно эхо, издалека:

- Ты должен опубликовать рукопись, а оригинал...

Последняя фраза утонула в пошедшей горлом крови.

Глава 10

Следователь, капитан полиции Марченко, склонился над телом жертвы, двадцатидвухлетним Родионом Викторовичем Лапиным. Врач скорой констатировал смерть парня. Потом медики уехали.

А сейчас криминалист сосредоточенно расхаживал вокруг, делая снимки. Затем обратился к Марченко:

- Сань, скорая перемещала тело?

Тот поднял голову и нахмурил лоб, вспоминая.

- Не, Жень. Они не кантовали его, пока бедняга подавал признаки жизни. Да и потом не тревожили.

- В таком случае, судя по положению тела и расположению входного отверстия, пуля должна лежать где-то там. - Криминалист, крепкий сорокалетний мужчина с роскошной лысиной, посмотрел в сторону.

И зашагал в указанном направлении.

Судмедэксперт из состава оперативно-следственной группы осматривал тело, периодически что-то бурча в диктофон. Марченко отошёл в сторону, дабы не мешать работе. Опера Гены Трумана нигде не было видно. Если бы не оцепление и не размазанная по асфальту кровь, то можно подумать, что сейчас кандидат в депутаты будет толкать сладкую предвыборную речь.

Вскоре Женя вернулся, держа в руке пакетик с трофеем-пулей.

- Всё произошло именно так, как я и предполагал. Стрелок находился там, - Женя указал направление пальцем, - и произвёл выстрел…хм…с припаркованного автомобиля. Например,

фургона. Другие варианты маловероятны.

- Почему? - Спросил Марченко, хотя заранее знал ответ.

Криминалист пожал плечами.

- Потому что вести огонь со снайперской винтовки из салона обычной легковушки неудобно. Нужна чёткая точка опоры. С крыши здания напротив тоже не вариант, потому что изменится траектория полёта пули. Кстати, о ней...использовался предположительно снайперский патрон СП-5. Но окончательное слово за экспертизой.

- Ну хоть уже что-то есть, - процедил Марченко.

- Ага. Парень поймал пулю практически под прямым углом. Значит, шёл навстречу стрелку. Возможно, даже видел убийцу.

- Готов поспорить, Лапин выходил из офисного центра, - уверенным тоном заявил Марченко и посмотрел на часы. - Скорее всего, у него состоялась встреча с кем-то. Ведь сейчас как раз начало рабочего дня.

- Согласен. Звучит складно. - Однако криминалист нахмурился. - Только меня напрягает следующий момент: стрелял снайпер, либо любой другой из снайперского оружия. Но "а": целился не в голову, и "б": произвёл только один выстрел, не сделав контрольного. Ну, или хотя бы пальнул ещё разок для приличия. Ведь прекрасно видел, что жертва ещё жива.

Несколько секунд оба молчали.

- Может, это акция устрашения? - Предположил следователь.

- Вполне возможно. Парень оказался довольно живучим. Потерял много крови, но не хотел умирать.

Судя по первичной информации, Родион Лапин был обычным выпускником факультета иностранных языков. Причастность парня к организованным преступным группировкам не установлена. Предстояло проделать немало работы: опросить сокурсников и преподавателей, родственников и знакомых. На

первый взгляд тривиальный учащийся, коих миллион. Но таковых не убивают снайперской пулей. Деканат и ректор, разумеется, удивлённо разведут руками. И даже окажут посильную помощь в расследовании. При этом будут страстно желать, чтобы полиция как можно скорее оставила в покое учебное заведение: ведь это подпорченная репутация, ненужное внимание прессы, возможное снижение числа абитуриентов и, как следствие, провал в рейтинге.

Теперь следовало выяснить, заходил ли Лапин в здание. И, если "да", к кому именно. Видя, что к нему направляется Гена, Марченко остановился.

- Сан Дмитрич, - тон у опера оказался довольно кислый, - у меня плохая новость.

И, видя, как выжидательно на него воззрился следователь, продолжил:

- Камера наблюдения здания, снимающая интересующий нас квадрат, не работает по причине профилактики.

- Какая, блин, профилактика, Ген?

На самом деле сие умное слово означает сломанную камеру и руководство центра, медленно решающее оперативные вопросы.

- Мне так сказал администратор. - Опер приобрёл виноватый вид, словно сам стал причиной "профилактики". - Директора пока нет, но скоро подъедет и будет разбираться.

- Ладно, Ген, где наша не пропадала. - Марченко похлопал его по плечу. - Ступай, дои свидетелей.

Толпа медленно расходилась. Многие звонили, передавая новость. Впрочем, находились и те, кто оставался и продолжал глазеть на происходящее.

Когда опер отошел и послушно принялся за порученное дело, Марченко пришла в голову мысль. Ещё раз окинув взглядом обстановку, он решился и похлопал в ладоши, привлекая внимание собравшихся.

- Ребята, внимание! - И, прокашлявшись, продолжил уже громче. - Есть огромная, вселенская просьба.

Гена, судмедэксперт, остальные оперативники, и даже криминалист, продолжающий увлечённо изучать пулю, все разом повернули головы в сторону следователя.

Сколько раз тому приходилось выступать с трибуны, можно сосчитать на пальцах одной руки. Поэтому Марченко за эту секунду побледнел, покраснел и вспотел. Однако сохранил самообладание и продолжил:

- Среди присутствующих есть те, кто снимал на видео до приезда скорой и полиции?

Повисла тишина.

- Мне нужна только лишь запись человека, в которого стреляли. И ничего более. Честное слово.

Следователь спокойно оглядел напряжённо замершую толпу. Все молчали. Даже те, кто продолжал держать камеры включенными и снимал уже не накрытое тело Лапина, а его самого.

- Если такие и были, то, наверное, уже ушли. - Голос принадлежал женщине пенсионного возраста. Договорив, она покрутила головой, ища поддержки у стоящих рядом. Затем втянула голову в плечи, словно замерзая. Хотя утро выдалось жарким.

- Вам надо поискать на ютубе, - посоветовала стоявшая ближе всех к Марченко девушка.

Он повернулся к ней:

- Простите, а вы сами не снимали?

Та зарделась:

- Нет, у меня на телефоне нет камеры.

- Жаль, жаль.

Это был момент острого разочарования.

Жаль. Хотелось бы оперативно получить стоящий материал.

Поведение паренька лет 16-ти показалось подозрительным. Тот несколько раз поднимал и опускал смартфон, а после объявления начал усердно в нём что-то искать.

Полицейский приблизился и положил руку ему на плечо.

- Дружище, вижу, ты ищешь то, о чём я только что говорил.

Подросток, не заметивший, как к нему подошли, опустил смартфон и испуганно вытаращил глаза. Оказаться в центре внимания явно не входило в его планы. Марченко принял самый дружелюбный вид, на который был способен.

- Как тебя звать?

- Сергей.

- А меня Саша. Рад познакомиться.

И протянул руку для рукопожатия. Наклонился и понизил тон.

- Слушай, Сергафан, ты же снимал на трубу того бедолагу, когда он ещё дышал?

Вместо ответа Сергей утвердительно кивнул.

- Я скопирую на свой ноут этот файл, и отпущу тебя, окей?

Собственно, юношу никто не задерживал. Просто фраза "отпущу" переводит фокус внимания на предстоящую "свободу",

вселяет надежду и потому побуждает сотрудничать.

- Хорошо.

В полицейской машине Марченко залил на ноутбук все требуемые файлы. Коих оказалось немало: паренёк проявил недюжинное терпение.

- Впервые сидишь в машине с мигалкой?

- Угу.

- Ну ладно, не дрейфь. Всё когда-то происходит в первый раз.

Юный видеооператор сжался в комок, боясь сделать лишнее движение. Однако глазами шарил по оборудованию салона.

- Слушай, я тебя отпускаю, как обещал. Но для твоей же безопасности советую всё стереть.

Сергей напрягся. Было видно, что делать это совсем не хотелось. Когда ты без пяти минут звезда интернета, когда у тебя единственного шокирующие кадры преступления, убийства в центре города средь бела дня, и тебе предлагают своими же собственными руками нажать на delete славы...это жесть. Парень сомневался и колебался, а Марченко специально не давил, чтобы не вызвать обратную реакцию.

- Понимаю, ты тут долго топтался. Старательно записывал, чтобы потом показать друзьям. Только сам видишь, дело приняло серьёзный оборот. Есть труп. Возможно, найдутся те, которым не понравится, что у тебя есть видео с места преступления. А ведь в кадр мог попасть и киллер. Догадываешься, к чему клоню?

Кажется, слова убеждения подействовали. Строго говоря, в интересах безопасности парня видео действительно следовало отобрать. Вместе с телефоном.

В конце концов, благоразумие одержало верх.

- Ладно, удаляйте. - Удручённо промолвил Сергей. - Ваша взяла.

Марченко стёр файлы с его телефона. Затем набрал свой номер и сделал дозвон.

Подросток с интересом наблюдал за манипуляциями.

- А это зачем?

- Возникнут проблемы, звони в любое время суток.

- Хорошо. Я понял.

Кроме этой, существовала и другая причина: Сергей является свидетелем, и Марченко должен знать, как его найти.

Юноша сделал несколько шагов в сторону, но, замявшись, вернулся обратно.

- Я...это...

Марченко внимательно на него посмотрел.

- Хочешь что-то добавить?

- Да. Пока не начал снимать, кое-что видел. - Сергей набрал полную грудь воздуха и продолжил. - Там была машина. Ч-чёрная бэха. Она стояла как раз напротив этого человека. Водитель достал пистолет и целился. Ч-честное слово. Я не успел заснять, но точно помню!

Паренёк явно разволновался.

- Всё нормально. - Успокоил Марченко, хотя у самого внутри всё затрепетало. - Вдохни глубже и продолжай.

- Так вот, когда он упал, водитель спрятал ствол и выскочил из машины. Им оказалась девушка с длинными чёрными волосами. Она схватила принадлежащий убитому парню портфель...к-кажется, тоже чёрного цвета...

- Вот это да! - Вырвалось у следователя.

- Потом, уезжая, бэха промчала мимо, и я запомнил номер.

Услышав буквы и цифры, полицейский понял, что запомнить этот номер было несложно. Но фишка в том, что преступник, если он в своём уме, не поедет на дело, рисуясь красивыми, легкозапоминающимися номерами. Поэтому вполне вероятно, что они краденные. Марченко почувствовал прилив адреналина, а вместе с ним пробуждающийся инстинкт охотника.

Глава 11

Не успела Маржана надавить на спусковой крючок, как находящийся на прицеле человек споткнулся и упал. Сквозь пальцы прижатых к груди рук проступила алая кровь.

О, боже...

Медлить было нельзя, и она сделала то, собственно, ради чего всё это и затевалось: выскочила из машины и, мигом добежав до раненого, схватила лежащий портфель. Что-то заставило замереть и посмотреть в глаза истекающего кровью.

- Кола... - вырвалось из груди.

Через секунду черный бмв взревел мотором и скрылся за поворотом.

Распахнув двери отцовской гостиной, Маржана гневно швырнула чёрный кожаный портфель к его ногам.

- Ты за этим меня послал? - Её глаза метали молнии. - Я должна была убить человека?

- Успокойся, Маржана... - Начал было Ян Григорьевич, но дочь не дала ему договорить.

- А когда твои люди увидели, что я не собиралась в Колу стрелять, они были вынуждены выполнить чёрную работу сами?!

Эмоции переполняли её сверх всякого предела. Вопросов было множество, но, как она считала, знала на все ответ.

Маржана достала из бара бутылку виски, налила больше половины стакана и выпила залпом. Ян Григорьевич покачал головой, однако промолчал.

- Послушай, дочь моя, это правда, мой человек находился в стороне. - Постарался он убедить. - Но только для того, чтобы обеспечивать твою безопасность. Ведь ты для меня...

- Этот безоружный малый мне чем-то угрожал? - Теперь её голос звучал холодно и отстранённо. Виски обжигал рот и внутренности. Она хоть и не успела опьянеть, но немного успокоилась. - И чем же, позволь поинтересоваться?

Но Ян Григорьевич не собирался отступать в споре.

- Маржана, я пожил на этом свете много лет и знаю, что делаю. Этот человек - Ратник. И второе: он почувствовал в тебе Холодную. Поэтому никто, и я том числе, не мог ручаться за твою жизнь. Именно поэтому он был убит. Мы просто его опередили, не дав убить тебя.

Маржана обессиленно сползла на пол и созерцала пустой стакан отсутствующим взглядом. Перед глазами, полными слёз, стоял образ Колы.

- Ты можешь только предполагать. - Всхлипнула она. - А я не почувствовала в нём никакой угрозы.

Ян Григорьевич, почувствовал, что выигрывает.

- Я не мог рисковать твоей жизнью. Ты - единственное, что меня здесь удерживает.

На самом деле это было лёгкое лукавство. Ведь, помимо прочего, перед ним стояла священная цель... Впрочем, какой любящий отец не скажет, что живет ради своих детей?

Он опустился рядом с дочерью и приобнял её за хрупкие плечи. Маржана тихонько всхлипнула.

- Мне жалко его. Он ни в чём не виноват.

Ян Григорьевич действительно хотел её утешить, однако не представлял, как это сделать.

- Я тебя понимаю. Всё будет хорошо.

Несколько минут они молчали.

- Я тебя люблю, па.

Маржана утёрла слёзы. Тушь потекла, превращая лицо в маску.

Сквозь неплотно прилегающую ткань шторы пробился дневной луч света.

- Дорогая, будь добра, поправь, пожалуйста, штору.

Сам он поднял портфель и положил на стол. Аккуратно разложив содержимое, недолго его изучал, затем нахмурился.

В дверь осторожно постучали. И то, что сообщил вежливый голос горничной, заставило сдвинуть брови ещё сильнее.

- Ян Григорьевич. К вам из полиции.

Глава 12

Пробить по базе данных владельца машины, имея на руках госномер, оказалось делом нескольких минут.

Им оказалась барышня, некая Лазаревская Маржана Яновна.

Яновна…интересное отчество.

Испытывая интересе к персоне, Марченко навёл справки и об отце Маржаны.

Бывший дипломат, доктор экономических наук, профессор…

Хорошая семейка. Что же ты там делала, дорогуша?

Осталось проверить, действительно ли эту машину видел Сергей. Впрочем, одно уже подтвердилось: это действительно бмв чёрного цвета.

На парковке, перед входом в дом отставного дипломата, пощёлкивая остывающим мотором, замер бмв искомого цвета и номера. Марченко, для пущей убедительности, поднёс ладонь к фальшрадиаторной решётке передка и потрогал тормоза.

Горячие. Она приехала совсем недавно.

Стёкла машины целые. Учитывая то, что найденная пуля выпущена из снайперской винтовки, можно сделать вывод, что стреляла не Маржана.

Горничная распахнула двери, впуская Марченко в гостиную. Взору предстал роскошный, несколько старомодный, интерьер. Повсюду горели свечи. А окна плотно задрапированы - сия особенность сразу бросалась в глаза.

Странный вкус у здешних обитателей, однако.

- Здравствуйте. - Хозяин дома широким жестом предложил войти. - Входите, пожалуйста.

Марченко переступил порог, на ходу вытаскивая служебное удостоверение.

- Капитан полиции Марченко...

Ян Григорьевич отчаянно зажестикулировал.

- Это лишнее. Не нужно. Я вам верю. Присаживайтесь.

Марченко аккуратно опустился на предложенный стул, размышляя над услышанным. В доверие стоящего перед ним человека, граничащую с наивностью, верилось с трудом. Значит, либо о приезде знали загодя, либо...хм.

- Ах, извиняюсь! - Хозяин дома воздел руки к потолку. - Правила вежливости предписывают представиться, хотя, думаю, вы прекрасно осведомлены о том, кто я. Но всё же: Лазаревский Ян Григорьевич.

Но руки не подал.

- Соглашусь, конечно. - Признался Марченко. - Я в курсе, кто вы, Ян Григорьевич.

- Отлично! - За внешне деликатным, дипломатичным тоном хозяина сквозили стальные нотки. - Что ж, в таком случае внимательно слушаю. Или, может быть, воды или чаю?

Марченко ещё раз пробежался взглядом по интерьеру.

- Благодарю. Но предпочёл бы сразу перейти к делу. Сегодня утром у входа в офисный центр "Золотой Телец" застрелен молодой человек по фамилии Лапин. Вам это что-нибудь говорит?

- Нет. - Не моргнув, соврал Ян Григорьевич. - Продолжайте.

- В момент совершения преступления в непосредственной

близости от убитого находилась машина, зарегистрированная на Лазаревскую Маржану Яновну. То есть, вашу дочь. - Марченко прервался, наблюдая за реакцией собеседника. Однако попытка определить его искренность с треском провалилась: тот сохранял poker face.

- То есть, хочу сказать, в момент выстрела машина вашей дочери стояла аккурат напротив жертвы.

Ян Григорьевич продолжал оставаться бесстрастным.

- Откуда у вас такая информация?

- Я пока предпочёл бы об этом умолчать.

- Почему?

Показная непосредственность отставного дипломата нравилась ему всё меньше и меньше.

- Потому, что чем меньше знают об источнике информации, тем это безопаснее для него самого. Во всяком случае, я не обязан его раскрывать до официального предъявления обвинения. Вы же меня понимаете, Ян Григорьевич?

Тот согласился.

- Да, конечно... Простите, вы предполагаете, что именно моя дочь совершила это злодеяние?

- Кроме неё, кто-нибудь ещё садится за руль машины? - вместо ответа спросил Марченко.

- Нет. - Покачал головой Ян Григорьевич. - Она пилотирует единолично.

- У следствия нет информации, что стреляла ваша дочь. Но я обязан отработать все версии. Могу я с ней поговорить?

- Да, конечно. - Ян Григорьевич велел горничной позвать Маржану.

Спустя минуту в гостиную впорхнула высокая темноволосая девушка. Одетая в пурпурно-красный, расшитый золотом

восточный халат, она выглядела весьма эффектно. Широкий пояс прекрасно подчёркивал высокую грудь и осиную талию. Она мельком взглянула на полицейского и сдержанно поздоровалась.

- Маржана, это капитан Марченко...извиняюсь, я не ошибся?

Марченко улыбнулся краешками губ.

- Всё верно. Маржана Яновна, хотелось бы задать несколько вопросов относительно того, как вы провели последние два часа. Собственно, отвечать вы не обязаны. Однако подумал, что беседовать дома вам будет гораздо удобнее, чем у меня в кабинете. Плюс мы оба сэкономим драгоценное время. На начальном этапе следствия это чрезвычайно важно.

Маржана побледнела, однако сконцентрировалась и взяла себя в руки. Она прекрасно знала, что в случае необходимости отец ей поможет. Впрочем, та скорость, с какой полиция вышла на её след, немного обескураживала.

- Я вас слушаю, товарищ капитан.

Приглушенный свет гостиной не позволял увидеть сразу некоторые детали. Только сейчас Марченко обратил внимание на то, что за свежим макияжем и полуопущенными ресницами девушка прячет красные глаза.

- Полагаю, не будете отрицать того, что сегодня вы стали очевидцем преступления?

Она помедлила с ответом. Голос дрогнул и прозвучал хрипло.

- Нет.

- Вот и хорошо. Есть свидетели, которые видели вас. Собственно, поэтому я здесь. Расскажите, пожалуйста, что произошло.

- Извините. - Маржана налила в стакан воды и сделала несколько глотков. - Это было ужасно.

Голос предательски дрожал. Она безуспешно попыталась сдержать набежавшие слёзы.

Ян Григорьевич сидел с отрешённым видом. Чучела животных с интересом взирали на происходящее, странную троицу так непохожих друг на друга людей. На секунду сознание Марченко прояснилось настолько, что стал различим треск каждой, отдельно взятой, свечи.

- Я ехала мимо "Золотого Тельца" и решила остановиться, чтобы попить кофе. - Маржана поправила волосы и продолжила. - Свободных мест на парковке не было. Я сидела в машине и ждала, когда кто-нибудь уедет. Из здания вышел молодой мужчина. Я посмотрела на него, потому что он сразу привлёк внимание. Весь одетый в чёрное... Внезапно он упал и стал корчиться в судорогах. Мне стало страшно, и я уехала.

Голоса свечей пропали. Сколько бы Марченко ни вслушивался, кроме потрескиваний поленьев в камине ничего не мог разобрать. И поймал момент на том, что все молчали.

- Это всё? - осведомился он.

- Да.

- Вы не покидали машину?

- Я...а, да. - Девушка замялась. - Я, кажется, выходила из машины...

Она явно растерялась, и не знала, что сказать.

- Маржана сказала мне, - вмешался в разговор Ян Григорьевич, - что хотела помочь бедняге. Но от вида крови ей стало плохо. Она подумала, что этот человек вот-вот умрёт и ему уже ничем нельзя помочь. Так, Маржана?

- Да. - Она поспешно кивнула. - Всё происходило как во сне. Как будто не со мной.

- Это шок. - Ян Григорьевич обратился к Марченко. - Вполне естественно, что моя дочь пережила это состояние. И, к сожалению, находится в нём до сих пор.

Марченко прекрасно понял, к чему он клонит.

- Да, конечно. Я не буду у вас отнимать много времени.

Последний вопрос - пока память свежа и глаз не замылен - не заметили ли вы что-нибудь необычное, подозрительное? Люди, машины, обстановка и тому подобное. Скажите первое, что пришло на ум.

Маржана задумалась.

- Нет, к сожалению. Мне больше нечего добавить.

Марченко поднялся, намереваясь уйти. Совершенно очевидно, что девушка недоговаривает. Причём, судя по тому, что Ян Григорьевич в разговоре пришёл дочери на помощь, он в курсе произошедшего. Проблема в том, что нет никаких доказательств того, что Маржана умыкнула портфель Лапина. Только слова Сергея. Но лишь их одних мало.

Направляясь вслед за горничной к выходу, он случайно обратил внимание на нечто, стоящее в тёмном углу. Чуть замедлил шаг и прищурился, стараясь адаптировать зрение к недостатку освещения. Едва различимый в силу своего цвета, предмет, тем не менее, не оставлял сомнений в своей принадлежности. Это небольшой чёрный портфель.

Глава 13

Информации касательно прошлогоднего пожара в особняке, даже на просторах бескрайнего инета, оказалось крайне мало. Небольшие статьи, заметки с сухой констатацией факта. И даже фото - только целого, до пожара, дома. Снимков же руин - нет. Вроде знаменательное событие, и СМИ должны раструбить случившееся. Но увы. И Колганов даже начал испытывать чувство, напоминающее журналистское отчаяние. Эдакое профессиональное бессилие.

Впервые в жизни.

А также злость. На себя и себе подобных.

Ведь, положа руку на сердце, прекрасно знал, как делаются новости. Знал, что в современном мире не события управляют лентой, а наоборот. И "спускают на тормозах" не только уголовные дела. Именно СМИ определяют, что является главной новостью, а что - второстепенной. Или вообще ею не являются. Так, прокатившиеся во многих регионах России протесты дальнобойщиков против внедрения системы сбора платы за проезд большегрузов "Платон" практически никак не освещались в федеральных СМИ. А аккаунт "Первого канала" в соцсетях даже банил тех, кто пытался поднять эту тему. Ещё информацию можно по-разному преподнести. Например, сухо, вскользь. И сразу перейти на другую. Или с надрывом, глянцевым сочувствием и слезливыми эмоциями. Можно даже сделать специальный репортаж с места события. Ии...вуаля! В первом варианте зрители забывают о том, что говорила ведущая, уже по ходу освещения следующего события. А во втором случае долго переживают, делятся услышанным с близкими и ещё долго бухтят на кухне по этому поводу.

Например, птичий грипп. Ну, или свиной. Без разницы.

Сначала с каждого экрана, с каждого динамика и вообще из всех щелей на бедных россиян изливались мегатонны страшилок об этой болезни. Такой страшной, опасной и тэ дэ, и тэ пэ. Пугали графиками распространения вируса. Стращали апокалиптичными репортажами с мест массовых заражений. И что? А ничего.

Спустя некоторое время, как по мановению волшебной палочки, эта тема враз исчезла с медийного пространства.

Ещё примеры? Пожалуйста. Вирус Эбола. Точно такая же схема воздействия. Постоянные сообщения дикторов, больше напоминающие массированные бомбоудары, о всё новых и новых заболевших. Чуть ли, блин, не конец света скоро наступит. Прям как в голливудских зомбо-ужастиках.

И что? А ничего. Кто сейчас вообще помнит об этом вирусе?

Но проходит определённое время, и развесистым нежным ушкам потребителей лапши требуется новый информационный повод. Потому что старый теряет эффективность и люди начинают помаленьку оглядываться на реальный мир, остающийся прежним: неэффективная работа правительства, коррупция и распилы. Слаженное бездействие правоохранительный органов и пустые слова обещаний чиновников.

И снова власть имущие призывают на помощь...эмм, как бы это поприличнее назвать... прислужливую помощницу с кокетливым именем СМИ. И журналисты придумывают новые новости. Как шулера, отвлекающие внимание на наперсток, в то время как шарик остаётся в руке.

И вирус Эбола на телеэкранах мгновенно побеждается, уступая место Сирии. А потом Сирия отходит на второй план, уступая место Украине. А потом и Украина сдаётся под натиском темы международного терроризма и санкций...

Присаживайтесь поближе к экрану, дорогие юзеры! И забудьте обо всём. Реальность - перед вами. Остальное - вымысел.

А тем временем...

...Под шумок тв-ящиков, несменяемая правящая политическая группировка воспроизводится уже во□втором поколении, в□детях лидеров. Политологи оный тип правления называют "корпоративным государством". Но это, скорее, "приватизированное государство". Конечно, никакой демократией, никакой политической ротацией и□соревновательностью в□такой системе не□пахнет.□К сожалению...

И постоянные игры с цифрами. Так, президент на ежегодной пресс-конференции□сказал, что в два раза увеличился ВВП. Но□если в□этом ВВП убрать возросшие цены на□нефть и□фокусы с□наполнением его девальвированным рублем, то□никакого развития в□стране на□самом деле не□было.

Хе-хе...

С помпой объявленная президентом и премьером программа импортозамещения, продолжительностью...до отмены западных санкций в отношении нас?

Даже Колганов оказался в полном смятении от услышанного. Ибо любая программа импортозамещения априори не может быть короткой, и растягивается на годы. А у нас что? Сегодня заявляем о программе, а, например, завтра запад смилостивится и помилует нас. Что дальше? Отменяем продэмбарго на западные товары? А как же обещанная программа импортозамещения? С ней что? Её-то куда?

Хе-хе...

Не следите за новостями? Ничего страшного! Для вас есть острое блюдо под многообещающим названием "ток-шоу": это "свободная дискуссия", в которой джентльмены в галстуках и без поднимают насущную тему. Только роли расписаны заранее: хорошие "государственники" супротив "плохишей-либерастов". Эмоции участников вроде как искренни. Но кто-то говорит спокойнее, а кто-то истерит и постоянно перебивает. К концу передачи вы уже не помните, о чём вообще она. В лучшем случае в голове телезрителя - каша.

Каналы запускают новые и новые "ток-проекты", не решающие озвученные в эфире темы, а попросту их забалтывающие. Ведь эти шоу есть балаган, в котором все говорят одновременно, и никто не хочет слышать другого.

Не смотрите и это? Не нравится "реальность"? Странно...вы не такой как все...но и для вас у нас есть предложение!

Развлекательное шоу под названием... Впишите любое, только что пришедшее в голову слово. Не ошибётесь.

Колганов скривился, постукивая пальцем по пульту управления телевизором. Желания узнать, какая тема нынче "главная", не было.

Информация управляет человеком. Это хорошо знают медийные кукловоды. Поэтому план "основных" тем свёрстан загодя.

Впрочем, иногда происходит и незапрограммированное развитие какого-либо события. Например, топ-менеджер, вице-президент крупной нефтяной госкомпании становится автодорожным убийцей. Происшествие мгновенно вызывает шквал народного недовольства. Ещё бы! Ведь честная полиция называет виновника ДТП сразу же, до проведения внятного расследования и экспертиз. Разумеется, зачинщик аварии не топ-менеджер. Упаси боже. Он свят, свят. В ответ на это народ волнуется и бурчит, чувствуя себя обманутым. В очередной раз. Чиновники и полицейские чины начинают, как заведённые, в

один голос твердить, что виновный будет наказан (было бы странно, тверди они обратное). Народ снова не верит. Что делать? И тогда СМИ, по указке сверху, применяют все способы для того, чтобы замять этот информационный повод, заместить его другим.

То же самое делает и полиция. Только манипулируя и фальсифицируя доказательства. Выслушивая нужных "свидетелей", и игнорируя всех остальных.

Итог? Да мы все его знаем.

Рукопись покойного Колы, несмотря на то, что поднимала вопросы, о которых Колганов даже не задумывался, оказалась довольно интересной. Содержала занимательные рассуждения о роли христианства и язычества в истории России. И главная мысль, к которой подводил автор, заключалась в том, что противопоставлять одно другому - величайшая ошибка. Ведь все христианские традиции, так или иначе, имеют более древние корни, уходящие в языческий период. История не знает сослагательного наклонения, и всем нам следует принять своё прошлое. Для того, чтобы обрести будущее.

И тому подобное. С конкретными примерами.

Колганов прежде никогда не сталкивался с подобной тематикой. И его голова спустя какое-то время просто взорвалась, отказываясь воспринимать слишком большой объём новой информации.

Журналист отодвинул клавиатуру компьютера и по привычке потянулся за телевизионным пультом. Но, вместо того, чтобы включить, сжал его. Изо всех сил, до хруста костяшек. Так, чтобы сломать. Потом медленно разжал кисть.

Неужели ничего не напишу?

Утро вечера мудренее.

Надо немного вздремнуть, а там посмотрим.

Постепенно злость прошла, освобождая место спокойствию и умиротворению.

Засунув телефон под подушку, Колганов лежал с открытыми глазами. Даже не раздеваясь. В голову приходили разношерстные мысли-образы: умирающий Кола, шепчущий странные слова...озабоченные лица зевак, столпившихся вокруг умирающего...Солнечные...Огонь в Храме...и сплошные вопросы, вопросы.

В том числе к самому себе.

Например, какого хрена мне это надо?

Ведь одно дело писать о чём-то таинственном и бесконечно далёком, и в общем-то презирать потребителей подобного чтива; и совсем другое - смотреть в глаза оставляющему этот мир и стараться не наступить на его кровь.

Которая везде

И быть обязанным исполнить последнюю волю усопшего.

И эта рукопись, якобы являющаяся картой...

Ничего такого, что могло бы указывать на шифровку или нести двойную смысловую нагрузку, Колганов не обнаружил. Он несколько раз внимательно прочёл текст. Просвечивал листы над лампой и переворачивал вверх тормашками. Понимая, впрочем, что всё это глупо. Даже просмотрел в нете всевозможные способы шифрования. Всё без толку. Правда, сам он себе признался, что дешифровальщик из него никудышный.

Но в то же время наполняло ощущение, что разгадка не приходит в голову лишь потому, что лежит на поверхности.

Помимо прочего, Кола упомянул о том, что попросил у знакомого напрокат старенький, но вполне жизнеспособный жёлтый ВАЗ 2101 с ветхозаветным госномером д 2428 ук. Машина требовалась для поездок в полузабытые деревни, в которых молодой человек брал интервью у долгожителей - носителей фольклора.

Чудак был этот Кола...

Постепенно разноцветные лоскуты мыслей сплелись в один серый клубок. Он начал разматываться, раскручиваясь всё быстрее и быстрее. Нить действительности растянулась от комнаты, в которой находился Колганов, до Космоса. Затем исчезла.

Он смотрел сквозь потолок и ни о чём не думал. Вообще ни о чём.

По центру потолка, меж тем, тени собрались в причудливый рисунок. Чем-то напоминающий бумажную снежинку, только огромных размеров. Её края заиграли, зашевелились. Длинные полоски света, больше напоминающие языки, с периметра потолка устремились к середине снежинки. Через секунду, моргнув на прощание, они исчезли.

Снежинка завертелась, завибрировала. Сменила цвет с белого на серый. Затем на тёмно-серый, и, наконец, предстала жгуче-чёрной.

Как Космос, наполненный мириадами звёзд

Через несколько мгновений чёрная снежинка превратилась в воронку, недовольно гудящую, осматривающую комнату и лежащего прямо под ней Колганова.

А затем...

Первыми в её пасть полетели канцелярские принадлежности: ручки, карандаши и прочий настольный мусор. Клавиатура сначала приподнялась на одну сторону и опустилась. Но, видимо хорошо поразмыслив, решила податься следом. И упорхнула. Заодно пригласив в полёт монитор с системником. А там уже и стол решил, что без друзей ему будет скучно. Шкаф, шторы, телевизор...

Обстановка вскоре скукожилась до кровати с лежащим на ней человеком. Он чувствовал странное оцепенение. И полное отсутствие страха. Даже интерес.

Но на этот раз не Магомед пошёл к горе, а...

Воронка вышла за пределы потолка и мягко поглотила Колганова.

- Э, а где твой бокал?

- А мне на сегодня уже хватит.

Чьи это голоса?

- Блин. И за это г...но с людей сдирают деньги.

- Скажи папе, чтоб внимательнее выбирал подарки для своей непутёвой дочери.

Придурковатый смех. И запах сигарет.

- Влад, хочешь, уедем отсюда? Забуримся в клуб или просто снимем номер. Или ко мне. Или вообще на набережную, погуляем под дождём.

Где я?

Колганов открыл глаза. Двое у окна: Чёрная кошка и Мефистофель. Странная обстановка. Удушливая атмосфера.

Хэллоуин штоли?

Собственного тела он не видел и не ощущал. Да и на него никто, собственно, не обращал внимания. Повсюду ряженые. Зажжённые свечи.

И странное ощущение. Предчувствие смерти

Мефистофель медленно поворачивается к Кошке, но вместо лица у него...

...Кусок гнилого мяса отвалился от щеки и шмякнулся под ноги. Несмотря на шумный фон, Колганов отчётливо различил этот звук.

Кошка в ужасе кричит и пятится назад. Затем бросается со всех ног

лап?

прочь.

Уже интересно

Мефистофель в последний момент изловчился и успел схватить её за хвост. Кошка шипит и изворачивается. И, когда, казалось, что ей пришёл конец, хвост обрывается,

как у ящерицы

тем самым спасая его владелицу.

Мефистофель злобно зарычал. Разжав кисть с бесполезным куском тряпки, яростно наступил на хвост и двинулся следом за беглянкой.

И тут началось...

Сначала мёртвые убивали живых. Ловили и впивались зубами в трепещущую плоть, отрывали куски и отбрасывали в сторону. Другие отрешённо бродили, подбирали с пола окровавленное мясо и пожирали его. Стоны и крики ужаса с успехом заглушала орущая музыка. Как внезапно...

...если бы Колганов мог свалиться на пол от неожиданности, то так бы и произошло. Вместо этого задрожал и съёжился от ужаса...

...из динамиков, вместо попсы, полился траурный марш.

Мрачные ноты подавляли сознание и способность к сопротивлению. Дышать стало неимоверно тяжело, практически невозможно. Журналист уже больше всего на свете хотел убраться отсюда, но не знал, как это сделать. Ему казалось, ещё немного, и он сойдёт с ума. Стены стали непроницаемыми, дом упорно не хотел выпускать наружу обезумевшее зло.

Блин, меня сейчас стошнит. Что они тут творят?!

Затем всё смешалось, и стало не разобрать, кто ещё живой, а кто уже нет.

Воздух стал настолько густым и липким, что начал стекать по стенам на пол. Ручейки собирались в лужицы, а те, в свою очередь, перерастали в лужи. Словно идёт дождь.

Все часы в доме остановились. Поверхность луж пошла рябью. Музыка стихла.

И тут полыхнуло. Не в силах наблюдать за кипевшей вакханалией, пламя решило положить ей конец.

Огонь яростно вгрызался в дорогую обстановку, лизал полуразодранные костюмы тех, кто ещё в них оставался облачённым. Становилось жарче и жарче. Но Колганов, скорее, понимал это умом, нежели ощущал кожей. И наступила высшая точка пожара.

Дом, раскалившись докрасна, гудел от пламени и сконцентрированного за его стенами зла. Лица и фигуры всех участников вечеринки стали похожими друг на друга.

То есть мёртвыми

Похоронный марш заиграл снова. Вселенная покачнулась перед глазами. Лёгкие устало замерли, не в силах прокачивать вязкий воздух. На глаза набежали слёзы, но это не помешало различить одну странную деталь. На шее всех подростков, или тому, что от них осталось, маячили золотые цепочки с каким-то украшением.

Странно, раньше я этого не заметил

Колганов хотел было приблизиться, чтобы получше разобрать увиденное. Но внезапно…

Этого не может быть! Как ты здесь оказался?..

застыл, словно вкопанный. И, узнав вошедшего, впервые почувствовал страх…Липкий и смердящий, как здешний воздух.

Прямо напротив него, метрах в двадцати, стоял человек. И с интересом наблюдал за происходящим. Из-за огня, обрушивающихся перекрытий и искажённого пространства Колганов продолжал оставаться незамеченным. Но, вполне возможно, что человеку до журналиста просто не было дела.

Колганов медленно попятился, обуреваемый ужасом.

Лишь бы не заметил

Шаг назад…

Тихо

Второй…

Где выход, чёрт подери?

Третий…

И тут он покачнулся, споткнувшись о какой-то предмет.

Тело

Из горла вылетел сдавленный крик. Колганов сжался в предчувствии жёсткого падения. Но ничего не произошло.

Тишина.

Лишь едва заметный мерный гул.

Он разомкнул тяжёлые веки и недоумённо уставился в потолок.

Мне приснился страшный сон

Повернув голову на источник звука, он с удовлетворением обнаружил, что это лишь вентилятор кулера компьютера.

Слава богу, я дома

Он не был ни атеистом, ни верующим.

Никем

Одежда промокла насквозь от пота. Жутко хотелось пить.

Журналист с трудом приподнялся на локтях, и принюхался. В воздухе витал явный запах гари. Проковыляв на непослушных ногах на кухню, долго-долго пил холодную воду из-под крана. А когда поставил стакан и поднёс дрожащие руки к лицу, то обомлел.

Ладони сплошь усеяны волдырями.

Целый час под всё тот же гул компьютера Колганов сидел в прострации, даже не шевелясь. Сон как явь отложился в памяти. Всё до мельчайших подробностей. Несмотря на крайнюю усталость спать совсем не хотелось. Да и вот уже скоро забрезжат первые лучи рассвета. Из головы не выходил образ человека, встреченного в пылающем доме.

Как он мог там оказаться?

Где-то внутри постепенно стал очухиваться Журналист. И, размяв ноющие руки, Колганов решил приступить к редакционному заданию.

Теперь я знаю, что там произошло на самом деле

Материал он сдаст сегодня же.

При этой ободряющей мысли невольно вздрогнул и поёжился, вспоминая зловещий сон.

На работу уйдёт час. Ещё столько же времени займёт корректура.

Но, пододвинув клавиатуру поближе, почему-то затерзался сомнениями.

Нет, всё это бред воспалённого воображения. Этого не может быть. Меня все посчитают придурком. Даже самые отъявленные поклонники "8-го дня недели".

Но колебания были недолгими. Колганов относился к тому числу людей, которые считали, что лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

Спешно выпив кофе и одеваясь, машинально про себя отметил, что Бергер не звонит. Обычно, проявляя нетерпение, главред мог набрать номер в любое время суток. Ну, или почти в любое. Чтобы просто поинтересоваться ходом работы. Но сегодня утром телефон молчал.

Странно

Подходя к кабинету главреда и нащупывая в кармане флешку со статьёй, Колганов снова вспомнил события кошмарного сна и ощутил предчувствие смерти.

И нерешительность.

Даже поймал себя на малодушной мысли, что хочет, чтобы кто-то ещё первым зашёл к Бергеру. А он, типа, следом, прикрываясь фигурой вошедшего. Но никого поблизости не было, и пришлось самому тянуть за ручку двери.

В нос ударил знакомый неприятный запах. Страх мгновенно улетучился, уступая место другому, доселе неведомому, но такому же неприятному ощущению. Журналист мгновенно приготовился увидеть то, что увидел. Но, несмотря на это, тело покрылось липкой испариной. А руки с волдырями заныли совсем нестерпимо.

Бергер сидел за столом. В привычной позе: откинувшись на

спинку кресла и склонив голову набок, налево. Обычно он ещё немного щурился. Но не в этот раз.

Потому что щуриться было нечем. Глаза отсутствовали. Как, впрочем, и кожа.

В покрытом пятнами костюме находилось полуразложившееся тело, ещё вчера принадлежавшее начальнику Колганова.

Тот поперхнулся комком в горле.

Блин!

На шее трупа висела золотая цепочка с чем-то, напоминающем кулон. Складки одежды его скрывали наполовину. Едкая, мёртвая атмосфера просачивалась сквозь кожу и наполняла организм, как вода ванну. Поднеся платок к носу, Колганов сделал несколько шагов вперёд. Украшение прояснилось деталями, но недостаточно. Превозмогая отвращение с тошнотой, и стараясь не смотреть на останки, Колганов приблизился почти вплотную. Крупная капля пота сбежала по щеке и повисла на подбородке. Он вздрогнул и проморгался. И затаил дыхание.

Золотой кулон был виден как на ладони.

Змея схватила солнце и готова его сожрать.

Через пять минут на пульт оперативного дежурного поступил звонок. Мужчина, назвавшийся журналистом Егором Колгановы, срывающимся голосом сообщил, что только что обнаружил тело главного редактора в его собственном кабинете. На предложение дежурного проверить пульс и вызвать скорую звонивший ответил визгом, бранью и ещё чем-то нечленораздельным.

Звонок следовало отработать и Марченко вместе со следственно-оперативной группой прибыл по указанному адресу.

При виде трупа

как в том доме

Марченко покачнулся. И только росшая неподалёку стена не позволила ему упасть.

Медик посмотрел на "клиента" и участливо покачал головой.

- Я вас понимаю, Сан Дмитрич.

На шее полуразложившегося тела блестело украшение. Марченко не требовалось подходить, чтобы его рассмотреть. Он и так знал, что это.

Золотой кулон. Змеюка и солнце...Я почти забыл о том пожаре. И казалось, что это лишь страшные воспоминания. Но нет. Прошлое возвращается...

Тем не менее, собрался с силами и подошел к телу. Уже знакомая цепочка с кулоном. Но в покоящихся на коленях руках труп держит песочные часы. Самые обычные, ничем не примечательные.

Что-то новое

- Это я звонил. Я Егор Колганов.

Марченко обернулся. Сдавленный голос принадлежал высокому молодому человеку, примерно одинакового возраста с полицейским. Широкоплечий, с нечёсаными светло-русыми волосами, незнакомец сутулился и вообще выглядел дико измождённым.

Марченко протянул руку.

- Александр Марченко, следователь.

Судмедэксперт, не прикасаясь к телу, внимательно его рассматривал. Затем натянул перчатки и принялся аккуратно оттягивать одежду.

- Не может быть!

И обратился к Колганову:

- Говорите, что обнаружили его полчаса назад?

Тот кивнул.

Врач ещё раз покосился на Бергера.

- Этому трупу не меньше двух-трёх месяцев. Это я вам как специалист заявляю.

Колганов сглотнул.

- Я не знаю, что произошло. Ещё вчера я с ним разговаривал. Он был живой.

Медик аккуратно снял украшение и положил в пакет для вещдоков. Песочные часы легли в другой.

Гена Труман тем временем осматривал кабинет.

- Сан Дмитрич, следов борьбы, крови нет. Следы взлома тоже отсутствуют.

- Продолжай, Гена. Не сдавайся, - приободрил его Марченко.

Теперь следователь знал, что никаких следов нет и не будет. Аккуратно взяв под руку бледного Колганова, сказал негромко:

- Есть разговор.

- Да, я понимаю.

- Предлагаю прогуляться.

- С удовольствием. Мне это нужно как никогда раньше.

Помимо того, что ему самому хотелось скорее подышать свежим воздухом, Марченко преследовал ещё одну цель: отойти

подальше от лишних ушей.

Молодые люди спрятались под кроной раскидистого тополя. Колганов не мог отдышаться и сполз вниз, прислонившись спиной к толстому стволу. Дрожащие же руки спрятал в карманах. Недолго думая, Марченко поступил аналогично.

- Прозвучит банально, но тем не менее: расскажите всё с самого начала.

Журналист некоторое время собирался с мыслями. Это оказалось нелёгким делом, ведь болело всё: руки, спина, голова. Свежий утренний воздух немного отрезвлял, что, хоть немного, но радовало.

- Да...с чего начать. Понимаете, я разговаривал с Михаилом Борисовичем несколько часов назад...

- О чём шёл разговор?

- В конце октября прошлого года на рублёвке сгорел дом.

Марченко, услышав это, инстинктивно напрягся.

- Михаил Борисыч велел написать об этом статью. Но в официальных сводках практически ничего не было. Информационное поле хорошо подчистили, что само по себе странно. Никаких документальных материалов у меня не было. Поэтому, честно говоря, смысл задания заключался в том, чтобы придумать причину, по которой сгорел особняк. - В голосе Колганова послышались оправдывающиеся ноты. - Понимаю, звучит глупо. Но у нас такой профиль издания - мистика, паранормальные явления, необъяснимое и прочие чудеса. Так вот, нужно придумать причину и написать всё красиво и складно. Что-нибудь мистическое и завораживающее. То, что наверняка понравится нашему читателю.

- Так понимаю, ваш разговор состоялся вчера.

- Да. А сегодня ночью мне приснился странный сон. Скорее, кошмар.

- Расскажите.

Колганов замялся.

- Со стороны это будет выглядеть так, будто я идиот.

- А мне кажется, нет. - Возразил Марченко. - Учитывая то, что́ вы обнаружили в кабинете вашего шефа.

Егору пришлось согласиться.

- Мне приснилось, будто присутствую на месте пожара. Причём нахожусь в самом его сердце. Вокруг люди, ряженые в маскарадные костюмы. Кажется, они отмечают Хэллоуин. Внезапно один превращается в зомби. Неожиданно так, безо всякой причины. И бросается на стоящую рядом девушку. Но бедняге удаётся вырваться и убежать. Не знаю, возможно она спаслась.

- Никто не спасся, - вырвалось у Марченко.

- Вы что-то знаете? - изумился Колганов.

Тот поспешил успокоить.

- Только то, что зафиксировал судмедэксперт. Продолжайте.

Егор шумно выдохнул.

- Я бродил туда-сюда и не чувствовал своего тела. Не видел его. Словно стал бесплотным духом. Понимаете?

Марченко хмурился, думая о своём. Что, впрочем, не мешало внимательно слушать собеседника. Рассказ перепуганного журналиста странным, непостижимым образом укладывается в картину, виденную им воочию в прошлом году. С той лишь разницей, что Колганову всё приснилось, а он пережил наяву.

- Понимаю.

- Никто не обращал на меня внимания. Ни этот монстр, ни остальные. А потом...подробностей не помню...вроде как в доме уже было несколько таких чудовищ. Они набросились на живых и стали их пожирать. Сразу же вспыхнул пожар. Причём везде,

одновременно. Потом всё смешалось, и мёртвые и живые. Если к тому времени такие ещё оставались. Мне захотелось уйти из дома. Но внезапно я увидел его. Он стоял напротив меня. Не знаю, видел ли он меня. Он тоже молча наблюдал за происходящим. Правда, выражение лица его было...как бы это точнее выразить...сладострастным. Словно кайфовал, получал удовольствие от происходящего. Меня обуял дикий страх, и я проснулся.

Вспоминая произошедшее и повествуя, Колганов снова разволновался. Сердце бешено колотилось и было готово выпрыгнуть из груди. Во рту пересохло, дико хотелось пить.

Как после этого сна

- Кого именно вы увидели? - осведомился заинтригованный Марченко.

- Как кого? Бергера, главреда.

Полицейский отклеился от ствола и встал, разминая конечности. Дело принимало весьма интересный оборот. Надо с чего-то начинать, но непонятно, с чего именно. Свидетели? Да, есть потрёпанный паренёк, словам которого никто не поверит. Даже он сам, не знай, что тот говорит правду. Есть странные предметы, вроде кулона и песочных часов, но записывать их в разряд вещдоков - значит чересчур доверяться фантазии. К тому же, скорее всего, видел он их в первый и последний раз и дело снова передадут в другое управление. По крайней мере, так сказали в прошлый раз. Начальство ведь никогда не врёт. А Валера, судмедэксперт, осматривавший обнаруженное у входа в сгоревший дом тело, потом клялся, что это был лишь нормальный обгоревший труп.

Нормальный

- Так понимаю, вы выполнили редакционное задание?

- Да, написал статью. Бергер очень-очень ждал её. Можно сказать, сгорал от нетерпения.

- И сгорел, - буркнул под нос Марченко.

Колганов не расслышал.

- Простите?

- Это так, с самим собой. Если верить сну, то, выходит, ваша статья документальная?

- Но это же бред! Тем более, что сон никак не проверишь.

- То есть, вы не хотите, чтобы ваш материал вышел в печать?

- Ну почему же. - Колганов пожал плечами. - Любой журналист хочет, чтобы его материалы публиковались. К тому же, на эту работу пришлось потратить драгоценное время. Да и нервы тоже. - Тут он невесело усмехнулся. - Зазря, что ли? Редакция за статью выплатит неплохой гонорар. А я практически на мели.

Марченко хмурился и размышлял. Никаких зацепок в офисе "8-го дня недели" нет. В этом он уверен наверняка. Как и в том, что его скоро отстранят от расследования, а дело уйдёт выше. Надо принимать решение. Причём времени на размышления не было. Либо он самоустраняется от расследования,

ведь полиция фантазией и мистикой не занимается

просто составив протокол осмотра места происшествия и поджидая...кого? Ну, например, того же фсбшника Евгения Васильевича, либо пытается зацепиться за дело. Хотя бы из здорового профессионального интереса. Но уже не официально, на свой страх и риск.

Что априори глупо и контркарьерно

И Марченко принял решение.

- Статью публиковать нельзя.

- Что?

Выражение лица журналиста стало таким, словно ему наступили на самое больное место. Впрочем, так оно и было.

- Егор, вы же понимаете, что из-за этого только что погиб ваш главред.

Колганов вскочил на ноги.

- Но я то здесь причём?

Простой вопрос, закономерный. Но Марченко вынужден в который уже раз объяснять на пальцах элементарные вещи.

- При том, что кто-то может посчитать вас свидетелем. И устранить.

- Но мне нужны деньги! - Сопротивлялся Егор. - Тем более, если сказать читателям о том, что это - последняя прижизненная публикация Михаила Борисовича - номер ждёт колоссальный успех!

Марченко смерил взглядом собеседника. Незаметно затюканного изможднного доходягу сменил расправивший плечи самоуверенный красавец.

Как быстро ты преобразился, однако

Строго говоря, запретить журналисту исполнять профессиональный долг следователь не мог. Ладно. Хрен с тобой, золотая рыбка. Пусть статья увидит свет. А там будь что будет. Насчёт отсутствия зацепки ошибаюсь. Ниточка есть: это ты со своей статьей и одержимостью в глазах!

- Хорошо. - Уступил вслух полицейский. - Пусть будет по-вашему. Печатайтесь. Но у меня есть огромная просьба.

- Слушаю. - Казалось, Колганов вырос на пару-тройку сантиметров.

- Я дам вам свой номер. Если кто-нибудь, неважно кто,

свяжется с вами по поводу статьи, вы тут же позвоните мне. В любое время суток. Абсолютно любое. И сразу же. Обещаете?

- Договорились.

Колганов инстинктивно протянул руку и Марченко ощутил стальное рукопожатие.

- Не забывайте, речь идёт о вашей безопасности.

- Конечно. Не маленький, всё прекрасно понимаю.

Формулировка "сразу же" очень важна. Если журналист не свяжется с Марченко, будучи занят делами, то, чем больше времени пройдёт, тем более вероятность того, что и далее не перезвонит, будучи гложим сомнениями. И недоверием.

- Когда выходит номер?

- На следующей неделе. Завтра-послезавтра вёрстка.

- Хорошо. Будем ждать. Мне нужна копия статьи.

- Но...- попытался запротестовать Колганов, но Марченко был настроен решительно.

- Егор, сейчас не время спорить и препираться. Дальше меня рукопись не уйдёт. Обещаю.

- Ладно. - Уступил журналист. - Но, боюсь, когда будете читать, решите, что я сошёл с ума.

- У вас ладони в волдырях. - Успокоил его Марченко. - А значит, дело серьёзное.

Глава 14

Дореволюционное издание Русских народных сказок и сборник задач "Занимательная математика" - это всё, что находилось в портфеле Колы. Отныне ниточкой, ведущей вперёд, стал человек, с которым молодой человек успел перебросится парой-тройкой фраз перед смертью. Молодой провинциальный журналист, приехавший покорять столицу. Егор Колганов. Теперь его следует поместить под колпак. Нет, неправильно! Это колпак следует надеть на человека. Слежка, прослушка. В общем-то, хорошие методы. Но примитивные. Их следовало использовать как вспомогательные. А вершина манипуляции - сделать человека своим союзником. Сделать так, чтобы он сам к тебе стремился. Этому предшествует кропотливая обработка объекта, выявление его слабостей и сильных сторон. Непростое, но увлекательное занятие. Настоящий вызов для профессионала.

Наступило очень интересное время. Спираль игры закручивается сильнее и сильнее. Признаться, Ян Григорьевич не ожидал, что это будет происходить на его веку. Противостояние Холодных с Солнечными продолжается настолько долго, что стало напоминать скорее миф. Долгое время Холодные были почти людьми и жили среди людей, пытаясь сделать их себе подобными. Однако все их усилия оказывались тщетными. И тогда самые проницательные Холодные стали подмечать, что среди людей встречаются такие, которых невозможно охладить иначе, как убить. Охладить - значит привить чужую систему ценностей. В данном случае, систему ценностей Холодных. Способов охладить на самом деле не так много: это игра на любимых мозолях человечества - гордыни, тщеславии и самолюбии. Впрочем, последние два - производные первого. Ещё один крючок для жертвы - страх. Неважно, какой природы. Подобно паукам, плетущим сети для ловли мух, Холодные раскидывают наживки, облечённые в красочные обёртки.

Здравствуйте! Добро пожаловать! Что пожелаете? Самоутверждение? Пожалуйста: настоящий мужчина тот, у которого...далее следует стандартный набор материальных благ и семейных штампов, от которых без ума их глупенькие жёны.

Что? Ваш мужчина начал пить или бросил вас? Да вы сами в этом виноваты!

Потому что настоящая женщина - это та, которая...

У бедных неофитов тренда в голове студень.

Личная жизнь разваливается на куски...

Так, может, сделаете карьеру? У нас для вас найдётся отличный вариант! Это называется...таак...сейчас найду...это называется тщеславие...

И невдомёк им, бедным, что Мужчина тот, кто думает своей головой, а не следует с визгливыми воплями за трендом.

А Женщина никогда не впустит в свой круг чужое мнение.

Однако самый быстрый и верный путь обратиться в холодного - совершить сделку с собственной совестью.

Совесть, как голос души, ещё может прожить некоторое время, однако лишённая подпитки в виде Поступков, обречена умереть.

От людей, осознавших себя Образом и Подобием Всевышнего, Холодные отступают.

Сдавшиеся, то есть проглотившие наживку, медленно остывают. Потому что Искра Божья - а потому вечная, в них замещается льдом относительных земных успехов, ограниченных рамками жизни физического тела. Эти достижения превращаются в ничто в момент смерти, а то и раньше. Постепенно лёд тает. Охлаждённый человек медленно превращается в холодного. Сначала внутренне, что практически незаметно для окружающих,

а потом и внешне - физическая смерть. Момент его смерти совпадает с моментом, когда тело и душа становятся окончательно холодными.

Но вскоре у Холодных появился грозный противник, начало которого они, говоря без обиняков, прозевали. Сначала это были нищие монахи и проповедники. Юродивые, не вызывавшие ничего, кроме жалости и отвращения. Ходившие по городам и весям, всегда собиравшие вокруг себя толпу зевак. Они несли в массы учения и начала, прямо противоречащие установкам Холодных. Например, что человек есть образ и подобие Бога, поэтому не имеет права создавать себе кумира. То есть впадать в зависимость от чего-либо. Например, от славы или денег. Или от сладких речей ближнего своего. Зеваки со временем стали слушателями, а проповедующие странники обрели авторитет. Те слушатели, которые ощутили в себе тяжесть и ответственность Божьего промысла, превратились в последователей. А последователи, познавшие что есть Образ и Подобие Бога, в свою очередь, сами брали посох и шли проливать свет. Становились Солнечными.

Против Солнечного Холодные могли противопоставить только одно - меч наёмника. Поначалу так и было. Множество голов посекла сталь Холодных. Но клинок против веры бессилен. Ибо одна рука управляет лишь одним мечом, а Солнечный бессребреник - десятками и сотнями жаждущих тепла душ.

У информации есть великое свойство: становиться тем больше, чем сильнее её отдают.

Впоследствии Солнечных, казнённых Холодными, стали называть мучениками.

Но Холодные дрогнули, когда солнечными стали воины. Таковых нарекли Ратниками. Ратники не просто несли в себе Божью искру, энергию Солнца, но и умели постоять за веру силой. И тогда меч Холодных звонко встретился с клинком Ратников. Великое множество сеч было. Множество воинов полегло с обоих

сторон. Так продолжалось много веков, пока Холодные не осознали, что с крепчающими Солнечными таким образом им не справиться.

И они решили поменять тактику. Что невозможно достичь силой, можно решить хитростью. Холодные взяли на вооружение приём Солнечных - веру. И наполнили мир щупальцами анти-вер, ложных учений, моды и суеверий. Сработало!

Яркая обёртка всегда выглядит лучше суровой правды. Тем более, что правда зачастую сразу-то и не видна.

С течением времени большинство людей подрастеряло энергию тепла, забыло о том, что они есть Образ и Подобие Единственного. Холодные остановились в полушаге от того, чтобы обратить людей в покорных рабов. Единственной преградой на их пути к тому, чтобы захватить мир, стал Священный костёр Солнечных. Пока костёр в их руках, Солнечные черпают от него энергию и силу. Проблема заключается в том, что, несмотря на все усилия Холодных, они так и не смогли прознать место, где стоит Храм с огнём.

По сути, их вялотекущая война свелась к попыткам Холодных отыскать костёр. Как в игре, когда имеешь над соперником громадный перевес, и нужно забить единственный мяч. Но всё никак и никак. А время - неограниченно.

Завладев Священным костром, Холодные не станут его тушить, ибо это уничтожит Солнечных. Гораздо привлекательнее сохранить очаг и иметь власть не только над людьми, но и над своим, таким великим в прошлом соперником.

И вот уже бесчисленное количество раз собирался Высший совет Холодных, чтобы из своего числа избрать вождя. Теперь ему, Яну Григорьевичу, выпал жребий взять бразды правления Холодными в свои руки. Строго говоря, эта должность является административной. Основную работу выполняют Специальные комиссии, состоящие из профессионалов своего дела. Таких

комиссий великое множество. Некоторые существуют давно и представлены несколькими поколениями Холодных. Например, Великий суд. Другие созданы недавно. Так, Www-отдел контролирует киберпространство. Третьи вообще организуются для разовой работы. Решения всех комиссий утверждает, подписывая и скрепляя печатью, Он. Ян Григорьевич. Вождём Холодных после упокоения предыдущего назначается наиболее уважаемый и авторитетный. Никаких льгот и привилегий пост не сулит. Скорее, наоборот: вынуждает нести ответственность и являться примером для подражания. Впрочем, от предложения можно отказаться. В таком случае Холодный покидает и Высший совет, что фактически означает гражданскую смерть.

За всю историю так было четырежды.

Избранного часто именуют вождём, чтобы подчеркнуть надгосударственное положение Холодных.

Вождь имеет право выступить с любой инициативой. Однако его власть ограничивается Высшим советом, в который тот входил перед избранием. Финал любого Избранного заранее известен: ему суждено замёрзнуть. Так случается потому, что абсолютно вся энергия Холодных не имеет права пропадать: иначе они погибнут. Поэтому, волей-неволей, центром притяжения, концентрацией холодной силы становится Вождь. Сколько он будет жить - зависит только от него самого. У некоторых внутренних сил хватало лишь на несколько лет. А у кого-то - на несколько десятилетий. Предшественник Яна Григорьевича занимал сей почётный пост 18 лет, прежде чем силы оставили его, - показатель на тройку с минусом. Сам Ян Григорьевич является Избранным уже двадцать лет. Но скоро и горячий грог ему перестанет помогать. Максимум два-три года, и он канет в лету. Точнее, замёрзнет и упокоится за стенами Нижнего города, как сонм предшественников.

Неожиданно на горизонте замаячила перспектива окончательной победы над Солнечными. А завладев Священным огнём, Ян Григорьевич подарит себе бесконечность. Победу над временем. И всевластие. Потому что огонь будет поддерживать его жизнь, а жизнь, в свою очередь, будет означать власть над

Холодными. И над людьми. И над Солнечными...

Эта мысль пьянила сильнее вина.

Но вместо карты Кола в портфеле держал никчёмные Сказки и Загадки! Словно бы издевался...

Ян Григорьевич от обиды прикусил губу, а затем в порыве гнева смёл книги на пол.

Глава 15

По мере того, как Марченко углублялся в чтение, всё сильнее накатывало ощущение, будто он сам не сторонний наблюдатель, а непосредственный участник торжества. Картина события, медленно разворачиваясь, поглощала. Он, словно оператор с камерой в руках, снимает происходящее на плёнку. Лица, маски, макияж, костюмы...

Блики свечей исполняют замысловатый танец на стенах. А за панелями, под слоем штукатурки проступают символы, напоминающие иероглифы. Начертаны красной краской. С потёками. Местами краска светлее, местами темнее.

Легла неровной толщиной

Подобные рисунки полицейский никогда прежде не встречал. Более того, сам факт того, что зрит сквозь стену, нисколько не удивлял.

Краска пахнет. Источает свой запах. Непохожий на остальные. Смешиваясь с жарким дыханием свеч, наполняет пространство. Фигуры в костюмах общаются и пьют. Никто не замечает присутствия оператора-Марченко. Тем временем камера в его руках выхватывает всё новых персонажей: вот Фиона, неподалёку от неё вампир. А горбун отхлёбывает прямо из горлышка. Следующий персонаж словно и не чувствует жару - молодой аристократ во фраке и цилиндре. К деталям костюма не придерёшься: сорочка с туго накрахмаленной манишкой, белый пикейный жилет, чёрные лаковые туфли и носки аналогичного цвета. Денди небрежно дымит трубкой.

Обойдя его стороной, Марченко повернул камеру в сторону окна и прищурился, стараясь уловить малейшие детали. Двое, девушка и молодой человек, пытаются уединиться и поговорить.

Громкая музыка и дождь, бьющийся в стекло, заглушают их речь.

Стало жарче. Ноздри щекочет уже знакомый запах. Только ставший более сильным, как концентрат. Пытаясь придышаться, Марченко опускает камеру. Первые несколько секунд что-либо разобрать оказалось невозможно. Перед взором пляшут лишь огоньки свечей и смутные тени. Полицейский проморгался и постепенно глаза адаптировались к обстановке. Девушка в образе Пикачу прислонилась к стене и курит, пряча за ресницами отсутствующий взгляд. Затушив сигарету и отшвырнув окурок, нетвёрдой походкой направляется к группе собеседников. И следующая яркая деталь уже не может остаться незамеченной: Пикачу перепачкалась краской, размазала её в том месте, где прикасалась к стене.

Марченко впал в лёгкий ступор, пытаясь понять, как это могло произойти. Ведь между человеком и краской толстый слой штукатурки и не менее толстые деревянные панели.

А потом краска потекла.

Наверное, от жары

Мелкие капли собирались в крупные. А те, в свою очередь, в ещё более крупные. Они стекали по стене и образовывали на полу крупные лужи. Люди наступали в них и продолжали движение.

Они что, слепые?

Внезапное осенение заставило его похолодеть.

Камера выскользнула из ослабевшей руки.

Глава 16

Ян Григорьевич отложил в сторону свежий номер журнала "8-й день недели" и вызвал горничную.

- Я хочу видеть свою дочь.

Через полчаса в доме послышался знакомый цокот каблуков.

Ян Григорьевич развернул издание на странице со статьёй "Кровавый Хэллоуин".

- Немного пафосное название. Но для такой литературы в самый раз.

Маржана склонила голову набок и немного подвинулась, рассматривая иллюстрацию.

- Пап, ты меня позвал, чтобы рассказать о том, какая это замечательная статья? - Запротестовала Маржана. - Но я не интересуюсь жёлтой прессой.

Ян Григорьевич снисходительно улыбнулся.

- Ты даже не представляешь, насколько ты права. Это действительно замечательная статья. И её автор - замечательный журналист.

- Пап, я рада за вас обоих.

Ян Григорьевич не стал обращать внимания на сарказм в её голосе.

- Дочь моя, рукопись Колы находится у него!

Маржана не смогла скрыть скептицизм вперемешку с удивлением.

- Откуда ты знаешь? Он что, так об этом и написал?

- Нет конечно. Но я прочёл статью и понял, что карта в руках этого журналиста. Потому что написать такое, не будучи посвящённым, невозможно.

- Это лишь твои догадки, не более того. - Засомневалась она.

- Не убедил? - Ян Григорьевич даже ощутил прилив жара, что с ним не происходило уже много лет. - А ты забыла о том, что Кола наведался в редакцию именно того издания, в котором работает наш интересуемый? И по странному стечению обстоятельств выходит статья, автор которой в точности, в мельчайших деталях описывает то, чего сам видеть не мог. Ибо в тот момент находился в совершенно другом месте. Может, даже не работал в этом издании.

Маржана прикусила губу и многозначительно покачала головой.

- А о чём вообще речь в этой статье? Хотя, ладно. Давай угадаю, что ты скажешь? Ты попросишь меня встретиться с ним и подарить мне эту карту. Верно?

Ян Григорьевич ничего не ответил.

- А может, просто выкупить её? Предложить заманчивую сумму. Если этот журналюга не Солнечный, клюнет на приманку.

Ян Григорьевич прокашлялся и отпил немного грога.

- Ты мыслишь в верном направлении, Маржана. Но есть одно "но". Мы не знаем, при каких условиях карта оказалась в руках Колганова.

- Его так зовут?

- Егор Колганов, 25 лет. Приехал из Тольятти. Окончил журфак Тольяттинского Госуниверситета. Молодой, горячий, амбициозный. В общем, парень, что нам надо.

- Тем лучше, пап. Ты же не обеднеешь, скажем, из-за десяти тысяч. Ну, или из-за пятидесяти?

Но Ян Григорьевич лишь воззрился скептически.

- Мне известно, что перед смертью Кола что-то говорил Колганову.

Маржана насторожилась.

- А откуда?

Ян Григорьевич расслабил ворот сорочки. По всему было видно, что вопрос неудобен.

- Мой человек находился рядом, - нехотя выдавил он.

- Как же я не догадалась! - саркастически выпалила она, намекая на убийцу.

- Ладно, не время сейчас препираться. - Отрезал Ян Григорьевич. - Мы связаны общим делом. И как моя единственная дочь, ты должна мне помочь.

Маржана отвернулась.

- Можешь на меня положиться, - глухо сказала она.

- Знаю. - Ян Григорьевич пытался справиться с растущим раздражением. Он не привык оправдываться. В том числе, перед дочерью. А сейчас вообще на карту легло слишком многое. - Мне просто некому доверять. Итак, продолжаем нашу тему. Перед смертью Колы у них состоялся небольшой диалог. Хотел бы я знать, что Кола успел сказать, но увы. Поэтому, если просто предложить журналисту деньги, он может насторожиться. Возможно, Кола успел предупредил, что придут люди с деньгами и предложат карту купить. В этом случае дальнейшие действия Колганова для нас непредсказуемы. А потому опасны. Мне бы не хотелось такого поворота событий.

Ян Григорьевич сделал ещё несколько глотков напитка и продолжил.

- Колганов никто. Нищеброд, мечтающий о славе, золотых горах и доступных тёлках. Живёт в съёмной квартире и выплачивает кредит за трёхлетний "форд". Хотя постоянно сидит

на мели. Мог бы взять новую "весту", но понты для него дороже денег.

- А что, "форд" у нас теперь - это понты? - осведомилась Маржана. - Так я пойду, обменяю свой "бимер" на какой-нить "фокус".

Но Яну Григорьевичу было не до шуток. Впрочем, она это тоже прекрасно понимала.

- Делай, что хочешь. Но запомни, что играть нужно на тщеславии. Для Колганова деньги вторичны. Люди вообще делятся на две категории: те, которые продадутся за деньги и остальные, для которых главное - успех. Иногда деньги перетекают в успех и наоборот, но это детали. Заручиться поддержкой первых проще и дешевле. Купить вторых - сложнее. Но с ними гораздо надёжнее иметь дело в перспективе. Карта должна быть у меня. И чем быстрее, тем лучше.

Засвистев турбокомпрессорами, "бмв" сорвался с места и взял курс на редакцию "8-го дня недели".

Глава 17

На экране "айфона" Колганова высветился незнакомый номер.

- Слушаю.

- Егор Колганов?

- Он самый.

- Выгляните, пожалуйста, в окно.

Ничего не понимающий журналист приблизился к окну и раздвинул жалюзи. Внизу замер черный "бмв". Высокая брюнетка, стоящая рядом с открытой водительской дверью, приветливо помахала рукой.

- Можно украсть немного вашего драгоценного времени?

- Я...

- Мы просто прокатимся в уютное местечко, попьём кофе. Потом привезу вас обратно. В целости и сохранности.

- Ну хорошо. Сейчас спущусь.

По привычке прихватив ещё и сумку, вышел из редакции.

- Я Маржана. Присаживайтесь.

Провалившись в чрево жёсткого кожаного сиденья, Колганов почувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, сидеть оказалось вполне удобно.

- Извиняюсь, что так бесцеремонно оторвала вас от работы.

- Ничего страшного. Я, в общем-то, бездельничал, - соврал он.

Просто не так часто смазливые незнакомки предлагают прокатиться на шикарном авто. Да ещё угостить кофе.

Точнее, никогда ранее

Это интриговало.

Колганов про себя отметил, что Маржана вела машину быстро, но деликатно. Не нарушая правил дорожного движения. Ехали они дольше, чем ожидал. Впрочем, от такого знакомства лучше ничего не ожидать. Во всяком случае, меньше разочарований. Остановились перед чёрными железными воротами, закрывающими въезд за высокий кирпичный забор. Внутри - парковка, наполовину заполненная представительскими седанами и когортой внедорожников. Отдав ключи валет-менеджеру, Маржана загадочно улыбнулась.

- Следуйте за мной.

Молодые люди направились к старинному кирпичному зданию с наглухо затонированными окнами.

- Что это? - Егор с интересом всматривался в их отражения в огромных витринных стёклах. - Не похоже на библиотеку.

Спутница пропустила шутку мимо ушей.

- А на что это, по-вашему, похоже? - полюбопытствовала она.

- Клуб? - предположил журналист, разглядывая неоновую, выполненную готическим шрифтом надпись над дверью. - Судя по вывеске и автопарку, похоже на то.

- Будем считать, угадали. - Согласилась девушка. - Это место отдыха.

Швейцар, услужливо поклонившись, распахнул двери. Над головой ярко-красным светилось "ВХОД".

Прикольное название

Но ещё большее удивление поджидало его внутри. Разинув рот и споткнувшись от неожиданности, Колганов остановился. Картина, представшая перед глазами, поражала ирреальностью. Словно он сел в машину времени и перенёсся на множество веков назад.

Так вот почему окна непроницаемы, а на дверях охрана, замаскированная под прислугу.

Перешагнув порог, журналист, как по мановению волшебной палочки, оказался в роскошном дворце Древней Греции.

Величественные колонны ионического ордера подпирают потолок. Пламя факелов, отражаясь, играет на лепнине стен и мутнеет в клубах расстилающегося дыма. Каменный пол устлан звериными шкурами. Мужчины разного возраста и телосложения, облачённые в хитоны, сидели и непринуждённо беседовали. Некоторые столы исключительно мужские, общество других компаний разбавляют женщины. Как и их спутники, дамы одеты в туники. Белого и розового цвета, с цветной каймой, они практически одинаковы, если не считать того, что у некоторых туника стянута поясом на талии, у других под грудью. На запястьях - украшения ценой в несколько годовых заработков самого Колганова. "Гречанки" курят наравне с "греками", потягивают напитки через соломинку и поддерживают разговор. Слышится и иностранная речь.

Лица всех присутствующих скрыты масками!

То здесь, то там из клубов, генерируемых дымовыми машинами, выныривает прислуга - молодые парни и девушки в набедренных повязках.

Рабы?

Почувствовав, как Маржана тянет его за собой, Егор сбросил оцепенение удивления. Присутствующие, завидя его спутницу, кивали головой и кланялись в знак приветствия. Они поднялись в

небольшую VIP-зону, из которой можно наблюдать за всем происходящим, оставаясь при этом невидимым.

Столик оказался заранее зарезервирован.

Значит, с её стороны это не вполне экспромт

Незаметно подплыла официантка, девушка лет восемнадцати с учтиво-безжизненным выражением лица. Колганов переводил взгляд то на её светлую аккуратную косу, то на маленькую, упругую грудь. Маржана деликатно молчала. Наконец, он вспомнил, что нужно сделать заказ.

- Капучино, пожалуйста.

Маржана удивлённо приподняла брови.

- Даже не ознакомитесь с меню?

Егор прокашлялся и показал на шею:

- В горле пересохло. Жаль, что спиртное в рабочее время противопоказано Трудовым кодексом.

- Хорошо. - Маржана впервые обратила внимание на прислугу. - Мне чёрный без сахара.

На самом деле, после новых впечатлений больше всего хотелось поддать за воротник. Аккуратно так, под закусочку. Но нельзя расслабляться перед незнакомым человеком. Даже если он - красивая девушка.

- Наверное, вы немного удивлены, - предположила она.

- В общем, да. - Колганов почесал подбородок, предполагая, что нет смысла утаивать очевидное. - Всё так стремительно происходит. Мысли в кучу. Никак не могу собраться. Кстати, необычное место. Точнее сказать, неожиданное.

- Да, - согласилась Маржана, - зато здесь можно расслабиться.

- Полагаю, вход только по партбилетам?

- Разумеется. - Девушка пожала плечами. - Чужим здесь не место.

- Значит, я уже...

Но черноволосая спутница Колганова подмигнула и не дала договорить.

- Просто расслабьтесь и получайте удовольствие!

- Хорошо. - Улыбнулся он. - Последую ценному совету.

На самом деле ответ на этот вопрос очень интриговал. Но, видимо, сегодня не на все вопросы последуют ответы.

Маржана отпила немного кофе, не сводя с журналиста огромных чёрных глаз. Некоторое время они молчали, изучая друг друга. Пока Егор не решился задать другой, интересующий его, вопрос.

- А почему на людях маски? Это дресс-код? Традиция?

На мгновение глаза Маржаны остекленели.

- Ну, в смысле почему мы без масок?

- Они нам ни к чему. - Её голос был предельно спокоен. - Ни мне, ни, тем более, вам.

- А им зачем маски? - Не унимаясь, Колганов кивнул в сторону костюмированной публики. - Скрывают что-то нехорошее?

Чёрные глаза прищурились.

- Вы, Егор, можете спуститься и лично задать им этот вопрос.

- Ну уж нет. - Запротестовал он. - Не хочу отказываться от вашего общества.

- Спасибо. В любом случае, думаю, клиенты это делают добровольно. - И, помолчав, продолжила:

- Здесь собираются наши друзья: деловая элита столицы, топ-менеджеры и госчиновники. Некоторые постоянно мелькают на телеэкранах. Другие же, напротив, никогда не выходят из тени. Это люди, влияющие на принятие политических решений самого высокого уровня.

Колганов задумчиво смотрел в сторону. Внизу "гречанка" вставляет сигарету в длинный тонкий мундштук. Её подруга задумчиво рассматривает свою ножку, обутую в сандалию. Казалось, он пропустил слова собеседницы мимо ушей. На самом деле, наоборот. И движение в зале, и интерьер с огромными полотнами, изображающими сцены мифического прошлого Древней Греции, не отвлекают от главного. В нём проснулся профессиональный журналист.

- Закулиса? Теневое правительство?

- Скажем так, люди, проводящие в жизнь свои идеи и интересы, - уклончиво ответила она.

- Вы только что сказали, что эта публика причастна к управлению государством. Вам не кажется, что подобное завуалированное управление губительно для общества, потому что нет субъекта ответственности.

Маржана уже жалела о сказанном.

- Это всё теория и патриотическая демагогия. На самом деле, на руководящих постах должны находиться профессионалы. Ключевое требование - компетентность. Прошло то время, когда страной могла управлять любая кухарка.

Колганову меньше всего хотелось пускаться в бесплодную полемику. В конце концов, они здесь совсем для другого.

Для чего?

- Прикольное местечко. - Он не знал, какую тему поднять. - И название клуба тоже интересное - "Вход".

- Это не название. Окей. Не буду ходить вокруг да около. Вам нравится моя машина?

- Хороший вопрос. - От неожиданности чашка замерла на полпути ко рту. Он ещё раз посмотрел на авто. - Нравится. Только бы выбрал другой цвет, менее церемониальный.

- А как вам предложение иметь собственное издание? Впридачу к престижной машине.

Вконец растерявшийся Колганов поставил кофе на стол и проморгался.

- Не понимаю.

- Я давно за вами слежу. Точнее, за вашими работами. Вы прекрасный журналист. Профессионал, каких мало. Последняя ваша статья, "Кровавый Хэллоуин", просто шедевр. Образец того, как надо работать в условиях дефицита времени и фактов.

- Спасибо. Польщён.

- Уверена, Михаил Борисович вами гордился.

- А вы были знакомы? - Поинтересовался Колганов.

- Разумеется. Такая ужасная смерть. - Маржана грустно вздохнула. - Можно сказать, сгорел на рабочем месте. Такое случается с людьми, крайне преданными своей работе.

- Нам всем его не хватает. Что теперь будет с его детищем, со всеми нами, кто с ним работал?

- Всё будет хорошо. - Загадочным уверенным тоном произнесла Маржана и допила кофе. - Поверьте мне.

- Вы в очередной раз меня заинтриговали.

- Предлагаю перейти на "ты", - предложила она.

- С удовольствием.

- Я в некотором роде поверенный Михаила Борисовича.

С этими словами вытащила из сумочки небольшой конверт и протянула собеседнику.

- Что это?

- Это завещание Михаил Борисовича. Вернее, копия. Прочтите.

Он послушно развернул документ и углубился в чтение.

"Я, Бергер Михаил Борисович...дата рождения...проживающий...настоящим завещанием на случай моей смерти делаю следующее распоряжение...Егору Анатольевичу Колганову...паспорт...занимающему должность журналиста в моём издании "8-й день недели", я завещаю моё издание, журнал "8-й день недели"..."

Колганов прочёл до конца и откинулся на спинку стула.

- Вот дела.

- Это не всё. Ещё есть распоряжение Михаила Борисовича, в котором он назначает вас своим заместителем. Поэтому вплоть до вступления завещания в законную силу вы будете исполняющим обязанности главного редактора. Уверена, вы потянете эту должность.

- Потянуть-то потяну. - Засомневался Колганов. - Только не знаю, в какую сторону.

- Ценю ваш...ой, сорри, твой юмор, Егор. Но дело серьёзное. Журналу нужен руководитель. Согласен?

- Так-то да.

Он и сам не понимал, чего мямлит. Правда, одно дело за деньги строчить статейки для дешёвого журнальчика. Совсем другое - руководить этим изданием. И совсем-совсем другое - являться главредом-командиром и собственником. Пока он вольнонаёмный, есть возможность в любой момент соскочить, срулить. А, будучи уже ответственным за коллектив, особо не распляшешься. Вот, если бы предложили завладеть, скажем, The New York Times, или The Boston Globe. Ну, или хотя бы "Московским Комсомольцем". А "8-й день недели"...С его специфическим материалом для слабоумной публики, обожающей "сенсации", обильно сдобренные перцем "потусторонности" и политые соусом "таинственности"...

Маржана мгновенно уловила настроение и ход мыслей собеседника.

- Егор, я предлагаю тебе не просто должность. Я предлагаю нечто большее, особенное. Я предлагаю тебе перспективу, будущее. У тебя в руках возможность вылепить из журнала всё, что захочешь. Ту правду, которую обязан донести до публики. Можно даже придумать слоган типа "Вы держите в руках правду".

Она хихикнула и продолжила:

- Только плавно, аккуратно, не пугая резкими переменами лояльных читателей. Ты знаешь, как это правильно сделать. Я не просто так спросила, нравится ли тебе мой "бмв". У тебя будет такой же. Или любая другая тачка, какую пожелаешь. И новая квартира. Причём своя, а не съёмная. И, сам понимаешь, при таких девайсах можно позволить себе гораздо больше. Девушки любят успешных мужчин.

Маржана кокетливо подмигнула. Но Колганов и так понял, к чему она клонит. Ещё вчера думаешь, на чём сэкономить, а завтра - костюм от какого модного ателье заказать. Кому такое не понравится?

- Звучит заманчиво.

- Только не подумай, что тебя покупают, Егор.

Именно это я подумал

- Ты сам на это заработаешь. Ты не знаешь всей кухни издания, с которой знакома я. А между тем, Михаил Борисович очень неплохо получал. Просто теперь его место займёшь ты.

У Колганова к этому моменту пересохло в горле, и он подозвал официантку.

- Сделайте, пожалуйста, копию. - Просьба касалась пустой чашки. - Маржана?

- Да, не откажусь.

- Ты, Егор, модный преуспевающий журналист.

- Маржана, я дешёвый писака...

- Нет!

Она нагнулась к нему, буравя взглядом бездонных глаз и томно дыша.

Колганову показалось, что её дыхание...как бы лучше выразиться...холодновато...ну, или, по крайней мере, прохладно.

- Повторяй за мной...Я...

- Я

- Модный...

- Модный

- Успешный...

- Успешный

- Журналист.

- Журналист.

Маржана села обратно и поправила волосы.

- Вот так лучше! Через месяц возьмёшь пару-тройку выходных и съездишь домой. Крутой московский журналист, целый главный редактор модного издания, приехал в провинциальный Тольятти. Просто навестить родителей. Каково? Да все тольяттинские тёлки, которые тебе когда-то отказали, обоссутся от зависти!

- Ой, так грубо, - он даже покраснел.

Но Маржана и не думала отступать.

- Я не права? Ты же всегда мечтал об этом. Заниматься любимым делом и зарабатывать большие гонорары. А не...Я же знаю, о чём думает настоящий мужчина, Егор.

Колганов взял чашку со свежеприготовленным кофе и не чувствовал её температуру. Оба молчали. Один от избытка полученной информации. Другая по тактическим соображениям.

- От тебя требуется лишь два пустяка.

- Что я должен сделать? - его голос охрип от напряжения.

- Первое: ессно, согласиться на предложение. Второе: отдать рукопись Колы.

Он в очередной раз изумился.

- Рукопись?

- Рукопись является частью статьи "Кровавый Хэллоуин", который ты сдал в редакцию. И за который получил предоплату.

- Ничего не понимаю.

- Михаил Борисович разве ничего тебе не сказал? - Деланно удивилась Маржана. - Впрочем, скорее всего, просто не успел. Эту

рукопись ему сам предложил напечатать Кола. Тот молодой человек, с которым ты сначала разминулся в редакции, а потом вновь встретился при весьма трагических обстоятельствах.

- Да, помню.

Оставалось неясным, откуда у девушки такая осведомлённость. Словно выслеживала. Однако уточнить не решился.

- Так вот, рукопись с редакторскими правками должна была выйти в последнем номере. Но, увы, этого не произошло. Кола потерял её. А ты нашёл. Вот поэтому Михаил Борисович и ждал от тебя вместе со статьёй о сгоревшем особняке и рукопись Колы. Он мне сам об этом сказал.

- Аа, понятно.

Объяснение Маржаны не было лишено здравого смысла, и Колганов поймал себя на мысли о том, что не столько верит девушке, сколько хочет поверить.

- Разумеется, за то, что бережно хранил рукопись, получишь вознаграждение. Пятьдесят тысяч. Ну, или сколько там по курсу.

Колганов задумчиво почесал подбородок. Несмотря на складную речь очаровательной собеседницы, вовсю терзали сомнения. Пятьдесят тысяч гринов - шикарная сумма. Особенно за то, что ничего не сделал. Он же привык деньги зарабатывать, а не получать за красивые глазки.

- Кола сказал, что его рукопись представляет собой карту.

Маржана чуть не свалилась со стула, хотя даже глазом не повела.

- Какую карту?

Он почувствовал, что уже сболтнул лишнее. Но решил, сказав "а", говорить и "б".

- В том-то и дело, что это рукопись как рукопись, а никакая

не карта. Кстати, она у меня с собой.

Волна эмоций вырвалась наружу, взмыла вверх, замерла и неистово обрушилась. Факелы разом задрожали и едва не погасли. Публика за столами недоумённо переглянулась. Девушка положила ладони на стол, чтобы скрыть тремор.

- Покажи мне её.

Голос осип и дрожал.

Колганов выудил из внутреннего кармана сумки несколько тетрадных листов, соединённых между собой обычной канцелярской скрепкой. Маржана завороженно уставилась на рукопись.

- Это? - Она не смогла сдержать возгласа удивления.

- Да. Это то, что передал мне Кола. А ты что ожидала увидеть?

Маржана и сама не смогла бы ответить на этот вопрос. Она ожидала увидеть всё, что угодно: огромную, с истрёпанными от времени краями, карту Острова сокровищ; старинный свиток с остатками сургучной печати; наконец, кусок папируса, за который было пролито много крови. Но никак не банальные тетрадные листы.

Колганов протянул рукопись. Маржана немного помедлила, с интересом её рассматривая, затем взяла. И в этот момент...

Перед его глазами мгновенно воскрес страшный сон, виденный совсем недавно. Закрутился бесконечной вереницей кадров киноплёнки. Только очень быстро: замельтешили люди в костюмах, свечи дрожали аки облако мотыльков, а языки пламени уподобились стае перепуганных рыжих белок...

...Рукопись ярким шаром вспыхнула в руках Маржаны и через мгновение погасла, обратившись в пепел.

Та взвизгнула, и с остервенением принялась дуть на пальцы.

- Вот чёрт!

Вскочила и судорожно схватила сумочку.

- Дико извиняюсь, Егор! Мне нужно ехать к врачу!

- Да, я...

- Не провожайте меня! Ещё раз извиняюсь!

И быстрым шагом направилась к выходу.

Колганов опустился на стул и обхватил отказывающуюся воспринимать происходящее голову руками.

В воздухе стоял стойкий едкий запах. Деревянная столешница дымилась.

Глава 18

Злобно цокая каблуками, Маржана нарезала полукруг в гостиной и уселась напротив Яна Григорьевича. Их взгляды встретились: один виновато-напуганный, ищущий поддержку, второй серьёзно-испытующий.

Обладательница первого взгляда сдалась:

- Пап, ну я сделала всё, что могла.

Тон Яна Григорьевич звенел ледяными осколками, как никогда прежде.

- Не всё!

- Ну кто же знал, что так обернётся? Я поступила, как ты хотел. Выбрала стратегию напора, чтобы не дать ему возможность прийти в себя и включить голову. Преувеличила доходы Бергера, чтобы зацепить за материальное.

- Маржана, ты всё сделала правильно. Кроме одного. Сколько раз тебе говорил, что главное - контролировать себя. - Продолжил он терпеливо. - Стоит только сорваться, пиши пропало. От твоих неконтролируемых эмоций, от нетерпения рукопись сгорела. Да и много ли надо, бумаге?

Ян Григорьевич встал и прошёлся по комнате, нащупывая под одеждой золотой кулон на цепочке.

- Кстати, ты узнала, о чём они разговаривали перед смертью Колы?

- Не успела. Но журналист в курсе, что рукопись является картой.

- И наверняка Егор сказал, что так и не разгадал её.

- Так и есть. Самой пришлось делать вид, что впервые об этом

слышу.

Ян Григорьевич нахмурился и промолчал. Карта погибла в огне. Новости хуже не придумаешь. Но есть одно НО. В Мудрых текстах прямо сказано, что Великая битва будет длиться до тех пор, пока холоду и мраку противостоит огонь. Поэтому сама по себе утрата карты ничего не изменит. Просто…

Да, да, так и есть. Так уже бывало ранее. Причём, неоднократно.

…Просто сейчас картой является человек. Этот человек будет жить до тех пор, пока не передаст знания другому. Либо до того момента, как когда сделает свою карту.

Как в случае с Колой.

Маржана, видя задумчивое состояние отца, решилась задать давно интересующий вопрос.

- Пап, а каким образом завещание Михаила Борисовича оказалось в твоих руках? Или оно поддельное?

Ян Григорьевич решил, что скрывать правду смысла нет.

- Когда-то, много лет назад, в Москву приехал молодой журналист Миша Бергер. Такой же провинциал, как твой сегодняшний знакомый. Союз к тому времени распался и времена наступили непростые. Денег катастрофически не хватало, и, чтобы не протянуть ноги, Миша брался за любую предложенную работу. И, надо сказать, выполнял её очень хорошо. Поэтому среди знающих людей вскоре прослыл мастером заказных статей и компроматов. Надо сказать, что поначалу он нервничал и морщился, когда приходилось сочинять откровенную ложь. Совесть протестовала. Но голодный желудок и неплохие гонорары быстро с ней справились. Ему предложили обслуживать одного кандидата в депутаты, работу PR-менеджера в команде политика. Чуть позже Миша редакторствовал в газетёнке-однодневке, восхваляющей этого чиновника и поливающего грязью оппонентов. Кстати сказать, заказчик прошёл в Госдуму и даже

отсидел в ней один срок.

Как-то случайно, или неслучайно, мне попалась на глаза его статья. Я сделал более выгодное предложение - заиметь собственное периодическое издание. К тому моменту Миша мог свободно писать на любую тему, даже лежащую вне сферы его знаний. Решающим фактором были деньги. Он даже стал получать удовольствие от придумывания. Он витал в мире фактов, правды, лжи, полуправды, фантазии, экспертных оценок и прогнозов. Но это был его мир. В общем-то, типичная шизоидная ситуация, когда человек уходит от реальности, в которой он никто, в придуманный мир, в котором он Властелин. До этого было несложно догадаться, и я сыграл на этом. В отличие от большинства фантазёров, мир которых умирает вместе с ними и о которых никто не знает, Бергер за своё хобби получал солидные деньги. Он стал профессиональным фантазёром.

- Как интересно. - Маржану рассказ отца озадачил. - Надо думать, что так и появился на свет журнал "8-й день недели"?

- Ну да. Бергер сам выбрал формат. Поначалу рассматривались названия вроде "Пятница, 13-е" или "Потусторонние хроники", но он решил остановиться на менее эпатажном.

- А почему именно к нему пришёл Кола? - поинтересовалась она.

- Лапину было необходимо, с одной стороны, опубликовать карту. А с другой - сделать это наименее заметно. Он верно решил, что его статья меньше всего привлечёт внимания именно в журнале подобного рода. Ведь большинство не примут материал всерьёз.

- Почему ты так считаешь? - засомневалась она.

- Потому что человеческий мозг имеет свойство промываться и программироваться. Повтори тысячу раз любому, что он козёл, и человек заблеет. Сама посуди: какие ценности с экрана мы несём в массы, то они и подхватывают на свои знамёна. И это не мистика, и не колдовство. Существуют чёткие технологии, позволяющие подвести человека подо что угодно. Они разработаны нашими жрецами ещё во времена Древнего Египта. Пирамида власти и обратная ей пирамида знаний - это всё мы.

- Но о них все знают!

Ян Григорьевич расхохотался.

- И что? Что-то поменялось? Покажи ослу морковку, и он будет рад дальше оставаться ослом. А кто выделяется из толпы - нам не помеха. Мы даже иногда позволяем им жить.

Открою тебе ещё один маленький секрет. Очень давно мы пустили в оборот фразу о том, что любого человека можно купить. Люди её радостно подхватили, водрузили на знамёна. Но только мы знаем, что плата необязательно выражается в дензнаках. Смысл же этого изречения и вовсе заключается в том, что любого, даже незнакомого тебе человека, можно сделать союзником.

- У меня есть...я...в общем... - Она пыталась подобрать слова.

Ян Григорьевич вскинул брови.

- Что?

- Вчера...Бергер...

- Ты хочешь знать, что с ним случилось?

- Да! - облегчённо выдохнула она.

- Заключив со мной сделку, он умер. Любой, заключивший сделку с Холодными, умирает. Просто остальные слепы, и не видят этого. Они могут заметить лишь кулон на золотой цепочке.

Маржана вскинула брови.

- Что за кулон?

Только теперь Ян Григорьевич осознал, как бесконечно далека от него дочь.

- Кулон в виде змеи, держащей в пасти светило. Впрочем, он полагается не всем, а лишь знаковым для нас фигурам.

Маржана была заинтригована. Она уже позабыла о том, что

совсем недавно подвела отца.

- А при чём здесь змея?

- Символизм - наш язык. Тьма в образе пресмыкающегося побеждает свет, солнце, Солнечных. Это то, к чему мы стремимся.

- Змей часто боятся просто потому, что они, не имея лап, так не похожи на остальных существ, населяющих Землю. - Дальше Маржана продемонстрировала познания в области легенд. - Некоторые даже считают их воплощением дьявола и причиной грехопадения человека.

- Вот поэтому каждый, заключивший с нами договор, получает в подарок кулон на золотой цепочке. - Многозначительно произнёс Ян Григорьевич. И добавил: - Это печать сделки.

- Но у тебя совсем другой кулон. - Вспомнила она. - На нём, кажется, змея просто готовится к броску на солнце.

- Это потому, что моя война далеко не закончилась. Для нас, Холодных, она в самом разгаре. В отличие от людей, пошедших к нам навстречу. Для них всё кончено.

Маржана прижала руки к груди.

- Почему на мне нет никакого кулона?

- В этом нет необходимости. Тебе предначертан другой путь.

- Какой?

- Живой смерти и перевоплощения.

От неожиданности Маржана проморгалась.

- А как это...

Но Ян Григорьевич прервал дочь.

- Тебе сейчас рано об этом знать. Я и так много чего рассказал.

- Да. - Согласилась она. - Не припоминаю, чтобы раньше у нас были подобные откровенные разговоры.

- Кстати, - спохватился он, - я перевёл на твой счёт пятьдесят тысяч для журналиста.

- Хорошо, пап. Сделаю. - Заверила Маржана.

- Иди отдохни. - Судя по тону, это был не совет, а, скорее, приказ.

- У меня голова кругом, - призналась она.

- У меня тоже. - Ян Григорьевич потускнел. - Потому что не знаю, почему Кола хотел предать карту огласке.

Глава 19

Колганов швырнул сумку в угол и, не снимая кед, прошёл в комнату. Упал на кровать и, застонав, обхватил голову руками.

Чёрт возьми, что происходит? Кто эта девушка со странным именем? Что произошло с рукописью?

Вопросы один за другим лезли в голову. Но, не встречая на пути ответов, переполняли черепную коробку и толкались. Вскоре разум захлебнулся потоком информации и перешёл в режим гибернации.

Может, всё это сон? Как тогда, когда приснился Хэллоуин? Может, и не было никакой Маржаны?

Колганову очень хотелось так думать. Во-вторых, потому что произошедшее никак не укладывалось в голове, не помещалось в рамки разумного. И, во-первых,

сам себе в этом он не хотелось признаваться,

но...

кажется...

нет, не кажется,

Маржана ему понравилась.

Чуть-чуть. Капельку.

Закрыл воспалённые глаза. Но сон не приходил. Да и рановато для сна. И тут вспомнил. Словно кипятком ошпарило.

Я должен был позвонить этому следаку. Как его...Марченко.

Вот, ну надо же, забыл!

А что, если он мне тоже приснился?

Ответ напрашивался сам собой.

Тогда я сумасшедший!

И Колганов набрал номер полицейского.

- День добрый. Это...

- Здравствуйте, Егор.

- О, вы забили мой номер!

- Нет. - В трубке послышался сдавленный смешок. - Узнал по голосу.

- Ясно. - Он сел на кровати. - У меня информация.

- Отлично! - Обрадовался Марченко. - Даже не ожидал, что так быстро.

- Как сказать... - Колганов тяжко вздохнул. - Вам с какой новости начать?

Полицейский напрягся.

- С плохой.

- Я только что встречался с девушкой, которая интересовалась Колой.

- Понятно. Предположу, что плохая новость заключается в том, что вы не позвонили мне заранее, а сообщаете постфактум.

- Ну да. - Подтвердил журналист. - Всё произошло настолько стремительно, что я просто забыл о вашей просьбе.

- Ладно. Поздно пить "Боржоми", когда почки отвалились. - Марченко переложил телефон в другую руку. - Расскажите чуть

подробнее.

- Я был в редакции. Мне позвонили и попросили подойти к окну. Внизу, около чёрной "бэхи", стоит высокая брюнетка...

- По имени Маржана. - Вставил Марченко.

Колганов вскочил с кровати.

- Да! А вы знакомы?

- Виделись один раз. Продолжайте. - Попросил следователь.

- Ну вот, она попросила о встрече. Причём сразу же. А так как дел особо не было, я согласился.

Дела-то были, но знакомство с незнакомкой показалось слишком соблазнительным, чтобы от него отказаться.

- Мы поехали в кафе, заказали кофе. Потом... - Он замялся.

Марченко выждал пару секунд, прежде чем нарушить повисшую паузу.

- Что потом?

- Потом предложила стать главным редактором журнала, в котором работаю.

- О как! - Не смог сдержать возгласа полицейский. - Вместо скоропостижно сгоревшего на рабочем месте Бергера.

- Ну да. - Журналист виновато пожал плечами, как будто собеседник находится рядом и всё видит. - Причем его смерть она охарактеризовала именно такими словами.

Марченко задумался.

- А какая связь между Маржаной и изданием?

- Сказала, что представляет интересы Бергера. Большее мне неизвестно.

- Как интересно...

- Но это ещё не всё. - Колганов набрался решимости и продолжил. - Сейчас скажу вторую плохую новость. Маржана интересовалась рукописью. Хотела забрать её. Точнее, купить. За пятьдесят тысяч долларов.

Марченко присвистнул.

- Здорово. Теперь мы знаем их слабое звено. Надеюсь, вы не поддались на уговоры?

А про себя подумал о том, что рукопись надо досконально изучить.

- Как сказать...и да, и нет.

- Как понять? - Полицейский был озадачен.

- Она попросила показать рукопись, но листы в её руках сгорели.

- Что?

- Вы не ослышались.

- Сгорели?

- Да.

- Просто вспыхнули? Ни с того, ни с сего?

- Именно так. Она обожгла пальцы и заматерилась. Потом вскочила и убежала.

Марченко был раздосадован.

- Блин! Я валяюсь!

- Понимаю, в такое сложно поверить.

- А какая хорошая новость? - С надеждой спросил полицейский.

Колганов задумался.

- Наверное, хороших новостей нет.

- Ладно. - Подвёл под разговором черту следователь. - Мне нужно подумать. Будут новости - звоните. Ну, или я вам - соответственно.

- Окей. - Грустно усмехнулся Колганов. - А я попробую вспомнить, что же написал этот любитель автоантиквариата.

- В каком смысле? - не понял концовку фразы Марченко.

- Судя по его словам, Кола катался на "копейке". - Объяснил журналист. - То ли у друга взял напрокат, то ли у знакомого.

То, что Колганов услышал в ответ, немало его удивило.

- Если это правда, то Лапин разъезжал на свой страх и риск. Потому что у него не было прав.

Глава 20

Колганов снова упал на кровать. Только на этот раз избавился от кед. Рукопись погибла. Марченко он подвёл. Тот, конечно, сдержал эмоции - это чувствовалось даже на расстоянии. Но всё равно на душе скребли кошки. Не зная, чем заняться, и одновременно чувствуя внутреннюю пустоту, решил вспомнить, что написал Кола. Постепенно в памяти всплывали образы и мысли автора. Немного позже - строчки. А потом и целые фрагменты. Чем дальше журналист погружался в ретроспективу, тем сильнее и чётче работала память. Она словно ждала этого момента, скрывая доселе свою мощь. Исписанные мелким убористым почерком страницы распахнулись над ним, образуя купол. А потом опустились, став шатром и наглухо изолировав от любой информации извне.

Странные вещи писал Кола, странные... Новизна свежепознанного обжигала сознание, заставляла напрягаться и нервничать.

Наш ум всегда воспринимает в штыки новое, что не вписывается в привычную, комфортную картину мира.

Кто выше, человек или ангел? Вроде как ангел. Он же ближе к Богу. Ан нет. Кто такой ангел? Небесный почтальон. Он может творить? Нет. А человек может творить, созидать? Может. Для этого ему даны руки. Человек есть творец. Должен быть творцом. Но может избрать и иной путь. Путь разрушения. Тогда он не будет Образом и Подобием Всевышнего. Дилемма, извечный выбор каждого. И пока человек поддерживает в себе искру Божию, он жив. Жив, пока карабкается наверх и смотрит на звёзды. А есть люди, в которых не искра, а целая свеча. Они могут обогреть других, нуждающихся в тепле. Но если искра погасла, человек остывает. Медленно, но неизбежно. И рано или поздно наступает момент, когда такой человек становится ледышкой. Или даже

ледяной скалой. А лёд нельзя согреть. От тепла он умрёт.

Солнечные и Холодные...

Кто ты? Творец или Разрушитель, живой или мёртвый, горячий или холодный? И не говори мне, какой ты веры, ибо вера пришла за человеком.

Когда воспоминания оставили его, Колганов лежал и отсутствующим взглядом поддерживал потолок. Такой белый и скучный.

А, вспомнил! Ещё были жёлтые "Жигули" за номером 2428. А буквы...д...и ещё какие-то...не могу вспомнить...

Но ведь у Колы не было прав!

"Эврика!"

Он закричал от внезапно посетившей мысли и подбежал к компьютеру.

Отгадка тайны не приходила в голову лишь потому, что лежала на поверхности.

Глава 21

Нельзя сказать, что сообщение горничной о незваном госте в штатском удивило Яна Григорьевича, но он, признаться, ждал Марченко позже. Теоретически, полицейского вообще можно было не впускать на порог, но отставной дипломат решил избрать иную тактику.

Он велел проводить визитёра в гостиную.

- А, снова вы. - Вяло махнул рукой хозяин дома.

Марченко слегка поклонился.

- Да. И снова здравствуйте.

И направился к сидевшему Яну Григорьевичу.

- Выпьете? - Скорее для проформы предложил тот.

- Воды.

Пока горничная выслушивала распоряжение, Марченко вновь рассматривал охотничьи трофеи, в изобилии представленные вокруг. Внезапно в голову пришла мысль о том, что животные - лишь для отвода глаз, а на самом деле хозяин дома охотится на людей.

Вода оказалась ледяной и чуть горьковатой.

- Признаться, ждал вас, товарищ следователь.

- Звучит, как официальное признание в совершении противоправных деяний.

- Давайте не будем спешить с выводами. - Предложил Ян Григорьевич, раздражённый сарказмом гостя. - Особенно когда мало улик, а выдать желаемое за действительное очень хочется. К тому же, мы оба знаем, что вас отстранили от расследования.

Марченко вынужден был это признать.

- Да. К сожалению, это так.

Всё ты знаешь...

- А вы не догадываетесь, почему? - Осведомился Ян Григорьевич, словно на что-то намекая.

- Думаю, в силу того, что есть более компетентные, чем я, специалисты. - Предположил полицейский. - Вот им и, как говорится, флаг в руки.

Эта самоирония не могла остаться незамеченной.

- Да бросьте, Александр Дмитриевич. Вас близко не подпускают к происходящему только потому, что я на это дал соответствующие указания. Не подумайте ничего плохого. Я хороший человек. И держу вас от всего этого подальше только потому, что желаю вам добра.

- Вот как. - Хмыкнул Марченко, не ожидавший подобной откровенности. - А можно с этого места поподробнее? Я ехал сюда, чтобы снова непринуждённо побеседовать с Маржаной о её новых похождениях. Задать пару-тройку вопросов. Но и без неё разговор оказывается привлекательным и насыщенным.

- На самом деле это именно я вас нашёл и привёл в свой дом. - Многозначительно начал Ян Григорьевич. - Я знаю о вас всё. Знаю, как вы закипали гневом, когда на ваших глазах совершалась несправедливость. Особенно, когда ничем не могли помочь. Знаю, что наркобарону, смеявшемуся вам в лицо со словами о том, что ему, извиняюсь, на вас наплевать и что его не закроют, вам очень хотелось вмазать. И вы, действительно, сломали ему челюсть. Но только после его фразы: "ну что, съел?".

Ян Григорьевич с бокалом в руке откинулся на спинку кресла, слегка прищурившись и наблюдая за реакцией гостя.

Полицейскому казалось, что его медленно раздевают. Крайне неприятное ощущение, возникающее, когда твоё личное прошлое становится достоянием общественности. Тот случай произошёл больше года назад. Марченко пришлось насильно вложить в руку

ублюдка нож, чтобы сымитировать нападение. Преступник, отлежавшись в больнице, вышел под подписку о невыезде. И вскоре куда-то пропал. Объявлен в федеральный розыск. А у Марченко всё же возник ряд проблем.

Блин, откуда ему это известно? Неужели прослушка?

- Нет, отнюдь нет. Никакой прослушки. - Ян Григорьевич догадался о мыслях собеседника. - Видите, даже сейчас я знаю, что у вас в голове.

- Ну это слишком очевидно. - Возразил следователь. - Любой бы на моём месте думал аналогично.

Правота молодого человека заставила Яна Григорьевича почувствовать досаду.

- Не верите? А хотите, расскажу, что за клинок вы видели в сгоревшем особняке?

Марченко похолодел.

И это ему известно. А про камеры там речь идти не может.

Цель поездки, Маржана, совсем выветрилась из памяти.

- Расскажите.

- Атам. Древний ритуальный кинжал. Именно его вы видели в доме.

Впрочем, существовала деталь, не дававшая покоя и самому Яну Григорьевичу. Непосвящённый не должен был увидеть магический кинжал. А Марченко заметил. Даже подошёл и прикоснулся к священным граням. Ответ на этот вопрос занимал и будоражил больше всего.

- То, что люди привыкли называть Хэллоуином, в действительности есть ритуал, смысл которого заключается в пробуждении памяти. Празднующие сигналят, что они помнят. И призывают.

- Кого?

- Ответ на ваш вопрос лежит на поверхности. - Снисходительно констатировал Ян Григорьевич. - Для этого достаточно открыть глаза.

- Я понял, - догадался Марченко, - люди призывают злых духов, демонов, оборотней и прочей нечисти.

Его собеседник согласно кивнул.

- Можно сказать и так.

- Если следовать вашей логике, - подытожил полицейский, - мы приходим к тому, что Хэллоуин своего рода...шабаш.

- В нашем случае слова вторичны. Шабаш, ковен, слёт - назови, как заблагорассудится. Главное - смысл первичной энергии. Ведь, в конце концов, язык можно отнять. А руку отрубить. Поэтому наряжающиеся в образы бесноватых, сами того не ведая, раз за разом совершают таинство поклонения миру падших.

- Это ужасно, - вырвалось у следователя.

Его собеседник был настроен скептически.

- Ужасно? Ну, не знаю. Каждый имеет право выбора. Все мы когда-то останавливаемся на перепутье.

Произнесённое немного отрезвило Марченко.

- А сами вы на чьей стороне будете?

Ян Григорьевич пожал плечами.

- На своей. Моё место кроме меня никто не займёт.

- Ладно. А какое отношение вышесказанное имеет к кинжалу, - поинтересовался полицейский.

- Самое непосредственное. Атам призывался усилить энергию ритуала Хэллоуина.

- Он справился с этой задачей? - Машинально произнёс следователь, хотя ответ напрашивался сам собой.

- Как считаете?

- Однако, полагаю, сгореть заживо не входило в планы молодых людей.

- Что поделать. - Развёл руками Ян Григорьевич. - Если кучке молодых идиотов в голову ударили анализы, мы бессильны. К тому же, сгорели они, будучи неживыми.

Формулировка резанула слух Марченко.

Голова уже кружилась от услышанного. Хозяин дома непостижимым образом обволакивал, вытягивал энергию. Возникло ощущение полной заболтанности Яном Григорьевичем. Шансом прийти в себя могло бы стать переключение разговора на другую тему и Марченко поспешил им воспользоваться.

- А могу я теперь увидеть вашу дочь?

Ян Григорьевич широко улыбнулся, чувствуя, как собеседник всё больше и больше чувствует себя не в своей тарелке.

- Да бросьте. Мы же не договорили. Я не сказал вам самого главного!

- Да ну.

Ян Григорьевич перешёл на доверительный шёпот.

- Хочу пойти вам навстречу.

- Явка с повинной и признательные показания? - Съязвил Марченко.

- Вам бы всё стебаться, товарищ следователь, - укорил Ян Григорьевич.

Марченко осознал, что перегнул палку.

- Извините.

Отставной дипломат принял слова сожаления.

- Вы всегда относились к своей работе больше, чем просто поиск преступников, ограниченный временными рамками рабочего дня. Работа следователем для вас стала реализацией своего понимания справедливости. Каждое утро, просыпаясь, идя умываться и чистить зубы, внушаете себе, что являетесь последним самураем - борцом за права слабых и беззащитных. В минуты трудностей и проблем с начальством, которых становится всё больше и больше, именно эта мысль, как стержень, поддерживает изнутри. Она стала вашей религией. Вы ей поклоняетесь и проповедуете. Разумеется, втайне от коллег и друзей. Впрочем, друзей у вас нет. Вы одиноки. Есть множество знакомых, которые считают, что вы в случае чего придёте им на помощь, будучи представителем закона. Вы об этом прекрасно знаете, и эта мысль тошнит. Но одновременно ничего не предпринимаете против, потому что тошнота своей оборотной стороной представлена ощущением могущества, власти. Хотя всё это - иллюзия, по сути попытка использовать ближнего в личных целях.

Он прервался, чтобы сделать несколько глотков подостывшего грога.

Марченко гадал, к чему идёт разговор.

- Ян Григорьевич, вы неплохой психолог. Но то, что вы сказали, я и сам прекрасно знаю.

- Не сомневаюсь. - Ян Григорьевич почувствовал, что пора переходить к делу. - Вы неглупый человек. И я тоже. У всех нас есть комплексы, растущие из детства. Это нормально. В том смысле, что неизбежно. Но вы и дальше будете вариться в каше из иллюзий и бытовухи. Отношения с руководителем напряжены. Карьерные перспективы туманны - и это при том, что ваш процент раскрываемости превосходен. Только в системе министерства внутренних дел до этого никому нет дела. Вот такая удручающая тавтология. Дальше, в лучшем случае, будет то же самое. И это вгоняет в депрессию. Потому что не вяжется с тем образом супермена, которого сами себе нарисовали. Идеал превратился в прокурора, который каждый день выносит неутешный приговор. Вы готовы принести себя в жертву высокой цели. Но этой цели

нет. Вместо того, чтобы охранять закон и порядок, подстраиваетесь под табельное оружие, берущее вправо. Не включаете телевизор, потому что беситесь от бесчинства власть предержащих. И пьёте, пьёте. Каждый день. Вернее, вечер. Пока пиво. Иногда водку. Через пять лет вообще будет всё равно, что пить. А ведь вам всего двадцать семь. Сменить работу? Увы, не вариант. Потому что вы созданы быть следователем. Вы даже работаете не за деньги, а потому что любимая работа. В этом смысле многие вам бы позавидовали. Но вместо этого вы - циник, потому что не можете себя принять.

А теперь соль. Предлагаю возможность вырваться из порочного круга. Миру и мне нужны такие одержимые люди, как вы. В перспективе - должность Генерального прокурора. А для начала поработаете помощником прокурора Москвы.

Марченко не стал тянуть с ответом и высказал первое, пришедшее на ум.

- Заманчивая перспектива.

Интересно, а почём будет сыр в мышеловке?

- Я не тороплю с ответом. - Заверил Ян Григорьевич. - Подумайте.

- Вы не похожи на отставного дипломатического работника. - Предположил полицейский.

- А вы обо мне ничего и не знаете. - Туманно намекнул тот. - Но если будете на моей стороне, у вас будет всё.

Марченко задумался.

В голове пульсировали только что услышанные слова:

"Не включаете телевизор, потому что беситесь от бесчинства власть предержащих."

А ведь именно у них есть всё. Так чью же сторону предлагает занять Ян Григорьевич?

Ответ напрашивается сам собой, и отнюдь не радостный.

В кармане запульсировал телефон. Через секунду вибрация дополнилось звуком.

- Сан Дмитрич?

Было неожиданно слышать подобное обращение от Колганова. Обычно его так называет только Гена.

- Прошу прощения, услышал, что вас так называют.

- Всё нормально. - Марченко не стал при Яне Григорьевиче называть по имени звонящего. - Слушаю внимательно.

Когда взволнованный журналист выпалил первые несколько слов, полицейский был вынужден его прервать словами о том, что сейчас приедет.

Такую информацию нельзя разбалтывать в эфире.

От того, что Марченко услышал от Колганова, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Глава 22

Дрожащими от волнения руками Колганов запустил браузер.

В памяти снова и снова всплывали слова и фразы, выведенные аккуратным почерком Колы. Тот словно выступил в роли летописца, описывающего крупное историческое событие. Впрочем, если отбросить в сторону шутки и неуместную иронию, так оно и было. Ведь значимость изложенного переоценить невозможно. Журналист ничего толком не знал, но чувствовал, что происходит нечто невероятное. Какие-то Холодные воевали с Солнечными и стремились завладеть картой. В этой войне Кола пал. Звучит абстрактно и...в общем, в это сложно поверить. Но тот парень умирал по-настоящему. Колганов видел его кровь и ощущал, как силы покидали угасающее тело. Всё происходило перед ним, по-настоящему.

Перед глазами стояла и Маржана. Девушка была не в его вкусе: слишком высокая, слишком стройная, слишком темноволосая...и слишком непостижимая.

Слишком...

Но, несмотря на всё это, против воли ощущал, как подсаживается на неё, словно на наркотик.

Впервые в жизни.

Что это? Колдовство? Чары? Или просто лю...

А, чёрт. Надо выбросить её из головы!

Рукопись. Карта. Вся информация казалась сплошной массой. Монолитной глыбой, к которой не подступиться. Но кое-что выбивалось из ряда. Словно сошёл ледник, обнажив часть склона и нарушив идеальную форму горы.

Цифры.

Копейка...ваз...тазик...

А как ещё? Ответ правильный!

"Жигули".

А что, если не "жигули", а Жигули?

Предположим...

Тогда что такое "д 2428 ук"?

Колганов снова погрузился во всемирную паутину.

Жигули...Жигулёвский заповедник: природный заповедник, обладающий сертификатом ЮНЕСКО...

Самарская Лука...Национальный парк с административной столицей Жигулёвск. Имеет собственные флаг, эмблему, а также талисман - лисицу. По одной из легенд Самарская Лука образовалась вследствие того, что Волга схитрила, "слукавила", обманув Жигули и убежав к Каспию.

Всё это, конечно, интересно, но...

А вот Каменная чаша - памятник природы Самарской области.

При упоминании родных названий на душе потеплело...но сейчас нужен результат.

Далее...Усинский курган, представляющий собой Гору

Лепёшку. С неё начинается гряда Жигулёвских гор. Высота - чуть более шестидесяти метров.

Следующая достопримечательность - знаменитый Молодецкий курган. Некоторые историки и краеведы считают, что раньше Молодецкий курган назывался иначе - Девичья гора.

Высота - 242,8 метров.

Фрагменты мозаики сложились в цельный рисунок.

Глава 23

Марченко шел к машине, попутно отмечая расположение камер видеонаблюдения.

Как минимум, 8. Ян Григорьевич всерьёз ценит свою безопасность.

Теперь следовало ехать к Колганову. То, что журналист сообщил минуту назад, звучало не просто обнадеживающе. Это выглядело тяжёлым нокаутирующим ударом по Яну Григорьевичу и тем, кто стоит за ним. Журналист сообщил, что отгадал загадку рукописи. И теперь ему известно, за какой именно информацией охотится старый отставной дипломат. Звонивший порывался сообщить и большее, однако Марченко, опасаясь прослушки, оборвал собеседника, предупредив, что сейчас приедет сам. Прослушка, к сожалению, более чем вероятна. Особенно учитывая то обстоятельство, что хозяин дома уже демонстрировал невероятную осведомлённость. Вполне возможно, что и в этот раз звонок Колганова перехвачен и вскрыт. Ян Григорьевич, конечно, попытался скрыть взгляд, в котором читалось, что он многое бы отдал за возможность узнать содержание их разговора. Но не факт, что это не блеф.

Полицейский притормозил на перекрёстке, упершись в хвост небольшой пробки.

Сейчас первое, это поговорить с парнем и выяснить, какая именно информация представляет интерес для старика. Марченко и самому не терпелось узнать, он уже устал теряться в догадках. Вторым делом предстояло выбрать следующий шаг.

Ян Григорьевич хочет его купить - это и ежу понятно. Судя по поведению старого пройдохи, тот привык так поступать постоянно. И, судя по всему, делает это давно и успешно.

Мастерски нажимает на больные, чувствительные места жертвы. Потому что во всей чуши, вывалившейся на Марченко, немало правды. Однако истина заключалась и в том, что полицейский практически не смутился. Ибо сильный человек признаёт свои слабости. А Марченко сильный. Вздумай Ян Григорьевич прибегнуть к шантажу, в ответ бы услышал предложение взять рупор, снять штаны и побежать на площадь. Зачем рупор? Чтобы громче озвучивать грехи следователя. А при чём тут штаны? Чтобы привлечь к себе больше внимания.

Но смех смехом, а отставной дипломат изрядно его разозлил. Причём, непонятно, почему. Ведь следователю много раз предлагали взятки. В разных формах. Он даже как-то привык к этому. Правда, было одно предложение, выбивающееся из общего ряда - стать зятем.

Брр...

Да, случалось и такое.

Интересно, а старый хмырь об этом тоже знает?

Блин! Косяк...

За мыслями о Яне Григорьевиче он совсем позабыл про портфель Колы, оказавшийся в руках первого. Впрочем, немного поразмыслив, Марченко пришёл к выводу, что горевать смысла нет. Ведь ковать железо нужно пока оно горячо. То есть идти и давить по свежим следам, тогда, когда только увидел сию вещь. А сейчас поздно. Потому что улика, скорее всего, уничтожена. А надеяться на то, что дочь или отец сознаются на протокол, не приходится.

Марченко приопустил стекло, впуская в салон порывы тёплого майского ветра. Из стоящего рядом "Икс-Рея" донёсся неподражаемый голос Валерия Петряева.

"Ровесник", моя любимая песня

Он опустил стекло до конца.

Загорелся зелёный и полицейский выехал на перекрёсток.

Боковое зрение уловило неопознанную тень слева. Машинально бросив взгляд в эту сторону, Марченко в ужасе оторопел.

Глава 24

Не успели за спиной Марченко затвориться двери, как Ян Григорьевич изо всех сил сжал кулаки и принял решение. Раньше людям, подобным следователю, Холодные рубили головы. Своими руками или с помощью наёмников из числа нелюдей. Сегодня так не делается: существуют пистолеты. А в особо деликатных случаях - снайперские винтовки или яд.

Марченко не поддался на уговоры. Во всяком случае, не сделал этого немедленно. Что ж, тем хуже для него. Как правило, взяв в союзники время и упорство, Холодные додавливали нужного человека. Если, конечно, игра стоила свеч. Однако сейчас складывается гораздо более серьёзная ситуация: Марченко может стать Солнечным. А, учитывая его профессию, не просто Солнечным, а целым Ратником. Перспектива хуже некуда. Этого Ян Григорьевич допустить не может. И вариант решения проблемы фактически один. Кардинальный.

Он поднял трубку и попросил соединить с начальником службы безопасности. Проще говоря, главным телохранителем.

- Виталий Евгеньевич, у меня для вас деликатное поручение.

Тот ответил подчёркнуто вежливо.

- Слушаю внимательно, Ян Григорьевич.

- Сейчас от ворот дома стартует чёрная приора.

Телохранитель быстро отыскал взглядом среди ряда мониторов искомый, на который транслировались показания камеры, обслуживающей главный вход.

- Да, вижу. Чёрная приора госномер пять-пять-три. К ней приближается короткостриженый господин в черном пиджаке и джинсах аналогичного колера.

- Угадал. Этого человека нужно...

Виталий Евгеньевич всё прекрасно понял, - не зря занимал свою должность.

- Несчастный случай или...

- Именно, именно!

- Предположим, ДТП.

- Годится.

- Как скоро?

- А как быстро сможешь?

Виталий Евгеньевич нажал на кнопку, делающую невозможным для собеседника слышать то, что он говорит, и серьёзно посмотрел на находящихся рядом коллег-подчинённых:

- Чёрная приора пять-пять-три. Отъезжает от ворот. - И ткнул пальцем в соответствующее изображение на мониторе. - Пасите до дальнейших указаний. И бросил в спину уже уходящей группе:

- За рулём полицейский, так что сильно не отсвечивайте.

Любая машина, подъехавшая к дому Яна Григорьевича, пробивается по базе данных. Поэтому личность владельца моментально была установлена.

Виталий Евгеньевич вернулся к разговору с шефом:

- Если поездка объекта затянется хотя бы на час, есть шанс. Но мне необходимо знать его маршрут.

Ян Григорьевич назвал адрес Колганова.

- Хорошо. Попробую.

- Мне нужен результат, - надавил Ян Григорьевич и бросил трубку.

Ещё одна свеча задрожала и погасла.

Глава 25

Марченко изо всех сил продавил педаль газа, пытаясь придать машине ускорение и проскочить. Мотор взревел, однако это не спасало положения. И тогда он отчаянно крутанул руль вправо, стараясь подставить под удар не водительскую дверь, а багажник.

За мгновение до смертельного удара время остановилось. Теперь можно перевести дух и расслабиться. Если Ян Григорьевич знает содержание их разговора с Колгановым, тогда дела журналиста плохи. И, судя по всему, его, Марченко, дела даже хуже. Надо спешить, чтобы успеть первым. И он спешил. Да так, что не заметил организованной за спиной слежки. Ведь наверняка она была. А если и не было, значит к машине прикрепили радиомаячок. Что ничем не лучше. Когда? Времени была масса. Но сейчас это вторично. Внутри клокотала горькая обида на самого себя.

Так глупо попасть впросак!

Но главное...

Налетевшая сбоку тень накрыла огромными крыльями. Время снова запустило стрелки часов. Через мгновение послышался стон сминаемого металла и хруст разлетающихся осколков стекла.

Марченко уже не чувствовал, как от мощного удара его приора сначала завертелась волчком, потом перевернулась и замерла колёсами вверх.

А несшийся на всех парах грузовик промчал мимо, даже не сбавив ход.

Глава 26

Колганов сидел на подоконнике и нервно тарабанил пальцами по стеклу. Внизу проплывали машины и люди. Прошёл час после разговора со следователем, но его всё не было. В беседе полицейский сказал, что занят. И у Колганова почему-то возникло стойкое ощущение, что Марченко занят не службой, а их общим делом. Пару-тройку раз оживал телефон. Журналист бросался к нему, но при взгляде на экран испытывал горькое разочарование: звонки каждый раз оказывались левыми.

В этот момент ему, как никогда прежде, не хватало общества полицейского. Ощущение тоскливого одиночества разъедало изнутри. Словно остался один на один с такой проблемой, решение которой сделало бы счастливым на всю оставшуюся жизнь. Понятно, что это временный приступ слабости. Так бывает в сложные минуты. Главное - осознавать, что всё пройдёт. Не опускать рук. И никогда не сдаваться. Тем более сейчас, когда на кон поставлено слишком многое.

Как никогда прежде.

На кону моя жизнь. Впрочем, не только моя.

Марченко вызвался помочь. Зачем ему это?

Незнакомый человек, ставший за пару дней самым близким.

По прикидкам, полицейский давно должен приехать. Сильнее всего тяготила застывшая неизвестность, распалявшая желание перезвонить самому. Но, в то же время, не хотелось выглядеть назойливым. Сначала Колганов зарёкся, что наберёт номер через час. И время сразу же затянулось мучительно медленно. Капли-секунды неспешно собирались в лужицы-минуты, а те, в свою очередь, вяло готовились слиться в нечто большее. Однако, едва прошла половина срока, как терпение иссякло. Журналист спрыгнул с подоконника и нервно заходил по комнате. Пальцы

дрожали и несколько раз попадали мимо искомого абонента. Наконец, очередная попытка увенчалась успехом. Как ни странно, Марченко находился вне зоны действия сети. Сей факт не вписывался ни в одни рамки: новый знакомый не был похож на человека, без предупреждения выключающего телефон. А попасть "в зону недействия сети" в Москве - надо ещё постараться. Если, конечно, не нырять глубоко под землю.

От пришедших на ум могильно-надгробных ассоциаций настроение сорвалось в бездонную пропасть.

По телу пробежал противный озноб. Череда загадочных и страшных смертей, с одной стороны, демонстрировала серьёзность происходящего, а с другой - намекала на продолжение. И оттого, что Марченко не выходил на связь, веяло зловещим.

Не в силах сдерживать растущее напряжение, Колганов принялся листать телевизионные каналы. Низкобюджетные мыльнодрамы, горлопанистые ток-шоу, иностранные мультики, непонятно на какую аудиторию рассчитанные...

Сплошная помойка.

На новостном канале шёл репортаж с места свежепроизошедшего ДТП. На перекрёстке грузовик протаранил легковушку. Судя по показаниям очевидцев, ПДД нарушил водитель КАМАЗа. Он, словно не замечая запрещающего сигнала светофора, смёл приору и раздавил, как орех. Камера останавливалась то на спасателях, пытающихся с помощью специнструмента вытащить водителя из остатков машины, то на бригаде "скорой помощи", ожидающей завершения работы спасателей. Полиция перекрыла движение и приступила к поиску скрывшегося виновника.

Происходящее немного отвлекло от тяжёлых раздумий. Мысли о том, что кому-то хреновее, чем тебе, как ни крути, приободряют. Приора лежит на крыше. Передний номер чудом

уцелел и не оторвался.

Три…пять…пять…А если перевернуть, то получится…пять-пять-три.

Прям как у Марченко.

И приора такая же.

При следующей догадке мурашки пробежали по коже.

Колганов вскочил и прижался к экрану телевизора, стараясь не проглядеть ни одной детали.

Ведущий, тем временем, сообщил, что водителя извлекли из обломков машины и в критическом состоянии увезли в больницу. Далее слово предоставили полицейскому чину, попросившему откликнуться очевидцев и тех, кому известно местонахождение виновника. По предварительной информации, это мусоровоз марки КАМАЗ.

Колганов икнул, вспомнив, как его самого чуть не сдул подобный представитель рода камазовых.

Теперь сомнения, если они оставались, развеялись

Вот суки!

Он сжал кулаки и принялся лихорадочно соображать.

Два часа назад состоялся их разговор с Марченко. Тот спешил сюда, но не успел и теперь мёртв. Если исходить из того, что аварию подстроили, это значит…

Да! Это значит, либо разговор прослушали, либо Марченко сам перед смертью всё рассказал. И теперь на очереди он, Колганов.

Правда, теплилась надежда на то, что знание секрета рукописи будет гарантией безопасности. Но, скорее всего, это иллюзия и самообман. Ведь существует множество способов заставить человека заговорить. Для людей, готовых пойти на крайние меры ради достижения поставленной цели, несговорчивый "клиент" - сущие пустяки.

Колганов понял, что отныне его дальнейшая судьба заключена в простой формулировке: "либо ты быстрый, либо мёртвый".

И он принял решение.

Глава 27

Ян Григорьевич с надеждой посмотрел на дочь.

- Маржана, время снова ставит перед нами задачи. И с каждым разом более серьёзные и ответственные.

Она прочла между строк его слов.

- Пап, когда ты говоришь "задача", следует понимать "проблема". А, судя по тону, дела идут и впрямь хуже некуда.

Ян Григорьевич отметил проницательность дочери.

- Ты совершенна права. Ситуация катится вниз со скоростью снежного кома.

- Ну, рассказывай. Впрочем, знаю наперёд: снова скажешь, что я твоя надежда и всё такое.

Он вяло улыбнулся.

- Скажу. И готов повторить много раз. - Затем продолжил серьёзным тоном. - Сейчас для нас абсолютной ценностью являются жизни двух человек. Не будет преувеличением сказать, что мы от них полностью зависим. С обоими ты знакома.

- Журналист, от которого я убежала, - догадалась она, - и прилипчивый полицейский?

- Именно, - подтвердил Ян Григорьевич.

- И что теперь? - Напряжение отца постепенно передавалось ей, и чтобы стряхнуть неприятное ощущение, девушка перевела фразу в шутку. - Нужно устроить тёплую встречу втроём?

Однако, вопреки ожиданиям, отец не взорвался бранью. Лишь грустно покачал головой.

- Увы, так не получится. Полицейского нет в живых.

Маржана нахмурилась.

- Что произошло?

- Авария на дороге. В него врезался какой-то сумасшедший на грузовике. И скрылся с места трагедии.

Маржана смерила его недоверчивым взглядом.

- Ой ли?

Ян Григорьевич вскочил и обрушил кулак на стол.

- Я не позволю говорить со мной в таком тоне! Жизнь обоих для меня очень важна. Потому что они приобщились к тайне. Сами того не ведая, оказались в центре противостояния нас и Солнечных. А ты ведёшь себя, как...как будто мы в садике в песочнице играем. Всё намного серьёзнее, чем ты можешь себе представить, Маржана!

Он сел обратно и бережно провёл ладонью по тому месту столешницы, куда ударил.

- Ладно, извини. Не хотел кричать. Просто вырвалось.

- И ты меня прости. За недоверие. - Она не хотела ссориться с отцом, и уже не знала, где он говорит правду, а где лжёт. С одной стороны, прекрасно знала, что отец её любит. С другой, интуитивно, по-женски ощущала, что не до конца с ней раскрывается. И так было всегда, насколько она помнит себя и их отношения.

Её мать умерла, когда ей едва исполнилось три года. Утонула во время прогулки на яхте. С тех пор воспитанием Маржаны занимались сначала няни, а потом гувернантки. Девушка любила отца, но между ними всегда пролегала невидимая холодная черта. Отчуждённость, причина которой оставалась загадкой. У неё было всё...всё, кроме близости и доверия. Модные шмотки, не по возрасту подарки и драгоценности - но это воспринималось лишь как попытка отца откупиться. Как заглаживание вины за то,

что его практически не было в её жизни.

С годами Маржана привыкла к подобному богемному образу жизни. Отказаться от привычной роскоши стало невозможным, но и попытки впустить в себя пустоту погони за внешним оканчивались безрезультатно. Растущее внутреннее чувство тоски и протеста выплёскивалось на танцполе или заливалось алкоголем. Втайне от отца.

Хотя она понимала, что это не ускользало от его внимания. Более того, Ян Григорьевич прекрасно понимал, что сам немало приложил к этому руку.

- Я хочу, чтобы ты проследила за журналистом. - Ян Григорьевич перешёл к делу. - Он малость не в себе и может совершить массу глупостей. Если куда поедет, езжай следом. Делай всё, что угодно, но только не спускай с него глаз. Это очень важно.

Ему очень не хотелось терять времени, ведь неизвестно, что взбредёт Колганову в голову, когда тот узнает о смерти Марченко. Рано или поздно, это должно произойти.

- Пап, можно я хотя бы приму душ и переоденусь?

Отказывать в подобной просьбе нетактично и неосторожно. Поэтому он, пожав плечами, нехотя согласился.

- Хорошо. Конечно.

Прохладные струи воды охлаждали тело, но оказались бессильны перед растущим ощущением тревоги. "Жизни обоих для меня очень важна". Именно так выразился отец про Егора и полицейского, приходившего к ним в дом. Зная отца, Маржана

могла предположить, что формулировка вовсе не предполагает, что оба будут жить долго и счастливо. Скорее, пока они нужны Яну Григорьевичу живыми. Но произошла осечка, и следователь погиб в ДТП. Вопрос: случайно или...?

Фишка в том, что случайностям в жизни Яна Григорьевича места нет.

Сев за руль, она выбрала иной маршрут к дому Колганова. В объезд пробки, образовавшейся из-за ДТП Марченко.

Глава 28

Колганов вытащил из холодильника бутылку минералки, ключи от машины и выскочил на улицу. Серебристый форд тронулся с места и набрал ход. Следом за ним, на некотором удалении, последовал чёрный бмв.

Через несколько минут, поудобнее устроившись в кресле, Колганов немного успокоился и сделал несколько глотков воды.

Позвонили с редакции, однако он не ответил, а затем и вовсе отключил телефон.

Меня нет. Исчез. Испарился

Мимо Котельников, первое упоминание которых относится к 17 веку, и Люберец, первым по плотности населения городом в Московской области. Лыткарино, Жуковский, Раменское - далее вереница городов и населённых пунктов превратилась в частокол. И чем ближе становился пункт назначения, тем сильнее казалось, будто он не живёт в Москве. Что всё привиделось, и есть результат игры воображения. Ведь Москва - давно не просто столица России, а вожделенное место. Место обетованное для всех, стремящихся к лучшей доли. Желающих перечеркнуть, забыть прошлое и начать новую, обязательно успешную, жизнь. И непонятно, награда это или проклятье.

День потихоньку сдавал позиции вечеру, настойчиво подталкивающему его к краю пропасти.

Приметив ошеломляющее количество придорожных общепитов, Колганов невольно почувствовал прилив голода. Этим примечательным местом оказался посёлок Умёт.

"Ё-моё, "В гостях у тёщи", "Фея" - рай выбора для дальнобойщиков. При виде очередного названия Егор не смог сдержать широкой улыбки - "Морддональдс". Это что касается пестроты и креативности названий. Что же до меню, то с ним дела обстоят банальнее. И, наверное, это к лучшему. Ведь эксперименты над желудками водителей - по определению нехорошо. Шашлык, селёдка под шубой, харчо и солянка - милые сердцу и приятные телу, знакомые с детства термины. Заказав борщ, журналист огляделся. Внутреннее убранство деревянной кафешки проникало в душу сельской честностью и основательностью: деревянная мебель простого кроя, всенепременные диспенсеры для специй и приветливая хозяйка средних лет. А также дым: перед входом в каждое заведение стоит круглосуточно работающий мангал, исполняющий роль зазывалы.

Маркетинг рулит.

По телеку идёт сериал про бравого полицейского. За те двадцать минут, что Егор ел, в главного героя стреляли уже три раза. Правда, безуспешно. Ещё он устроил погоню и поймал какого-то мелкого негодяя. Попутно непринуждённо разговаривая по телефону и непременно пропустив бабушку на пешеходном переходе. Кроме самого Колганова в кафешке находились ещё два посетителя - рослые дальнобойщики средних лет. Сидели за одним столом, и изредка ржали, тыча вилкой в голубой экран.

Журналист знал, что повальное появление подобных сериалов - социальный заказ власти. Главная их задача - удовлетворить в народе социальную потребность в справедливости. Ведь если в реале полицейская система коррумпирована и фактически защищает свои интересы от закона и граждан, то пусть хоть виртуально всё чин чинарём.

Он опустил глаза, жуя и в десятый раз изучая меню, как уловил тонкий аромат духов.

- Привет.

Колганов удивлённо воззрился на стоящую перед ним непрошеную гостью. Он хотел ответить, но занятый едой рот позволил издать лишь булькающий звук. Невысокая, с длинными каштановыми волосами, одетая в джинсовые шорты и клетчатую рубашку в стиле кантри, девушка аккуратно присела на краешек стула напротив.

Незнакомка тактично подождала, пока он дожуёт и проглотит.

- Я Даша. - Она протянула руку.

Журналист пожал миниатюрную ладонь. Неожиданно на ум пришла глупая шутка:

- А я - нет.

Даша весело улыбнулась:

- Ну и слава богу. Тогда мы поладим.

Колганов смочил компотом неожиданно пересохшее горло. Мужики за соседним столом с интересом пялились на них. А Даша пялилась на него, причём ангельски-невинным взглядом. И Егору снова стало не по себе. Возникло ощущение, что сидит в клетке на другой планете, а инопланетяне с интересом рассматривают эдакое чудо - человека. Повисла пауза. Но девушку, судя по всему, это совершенно не напрягало. Огромные карие глаза продолжали его изучать.

- Сначала хотел спросить, мол, какими судьбами ты здесь, а потом дошло, что этот вопрос больше подходит для меня.

- Согласна. - Даша облокотилась на стол и положила подбородок на скрещенные ладони. - Так за каким делом нелёгкая забросила в нашу глухомань владельца форда с московскими номерами?

В этот момент к столу подошла хозяйка кафе, оценивающе оглядела спутницу Колганова и обратилась к нему:

- Что-нибудь ещё желаете?

Он придвинул меню к Даше:

- Угощаю.

Девушка побарабанила пальцами по карте, однако открывать не стала.

- Апельсиновый сок, пожалуйста.

И всё так же не сводила взгляда с журналиста.

Когда хозяйка удалилась, он вспомнил, что так и не представился.

- Владельца форда зовут Егор. Хотя, строго говоря, имя хозяина машины - банк.

- Первое мне нравится больше.

- Весьма польщён.

- Кстати, Егор, на тот вопрос можешь не отвечать. Он риторический.

- Какой вопрос? - Он почесал голову, силясь её понять. - Я чёт не догоняю.

Даша снова улыбнулась aka Мона Лиза.

- Вопрос про то, какими судьбами ты здесь оказался.

- А, да. - Он поднял вверх указательный палец. - Припоминаю, такой вопрос действительно звучал в студии.

Девушка подыграла:

- Звонок другу, помощь зала или просто сдашься?

- Нет, нет! - Запротестовал Колганов, размахивая вилкой. - Возражаю! По условиям игры имею право это задание пропустить.

Сама же сказала, что вопрос риторический.

Даша развела руками.

- Ладно. Твоя взяла. Записываю себе поражение.

Колганов перешёл на более серьёзный тон.

- Думаю, побед у тебя гораздо больше.

Она отвела глаза в сторону и задумалась.

- Всё в этом мире относительно. И победы, и поражения. Смотря на меня, ты что-то себе представляешь. А в действительности я другая.

- То же самое можно сказать и про меня.

- Ну вот. Говорю же, что всё относительно.

Некоторое время они молчали. Он пил компот, она - апельсиновый сок. А дальнобойщики вернулись к телевизору.

- Ладно. Мне пора. - Даша легонько прикоснулась к его руке. - Пойду дальше...искать победы.

Колганов накрыл её ладонь своей.

- Подожди.

Вытащил из бумажника купюру крупного достоинства и аккуратно положил перед девушкой.

Она несколько секунд смотрела на деньги, не шевелясь.

- Ты передумал?

- Нет. Я плачу...за то, что составила мне компанию.

- Да ладно. Я сама к тебе навязалась. К тому же ты меня уже угостил. - Она покачала стаканом с соком.

- Дашенька, а ещё ты сказала, что всё в этом мире относительно. Так что победа - это поражение. А поражение - в чём-то победа. Поэтому бери деньги, пока я не передумал.

Девушка убрала купюру в карман.

- Хорошо. Но я не привыкла оставаться в долгу. Дай руку, я тебе погадаю.

- Что? Погадаешь? - Засомневался Колганов. - Это вовсе необязательно.

- Давай, давай. Я умею. - Даша протянула руку с раскрытой ладонью и настойчиво зашевелила пальцами. - Хотя вижу, что мне не веришь.

- Это как-то... - он попытался объясниться, однако умолк на полуслове и нехотя повиновался.

- Глупо? - Она вскинула брови. - Не более, чем заплатить девушке за то, что она двадцать минут тебе мило улыбалась.

Некоторое время Даша молча изучала его ладонь. Потом попросила показать другую.

Залпом допила сок и откинулась на спинку стула. Вид у неё был хмуро-отрешённый.

- Что такое? - Егор решил пошутить, чувствуя, что ещё немного и сам начнёт мандражировать. - Моё будущее туманно-беспросветно?

Вместо ответа Даша вытащила из сумочки влажную салфетку и тщательно вытерла его вспотевшие от напряжения руки.

Ему же оставалось лишь удивлённо следить за её действиями. Затем, аккуратно сложив использованный кусочек спанлейса, убрала его в сумочку.

Колганов устал теряться в догадках.

- Может, всё-таки объяснишь хоть что-нибудь?

Даша взглянула на него неожиданно невозмутимо:

- Объясню. Конечно, объясню. - Голос девушки звучал негромко, но твёрдо. - Вижу, что на твоём пути много испытаний и событий, связанных с женщинами. И путь ты держишь тоже...к ней.

- К кому? - Удивился журналист. Ладони ещё холодила не испарившаяся влага салфетки.

- Не знаю. - Девушка пожала плечами. - Блондинка с длинными прямыми волосами. Она улыбалась...это точно. Но остального не видно из-за пламени.

- Она горела и при этом улыбалась? - У него возникло ощущение, что бредит во сне. Но сейчас проснётся, проморгается и всё придёт в порядок.

- Не, она не горела. - Даша отрицательно помотала головой. - Скорее, просто между нами было пламя, костёр.

- И слава богу! - Он шутливо выдохнул. Впрочем, улыбка вышла кривой и неестественной. - А то при мысли о сгорающей заживо и при этом мило улыбающейся девушке вдруг захотелось повернуть назад.

- Нет, нет! - Собеседница мгновенно преобразилась. И он почувствовал её тревогу. - Тебе нельзя возвращаться назад. Твой путь - только вперёд. - Она посмотрела по сторонам и сдвинула брови. - У меня ощущение, что кто-то тебя преследует...тоже девушка. Но чёрная.

Колганов натянуто улыбнулся.

- Может, это моя ревнивая жена?

- Ты однозначно не женат. - Даша пропустила юмор мимо ушей. Более того, у тебя нет стабильных отношений. Ты бобыль.

Это слово было незнакомым.

- Кто, кто?

Но девушка продолжала смотреть по сторонам, не обращая на него внимания.

- Я подразумеваю не секс. Вернее, не только его. Без женщины мужчина не познает бога, без женщины он пустышка. - Даша легонько хлопнула ладонями по столу, намереваясь подняться. - Егор, тебе нужно ехать, а мне пора идти.

- Даш, погоди. - Он схватил её за руку. - А что передать этой...чёрной, которая за мной следит?

- Всё юморишь. - В больших карих глазах читалась укоризна. - Ладно, шути, пока шутится. А та девушка не опасна. Во всяком случае, для тебя. Она - скорее жертва. Жертва того, кто стоит за её спиной и манипулирует ей. Вот он однозначно силён и беспощаден. И сделает всё, чтобы через эту несчастную повлиять на тебя.

- Это невозможно, - вырвалось у него.

- Правда? - Даша печально улыбнулась. - А ведь совсем недавно мы говорили о том, что всё относительно. Скажи тебе час назад, что ты дашь незнакомой девушке крупную сумму денег за просто так, ты бы как на это отреагировал?

- Ладно! - Колганов потряс головой и взъерошил волосы. - А кто этот...представляющий для меня опасность? Как его имя?

- Не знаю. Такое ощущение, что это не человек, а некая сила. Или общность людей.

Снова нахлынуло ощущение, словно находишься не в своей тарелке.

Чё она несёт? И к чему этот спектакль с салфеткой?

Из-под завязанной на животе Даши узлом рубашки виднеется шрам.

- Окей. - Он уже хотел прекратить этот странный разговор. - Будем считать, что кто предупреждён, тот вооружён.

- Ты всё равно наломаешь дров, Егор. А салфеткой я стёрла свой след присутствия в твоей жизни.

Колганов ошарашенно смотрел вослед упорхнувшей из кафешки девушки, затем потянулся за бумажником.

Глава 29

Проезжая мимо забегаловок, форд Колганова сбавил ход и Маржана почувствовала, что сейчас тот остановится. Она проехала дальше и съехала с дороги, спрятавшись за кучу деревянных ящиков. С дороги её не было видно, однако она сама в зеркало заднего вида имела возможность наблюдать за журналистом. Через минуту к машине подбежала собака и принялась придирчиво обнюхивать ещё горячие колеса и чёрные пыльные бока. Вскоре к ней присоединилась другая. Маржана поморщилась. Она с детства не любила этих тварей. Несколько пар мужских глаз с любопытством рассматривали дорогой спортивный бмв, а потом переключились на водителя.

Заметив это, Маржана достала телефон и сделала вид, что ковыряется в нём. При этом периодически посматривала за Колгановым. Тот углубился в изучение меню и не обращал ни на кого внимания.

Один из мужчин, здоровяк в засаленной футболке и жилетке со множеством карманов, поднялся из-за стола и направился к Маржане.

Та боковым зрением наблюдала за приближением незнакомца.

Вот чёрт! Тебя только не хватало! Уж лучше собаки...

Маржана опустила стекло, и мужчина наклонился, облокотившись о крышу. В нос ударил резкий запах лука.

- Девушка, вам помочь? - Он улыбнулся и облизнул жирные от еды губы. - Смотрю, вызываете по телефону подмогу...Кстати, я

Паша.

Маржана заставила себя улыбнуться, хотя засаленная футболка дальнобойщика и болтающиеся у неё перед носом края жилетки с набитыми карманами вызывали чувство протеста и брезгливости.

Как ты смеешь лапать мою машину!!!

- Спасибо, Паша. Всё в порядке. - Она импровизировала онлайн. - Я просто жду друзей. Они сейчас подъедут.

- А, понятно. - Тот разочарованно развёл руками. - Ну, тады ой.

Маржана, наблюдая за тем, как мужчина снял руки с крыши, с облегчением выдохнула.

- Большое спасибо за участие. И приятного аппетита!

- Может, пока друзья не приехали, составите нам компанию? - С надеждой спросил он. - Чай, кофе?

- Увы, у меня страшно ревнивый муж, - не моргнув, соврала она.

Пока сутулая спина Паши неторопливо удалялась, в зеркале заднего вида возникло движение.

Маржана прищурилась, стараясь получше рассмотреть происходящее. К Колганову подсела девица с длинными каштановыми волосами и завела разговор. Судя по одежде - представительница древнейшей профессии. Минут через двадцать спутница журналиста принялась озираться по сторонам, словно ища кого-то. И когда взгляды девушек встретились, Маржане стало неуютно.

Глава 30

Колганов завёл мотор и вырулил обратно на дорогу, целя капот прямо в сердце растворяющегося вечера. И снова, под бодрую стрелку тахометра, горячие шины располосовали покорный асфальт. Чуть позже, заявляя о своих правах, к вечеру мягко подкралась ночь и набросила на него покрывало.

А когда ночи на плечо положил руку рассвет, та, не будучи дурой, всё поняла без слов и бесшумно затворила за собой двери. Колганов же, глядя на умирающую стрелку указателя уровня топлива, свернул на ближайшую заправку.

И потягивая кофейный напиток "3-в-1", и выходя на обгон очередной фуры, никак не мог выкинуть из головы странное знакомство со странной девушкой.

Предсказания...полная чушь! Никто не знает, никто не может видеть, что случится наперёд. А Даша...да она просто хотела набить себе цену...скажем так, "креативным подходом". И вообще, Даша ли она на самом деле?

Вначале было кайфовое ощущение от того, что удивил девушку, дав деньги просто так и ничего не потребовав взамен. Однако это состояние постепенно улетучивалось, уступая место сожалению о содеянном, мыслям о том, что его самого облапошили...

Депрессия неумолимо накатывала, портя настроение и убивая удовольствие от дороги.

Надо выкинуть её из головы! Надо всё выкинуть из башки!

Чтобы помочь себе в этом деле, Колганов опустил стёкла и представил, что едет в кабриолете. Между прочим, это заветная мечта - купить спортивную тачку с откидным верхом.

Форд Мустанг? Или более технологичный "911-й"? А может, вообще дотянуться до звёзд и пересесть в "Ламбо"? Типа реальный чувак, у которого жизнь удалась. Все тёлки твои. VIP-зоны клубов, круглогодичный натуральный загар и свежая клубника в январе... В конце концов, выбор пал на наиболее прагматичный вариант: выплатить кредит и срезать болгаркой к чертям собачьим крышу фокуса.

От этих идиотский фантазий настроение поднялось, и Колганов широко заулыбался самому себе.

Но, вспомнив Маржану, посулившую возможность выбора любой понравившейся тачки, снова нахмурился.

А через пару часов форд, с пока ещё целой крышей, свернул по указателю на село Жигули. Основанное ещё в 1660 году, оно расположено у подножия Жигулёвских гор. Дорогу в населённый пункт открывает стела с изображением колхозницы со снопом колосьев в руках. А на въезде, рядом с самим указателем, установлен крест "Спаси и сохрани". Когда-то, давным-давно, здесь утоп рыбак. Тело бедолаги не нашли. И, чтобы отвадить нечисть с этой земли, сельчане решили поставить православные кресты на въезде и выезде.

Скинув скорость, Колганов осторожно ехал по местам, совсем недавно изученным с помощью интернета.

Барельеф на торце здания школы вернул в далёкое детство, когда он, мальчишкой, засматривался "Ералашем" времён СССР: три пионера трубят, стоя под знаменем. А над ними порхают голуби, в аналогичном количестве. Как выяснилось, и незабвенный Владимир Ильич Ленин бывал в своё время в Жигулях, беседовал с крестьянами. Было это, эдак, в году 1890-м. В школе расположился небольшой музей истории села, в котором, помимо прочего, представлен такой экспонат как алюминиевая ложка фронтовика с выбитыми памятными событиями и датами.

Величественные останки конюшен графа Орлова наглядно

демонстрируют, как надо строить: пережившая Великую Октябрьскую революцию и Великую Отечественную войну кирпичная кладка доказала, что боится времени не больше египетских пирамид.

Перебежавший дорогу рыжий кот заставил немного притормозить. А встречаемые на пути редкие в такую рань местные жители с интересом косятся на диковинные московские номера. Им невдомёк, что водитель машины чувствует себя точно таким же провинциалом.

Что в действительности и есть.

Бывшая паровая мельница поражает сохранностью и добротностью: в дом постройки 1870-1880гг. хоть сейчас вселяйся и живи. А на воротах поблизости - ржавые таблички такого далёко-недалёкого прошлого: "За курение - под суд", "Умейте пользоваться огнетушителем" и "В случае пожара немедленно вызывайте пожарную часть".

Что касается белоснежного здания управляющего имением, только что оставленного позади, то оно нынче превратилось в больницу. А за фасадом бывшего манежа графа Орлова притаился потомок - Дом Культуры.

У памятника-мемориала погибшим в годы Великой Отечественной Войны сельчанам, а их с боёв не вернулось больше двухсот, растёт деревянный православный храм. Село, население которого не превышает двух тысяч человек, несмотря на трудности и невзгоды, живёт.

Колганов въехал на середину села и по асфальтовой дороге направил машину прямиком к сторожке национального парка "Самарская лука".

Начинающийся рассвет приказал ночи убираться восвояси. Чувствуя жжение в глазах, Егор выудил чёрные очки и проморгался.

Следом за ним, тенью, следовал чёрный спортивный бмв.

Глава 31

Пострадавшего Марченко в состоянии травматического шока доставили в реанимационное отделение. Обследование выявило многочисленные переломы и повреждения внутренних органов. Подключенный к аппарату искусственной вентиляции лёгких, он пребывал в состоянии комы. Состояние пациента оценивалось как крайне тяжелое, с вполне отчётливым шансом перейти в терминальное. Поэтому, учитывая характер полученных травм, реаниматолог "шоковой" палаты Андрей Евгеньевич всё же не переставал удивляться живучести этого...

- Марина! - окликнул он медсестру. - Как зовут этого новенького?

Та оторвалась от заполняемой истории болезни.

- Марченко Александр Дмитриевич.

Андрей Евгеньевич взглянул на полицейского с сожалением.

Умри уже. Хватит мучиться.

Жизнедеятельность организма поддерживалась искусственно. Но примерно через час пульс пропал и тело перестало реагировать на реанимационные мероприятия. Андрей Евгеньевич устало процедил сквозь зубы:

- Марин, записывай время смерти: восемнадцать ноль семь. А я пойду, подышу свежим воздухом.

Засунув в карман халата стопарик, плотно затворил за собой дверь.

Марченко раздели, разогнули колени, плотно прикрыли веки и подвязали нижнюю челюсть.

Через два часа, при появлении первых трупных пятен, Марина чернилами написала на его бедре фамилию с инициалами и номер истории болезни.

Глава 32

Санитары, двадцатидвухлетний Вадим и тридцатидвухлетний Костя, переложили тело Марченко на медицинскую каталку, намереваясь отвезти в патологоанатомическое отделение для вскрытия. В этот момент два колеса каталки заклинило. Чертыхаясь, парни попытались устранить неисправность на месте. Однако колёса, аналогично с ношей, не отозвавшейся на действия реанимационной бригады, также не реагировали на усилия санитаров. Причём, без видимых причин. Костя встал, поправляя костюм.

- Вадь, посмотри, может есть поблизости свободная?

Вадим радостно вскочил: возьба с упрямым колесом уже порядком надоела. Реплика коллеги посвящалась не занятой каталке. Осмотревшись и обойдя поблизости, он безрадостно развёл руками: таковой не оказалось.

- Ну ладно. - Костя деловито потёр руки. - Раз ты не куришь, сгоняй в подсобку за инструментом. А я совершу приём никотина.

Вадим покосился на часы.

- Костян, котлы шепчут, что нам пора принимать второе и компот. Может, после ужина этапируем "двухсотого"?

- Лады. Думаю, наш клиент сильно не торопится. - Согласился тот. - Тока я всё равно успею вздымнуть. Не забудь потом прихватить инструмент.

- Не забуду.

Вернувшись, оба замерли в изумлении.

- Пурген мне в зад! - Костя ошарашенно таращил глаза.

А Вадим, икнув, выронил ящик с инструментом.

Глава 33

Марченко легко шагал по лесной тропке. Свежий утренний воздух обжигал лёгкие, выветривая духоту оставшегося за спиной города. Где-то над головой осторожно переговаривались птицы, недовольно обсуждали внезапное появление чужака. Листья деревьев согласно вторили, однако предлагали незнакомца не судить слишком строго. Во всяком случае до тех пор, пока тот не обнажил свои намерения. Тропка, тем временем, постепенно сужалась. И стены из могучих стволов подступали ближе и ближе. Редкие лучи солнца пробивали зелёную крышу, не в силах разогнать царящий полумрак. Когда глаза окончательно адаптировались к недостатку света, он сбавил шаг и с удивлением обнаружил, что одет в больничную пижаму светло-голубого цвета. На ногах же красуются чёрные кожзамовые тапочки.

Чёрт подери, откуда на мне эта весёлая одежда?

- Марина, готовь адреналин. Один миллилитр.

Марченко остановился и резко обернулся. Напряжённый голос принадлежал мужчине. И звучал совсем рядом. Однако вокруг простирался только лес. Птицы тоже замолчали, с интересом ожидая продолжения. Несколько секунд полицейский вглядывался в обступающую плотную зелёную завесу, затем осторожно продолжил движение.

- Чёрт, всё без толку!

К мужскому голосу добавился женский. Марченко прислушался. Но разговор проходил слишком далеко и слов никак не разобрать. Ещё явственно ощущается возня и тяжёлое дыхание.

- Дефибриллятор! - теперь мужчина уже не говорил, а скорее рычал.

Следователь нахмурился и почувствовал, как по телу предательски пробегают мурашки.

Что это? Где это?

Тут до него начало доходить, что он не знает, откуда и куда направляется. В конце концов, не знает, кто он...

Кто я?

- Ещё разряд!

Марченко перешёл на бег трусцой, а потом и вовсе помчал сломя голову.

- Ещё!

Ветки упруго хлестали по лицу, однако он не обращал внимания на боль. Как и на неудобство больничной обуви, менее всего подходящей для лесного кросса.

- Ещё разряд!

Споткнувшись о выступающий из земли корень, полицейский упал. Разодранные в кровь ладони саднило.

- Ещё разряд!

Он закусил губу до крови, надеясь отрезвиться и стряхнуть навалившийся кошмар. Во рту явственно ощущался тёплый солоноватый привкус.

Блин...

- Ещё разряд!

Дальше тропинка уходила в сердце леса и пропадала совсем. Не обращая внимания на мелкие ветки, ломая средние и уворачиваясь от крупных, Марченко летел изо всех сил. На смену страху явился ужас.

И эти голоса...

- Марин, записывай время смерти...

Лес расступился мгновенно, обнажая ночь. От неожиданности он снова потерял равновесие.

Уже ночь? Так быстро?

Впереди, насколько позволяло увидеть зрение, простиралось поле.

Ничего другого не оставалось, кроме как идти вперёд. И Марченко упрямо шёл, потеряв счёт времени. Подступившая жажда отнимала силы и пригибала к земле. Когда силы иссякли, полицейский остановился и устало опустился. Звёзды на небе весело перемигивались.

Вам смешно, да?

Подул лёгкий ветерок, впервые за всё время. Затем сильнее. Стало зябко. Марченко съёжился в комок и лежал, не в силах пошевелиться и мысленно призывая избавляющую от мучений смерть.

Ведь они там уже записали чью-то смерть. Может, мою?

Но смерть не приходила.

Она забыла про меня. Все про меня забыли. Я никому не нужен. Всю свою никчёмную жизнь. Даже сдохнуть не могу вовремя.

Тоска одиночества непринуждённо набросила на голову удушливое одеяло. От обиды к горлу подступил ком, а в глазах защипало.

Он лежал и дрожал, обливаясь горькими слезами. А звёзды спокойно взирали на простирающуюся внизу картину, не проявляя ни малейшего участия. Более того, стало казаться, что некоторые небесные светила и вовсе отвернулись.

Вам противно на меня смотреть?

Как ни странно, несмотря на лето, земля и трава оказались ледяными и стылыми. Поэтому Марченко, устав страдать от холода и выплакавшись вволю, вскочил, сжимая кулаки. На место слабости ступила злость.

Хрен вам! Я не сдох! Слышите, я живой! Жи-вой!

Обращаясь к невидимым собеседникам, он яростно вскинул вверх средний палец. И снова зашагал, стараясь не обращать внимания на пронизывающий до костей холод.

Впереди показался мерцающий огонёк. То оживающий, то

угасающий. Марченко силился ускорить шаг, но ничего не выходило: энергии оставалось совсем немного, и та таяла на глазах. Ветер потеплел. Ноздри щекотал едва уловимый запах смолы.

Костёр?

Тело вместе с теплотой наполнялось доселе неведомым чувством надежды. От этого ощущения стало не по себе: не хватало воздуха, и полицейский никак не мог надышаться. Странный свет, меж тем, постепенно приближался, становясь отчётливым.

Костёр!

Наконец, когда до огня остались считанные шаги, ноги предательски подкосились. Несмотря на это, Марченко лежал и наслаждался, впитывая жар каждой клеточкой тела. Ощущение блаженства разливалось тёплой, нежной волной. Костёр весело потрескивал, выбрасывая в небо снопы искр. Издалека он казался меньше, чем был на самом деле. И, учитывая его размеры, а также близость от пламени Марченко, его кожа должна сразу покраснеть и покрыться волдырями. Но нет. Огонь дарил только тепло и покой. Полицейский счастливо улыбнулся, одновременно ощущая нежелание куда-либо торопиться. Стало всё равно, умрёт он или нет. Или вообще давным-давно умер. Перспектива собственной смерти перестала являться актуальной. А может она, неизбежная, на самом деле не такая страшная, как обычно представляется? Или даже приятная и прекрасная...? Марченко смотрел на языки пламени и улыбался. Это максимум, что он мог сделать.

А взглянув на себя, испытал лёгкое удивление: он оказался совершенно нагим. Как и при каких обстоятельствах исчезла одежда - оставалось загадкой. Тапочки из чёрного кожзама также отсутствовали. Ещё не веря глазам, Марченко осмотрелся и

обнаружил на бедре татуировку.

Что, нафик, происходит? Я же никогда не делал наколок!

Вглядевшись внимательнее, разобрал, что это простая надпись и ряд цифр. И сразу же похолодел. Всё тело вмиг покрылось мурашками. Ведь такое видел только в одном, весьма неприятном месте. Куда вообще не следует торопиться.

В морге. На трупах. Чернилами. Пишут. Фамилию и историю болезни.

На бедре красовалась не тату, а его фамилия с инициалами и номер истории болезни.

Вдруг из костра, как из открытой двери, стали выходить девушки. Ослепительно красивые, в нереально белоснежных одеяниях. Они молчали и, казалось, не передвигались, а легко парили над землёй. Марченко уронил вмиг отяжелевшие веки и почувствовал, как прекрасные незнакомки берут его в кольцо.

Глава 34

- Блин, задницей чувствовал, что-то случится. - Отдышавшись, пробормотал Костя. - Наш клиент явно не хочет в прозектуру.

- Надо сказать Никонову, - впервые подал голос Вадим.

- Ты прав. - Костя поднял на уровень глаз предательски дрожащие руки. - И сделать вид, что мы не сумасшедшие.

Но заведующий реанимационным отделением Никонов Степан Сергеевич уже два часа как уехал домой.

- Постой, - он посмотрел на часы, - Никонова уже нет, за него Евгеньич.

Вадим немного пришёл в себя:

- Ага. И, кажется, этот...был его клиентом.

Через минуту они без стука вломились к реаниматологу.

- Андрей Евгеньевич...там...это...труп ожил...

Тот побледнел и икнул. Однако сразу взял себя в руки: профессия обязывает. Слабые нервами в их рядах не задерживаются.

Я ошибся. Врачебная ошибка...нет, это невозможно. Решительно невозможно!

Но при виде человека, которого совсем недавно безуспешно пытался вырвать из лап смерти, побледнел снова.

Простыня с лица покойного откинута, а на груди покоится берёзовая веточка. Верёвка, удерживающая нижнюю челюсть в закрытом состоянии, отсутствует. Андрей Евгеньевич подошёл вплотную и решительным движением откинул материю, скрывающую обнажённое тело. Увидев представшую перед взором картину, обомлел ещё больше: средний палец правой руки покойного оттопырен в однозначном жесте.

Глава 35

Колганов остановился на парковке и спешился. Зевнул, разминаясь и оглядываясь по сторонам. Оплатил билет, и, прихватив початую бутылку минералки, продолжил путь пешком.

Покойный Кола не стал заморачиваться, применяя изощрённую шифровку. Возможно, специально, а, скорее всего по причине незнания. Рукопись действительно являлась картой. Причём, как показали события, достаточно одного раза её прочесть, чтобы запомнить ключевые моменты, подлежащие отгадыванию. Специально так сделано, будто автор понимал, как именно его творение может закончить свой путь, или так вышло случайно, - ответ на этот вопрос ушёл в могилу.

"Жигули" с госномером д2428ук" - это Жигулёвские горы, вершина в 242, 8 метра. То есть Молодецкий курган.

Меряя дорожку широкими шагами, Колганов чувствовал себя возбуждённо-ошалело. Потому что не спал всю ночь. Ещё оттого, что прохладный рассветный воздух разрывал лёгкие. Совсем недавно он перемещался по душной Москве, наполнялся запахом хычинов и сигарет. Глядел на нагламуренный гламур, кожей ловил прищуренный взгляд таджиков на стройках. А сейчас он один. А вокруг Она, природа. Мягкая трава под ногами, просыпающееся солнце над головой и ощущение того, что все заботы и проблемы отступили. Остались за забором вместе с местной достопримечательностью - лиловым холодильником.

Кеды, связанные за шнурки, болтаются на плече. Роса прохладой обжигает ступни.

Тропа вела вдоль залива Жигули, где, судя по состоянию берегов, вода постоянно их размывала. И свежесваленная дикая яблоня печальным перекошенным видом наглядно об этом свидетельствовала. На умирающих ветках ещё чернели сморщенные остатки прошлогоднего урожая.

Вдали показалась Девья гора. С этим топонимом связана трагическая легенда, повествующая о любви и предательстве. Много лет назад здесь жил охотник со своей возлюбленной. Но избрали его атаманом, и стал он бывать в странах заморских. И однажды изменил своей благоверной. Гордая девица, не сумев снести обиды, столкнула атамана с горы. Сама же, недолго думая, бросилась следом. С тех пор гору стали называть Девьей. Позже у её подножия располагался дозорный стан Степана Разина

Можно скептически относиться к преданию, однако Девьи - самое древнее название Жигулёвских гор. Впервые под таким названием они упоминаются в "Книге Большому Чертежу" в редакции 1627 года. С гор хорошо видно далеко вперёд, и местность являлась очень удобной для разбойничьего промысла. Поэтому, ввиду большого количества "лихих людей" и опасности, представляемой ими для купцов и путников, иностранцы называли эти горы Казачьими. Ведь "казак", "разбойник" и "жегуль" - синонимы. Ещё Адам Олеарий предупреждал о казачьем разбое, процветавшем в районе Девьей горы - где Волга плещется совсем рядышком. С течением времени "е" поменялось на "и", и Девьи горы стали разбойничьими Жигулями.

На пути попадались информационные указатели, раскрывающие уникальность флоры и фауны Самарской Луки. Некоторые растения являются эндемиками Жигулей: например, молочай жигулёвский и солнцецвет монетнолистый. Ещё бы, ведь Жигулёвские горы - единственные горы тектонического происхождения не только на Волге, но и на всей Русской Равнине, площадь которой составляет умопомрачительные 4 млн кв. км. Русской она называется потому, что большая её часть расположена в России.

Берег фрагментировался на каменистый и песчаный. Засохшие берёзы, причудливым образом свисая с отвесных утёсов, чередовались с живыми, пробудившимися от зимней спячки. Колганов остановился и сделал несколько глотков воды. Щурясь от восходящего солнца, вглядывался далеко вперёд, затем опустился на траву. Вдали виднелось нечто, напоминающее пионерский лагерь. Несколько упаднических мыслей, залетев в черепную коробку и пообббивав бока о её стенки, вылетели через тот же вход:

Может, зря я сюда приехал. Ещё не поздно вернуться...

Однако несколько секунд минора не смогли испортить общий настрой:

Никогда не сдавайся!

Поиграв желваками, он вскочил и упрямо зашагал дальше.

Около следующей встреченной на пути достопримечательности невольно замер, не в силах просто так пройти мимо. Это памятник Юрию Захарову и его товарищам, погибшим спасая тонущих людей. Трагедия произошла 10 июня 1963 года. С тех пор ежегодно, во вторые выходные июня, в память о героическом поступке молодых людей у подножья Молодецкого кургана проводится туристический слёт. Юрий Захаров был капитаном в группе, поэтому слёт назвали Захаровским.

Человек жив, пока его помнят. Эти ребята совершили поступок, который превратил их жизнь в пример.

Огромное, являющееся третьим в мире по площади, Куйбышевское водохранилище почти облизывало тропку. Колганов упивался насыщенным влагой ветром и родными местами. Это было ни с чем не сравнимое ощущение, которое не хотелось отпускать. Поэтому, завидев приближающуюся группу

туристов, спешно укрылся в густом островке лиственного леса у подножия Молодецкого кургана.

Голоса неуклонно приближались. Поначалу различались лишь на мужские и женские, а также интонационно. Чуть позже стали долетать обрывки фраз:

- Когда поднимемся, не забудьте...

- А мне кажется...

- Да ладно!

И беззаботный смех.

Люди прерывают рутинный образ жизни: переодеваются в экипировку, покупают палатки и туристические GPS-навигаторы. Пакуются в автомобиль и едут в... Это называется выбраться на природу.

Откуда можно выбраться? Ну, например, из такой-то ямы...

Люди идут в природу, наивно полагая, что становятся к ней ближе. Это самообман. На самом деле человек бесконечно далёк от природы: кутается от холода в тридцать три одежды и опрыскивается спреем от кровососущих насекомых, жарит заранее приготовленное для шашлыка мясо и заливается алкоголем. Это, скажите, природа?

Существует только один путь к ней приблизиться, впустить её в себя: жизнь в ладу.

Группа поравнялась с затаившим дыхание Колгановым. Теперь явственно слышались все разговоры.

Ниочём. Поднимутся на вершину, пощёлкают затворами камер...и всё.

А когда туристы ушли, журналист проникся понимаем причины ползучего сплина: эти люди напомнили ему самого себя. Дешёвого и бесполезного. Чиркающего пустые статейки за нищебродский гонорар.

Я умру, а лес останется. Он жил до меня, жив сейчас и заживёт припеваючи после. А мои опусы забудутся ещё до моей смерти.

На фоне реликтового леса собственная никчёмная мимолётность ощущалась особенно явственно.

Листья над головой шумели, убаюкивая воспалённое сознание.

Глава 36

Маржана благоразумно решила не "светиться". Ведь Колганов прекрасно знает её машину. А пересесть на другую вовремя не догадалась: умная мысля приходит опосля. Дождавшись, когда журналист отойдёт на достаточное расстояние, девушка также приобрела входной билет и последовала аналогичным путём. Цель Колганова прояснилась, когда Маржана посмотрела направление его маршрута и сверила с представленными на информационных стендах. Для того, чтобы оставаться незамеченной, ей пришлось "отпустить" ничего не подозревающего журналиста довольно далеко. Равнинный ландшафт на пути следования не позволял уверенно прятаться. К тому же молодой человек довольно часто останавливался, озираясь по сторонам.

Благо, зрение у охотницы отменное.

Никуда ты от меня не скроешься.

Когда следом за Колгановым, постепенно его догоняя, увязалась группа туристов, девушка захотела с ними смешаться. Однако в последний момент передумала. А спустя минуту едва не прозевала момент, когда журналист спешно шагнул под густые кроны деревьев, растущих поблизости от тропинки.

Вот чёрт! Едва не упустила из вида!

Однако, вопреки её ожиданиям, Егор не показался обратно после того, как туристы упылили дальше вверх. Сначала Маржана терпеливо ждала, предположив, что парень, например, спрятался справить нужду. Но, когда прошло уже полчаса, а он и не думал показываться, всерьёз забеспокоилась.

Что, если он меня увидел?

Такие мысли отнюдь не поднимали настроения. И, как назло, упорно лезли в голову. Прошёл час. Глаза ломило от недосыпа и постоянного напряжения. Маржана отчаянно соображала, как выйти из сложившейся патовой ситуации.

Спасение показалось из-за ворот, в которые они все недавно вошли: две пары средних лет, неплохо экипированные и с хорошими камерами. Пока люди, неспешно перекидываясь репликами, приближались, она решилась. Быстро собрала длиннющие волосы в пучок и соорудила из большого платка бандану. Завершали образ чёрные очки "стрекоза". Получилось совсем непривычно и не совсем эстетично, однако цель оправдывала средства.

А когда люди поравнялись с ней, сняла очки и захлопала глазами, "включая дурочку":

- Доброе утро. Дико извиняюсь. Не подскажите, как пройти к Молодецкому кургану?

Те, замедлив шаг, посмотрели на неё удивлённо. Видимо, впервые встретив столь вопиющее невежество. Ответила одна из женщин:

- Девушка, так вот же тропа. И вы и мы по ней идём.

Маржана радостно захлопала длинными ресницами:

- Ой, и как это я не догадалась? Надо было внимательнее изучить маршрут.

Дальше следовало под любым предлогом напроситься в компанию. На помощь, сам того не ведая, пришёл спутник той женщины:

- А вы, девушка, держитесь нас. И всё у вас получится. Я, кстати, Пётр. А это моя жена Галя.

Галина смерила супруга недовольным взглядом, но всё же попыталась изобразить улыбку.

- С удовольствием. - Маржана выдохнула скопившееся напряжение. - Маржана.

Реакция Галины сейчас волновала меньше всего: не до этого. Чтобы рассмотреть их ситуацию, большого ума не требовалось: ревнивая супруга, любящая любить мозги и муж, любящий прекрасный пол. Вторая пара, Елена и Эрик, оказалась несколько менее словоохотливой, чем Пётр, но гораздо более приветливой, чем Галина.

Дальше компания продолжила движение впятером. Пётр старательно скрывал плотоядные взгляды, обращённые на Маржану. Наивный, наверняка думал, что никто этого не заметит. Но для женщины, тем более супруги, сие поведение слишком очевидно. Вообще, мужчины часто ошибаются, предполагая, что им под силу что-либо утаить от второй половинки. Но шило всегда вылезет из мешка. Причём всегда в самый неподходящий момент. Маржана, в свою очередь, пряталась за спинами спутников и ёжилась под банданой и очками. И чем ближе они подходили к месту, где пропал Колганов, тем настойчивее стучался страх в хрупкую дверь неспокойной девичьей души.

Если он меня узнает, всё насмарку.

Пётр что-то говорил, Маржана автоматически улыбалась и отвечала невпопад. Тщетно, до ломоты в глазах, вглядываясь туда, где листва сомкнулась за спиной журналиста.

Наконец, час икс пробил.

Группа поравнялась с деревьями, поглотившими Колганова.

Маржана сошла с тропы.

- Ребята, я снова извиняюсь, - и, кивнув в сторону чащи, сделала виновато-многозначительный взгляд, - мне нужно ненадолго уединиться.

- Мы тебя подождём, - вызвался Пётр.

- Это нетактично, - одёрнула супруга Галина и впервые обратилась к Маржане:

- Извините его.

- Всё нормально. - Та понимающе улыбнулась. - Я теперь знаю дорогу и не заблужусь. Большое вам спасибо.

И углубилась в лес, кожей чувствуя облегчение, испытываемое Галиной.

С каждым шагом Маржану всё сильнее охватывало беспокойство, обильно сдобренное страхом. С каждым пройденным метром, приближающим лес, девушка всё сильнее сомневалась в себе и своей затее.

А вдруг его там давно нет?

Внутри небольшого островка леса оказалось чуть прохладнее. Трава мягко стлалась под ногами, а прошлогодняя листва едва слышно шуршала. Колганова нигде не было видно. Маржана остановилась, изо всех сил вглядываясь в окружающее пространство.

Журналиста нет...его нет(

Верхушки деревьев, образовавшие над головой потолок, зашумели от набежавшего ветра. Сердце бешено колотилось. Маржана прислонилась к огромному стволу реликтовой сосны и стянула с головы ненавистный платок.

Необходимо хорошенько подумать. Колганова она упустила, однако не всё потеряно. Ведь на стоянке перед входом в парк продолжает оставаться его машина, серебристый форд. И пусть сейчас она не узнает, куда он ходил, зато об этом можно расспросить его позже, в какой-нибудь уютной кафешке. Хорошая идея...но только если у Колганова не сформировался, как у собаки Павлова, отрицательный рефлекс на "уютные кафешки".

Или вообще встретиться в Москве.

А если ужин не проканает, она готова на...впрочем, об этом рано. Она пока не уверена.

Тёмное пятно на траве, ранее незамеченное, привлекло внимание. Прервав размышления, девушка медленно двинулась к объекту. Окружающая Вселенная перестала существовать, сконцентрировавшись в единственной точке перед глазами. Спрятавшаяся под листвой ветка предательски хрустнула под ногой. Маржана остановилась, как вкопанная. Голова кружилась от избытка адреналина.

Это он!

Это Колганов. Уверенность была интуитивной, стопроцентной. Подойдя ближе, она рассмотрела очертания лежащего на траве тела. Невольно напряглась, подумав о нехорошем.

Неужели...

Но, подойдя совсем близко, облегчённо выдохнула. Журналист спал, блаженно улыбаясь. И в таком виде совсем не похож на другого Колганова, бодрствующего. Он был каким-то... Маржана долго стояла, со странным интересом в глазах изучая лицо спящего. Его эмоции постепенно перетекали в неё, заполняли пространство, доселе скрывающее лишь звенящую пустоту. Склонившись, провела ладонью, едва касаясь, по его небритой щеке. Внутри задвигались тектонические плиты неизведанных эмоций и переживаний. Девушка не понимала происходящего с ней. Глаза защипало, и нечаянная слеза скатилась, обжигая.

Как же так случилось...а ведь мы могли быть друзьями...в другой жизни...

Испуганная и обескураженная, попятилась и спряталась за густым кустарником, решив караулить там.

Она настолько обрадовалась тому обстоятельству, что не упустила цель, что твёрдо решила держаться до конца. То есть до момента пробуждения парня. А там…там время покажет. Несколько раз Колганов начинал двигаться. Однако каждый раз это оказывались шевеления глубоко уснувшего человека. Время показало, что с каждой минутой, с каждым часом держать данное слово становилось тяжелее. У неё самой глаза уже неумолимо слипались. Сказывался напряжённый день накануне и длинная дорога. А ещё дразнил вид дрыхнущего журналиста.

Маржана кусала себя за губы, вспоминала анекдоты и даже сбегала к Волге. Холодная вода и впрямь помогла прогнать сон, но ненадолго.

В конце концов, от водных процедур начала замерзать. Свернувшись комочком и нахохлившись, стучала зубами под кустом.

И, незаметно для себя, провалилась в сон.

Глава 37

Колганов проснулся от движения воздуха.

Ветер в лесу?

Стояла глубокая ночь.

Вот это меня срубило!

Несколько секунд тревожно вглядывался в кромешную тьму, ощущая упругие порывы необычайно тёплого воздуха. Потягиваясь и зевая, выбрался из леса обратно на тропинку. На вершине Молодецкого кургана наблюдалась светящаяся точка. Постоянно мигающая, как спецсигнал.

Что это?

Весьма заинтригованный, журналист зашагал в направлении неопознанного светящегося объекта. Через какое-то время яркая точка превратилась в костёр, а мигания оказались хороводом вокруг него людей. Подойдя ближе, Колганов рассмотрел, что это довольно большой костёр, а все находящиеся рядом с ним люди - девушки в белых платьях. Взявшись за руки, они ритмично двигались вокруг светила. Одинаковые одежды в свете огнища не только не скрывали волнующих изгибов девичьих тел, а наоборот, подчёркивали стройный стан каждой танцовщицы.

Колганов, завороженный неожиданным зрелищем, сделал ещё несколько шагов вперёд. Тёплый ветер продолжал гладить небритые щёки.

Девушки расцепили руки и закружились соло. Невероятным

образом ритмика их тел совпадала с движением языков пламени. Подобную грацию Колганов не видел никогда прежде.

И невольно поймал себя на том, что неотрывно смотрит на одну из них, невысокого роста и светловолосую. Её лицо едва различалось, но незнакомка манила и притягивала. Такое он ощущал впервые в жизни. Пленительное, и одновременно вдохновлённое состояние блаженства. Тут к нему подмешалось ещё одно - ощущение того, что лицо девушки кажется смутно знакомым. Как если бы они виделись раньше. Она же не обращала внимания на стоящего с разинутым от удивления ртом Колганова. Более того, на него вообще никто не смотрел. То ли оттого, что девам не привыкать к ошарашенно пялящимся на них туристам, то ли потому, что журналист находится от них всё же в стороне. Плюс, его скрывает ночь, а танцующие находятся в центре светового пятна.

А спустя мгновение девы легко скинули платья, представ обнажёнными. Журналист облизал пересохшие губы. Девушки, как ни странно, выглядели эротично и целомудренно одновременно. И безумно красиво. Колганов, относившийся к представительницам прекрасного пола несколько цинично и потребительски, почувствовал, почему ради женщины мужчина готов совершать безумные поступки. Праздник женского начала, на котором он незваный гость, пьянил чувства и стопорил ум.

Меж тем, девушки увеличили темп.

Allegro…

Пламя, стараясь не отставать, уже вздымалось к звёздам. Искры, подобно фейерверку, разлетались далеко по сторонам. И, помаргивая, неторопливо оседали.

Голова кружилась, а тело отказывалось подчиняться командам мозга. Казалось, девушки собрались исключительно для него. И теперь танцуют, кружатся вокруг, избрав его центром своей вселенной.

Лица стали близки и различимы, как на ладони. В том числе той, образ которой бесцеремонно проник внутрь и прикоснулся к сердцу. В бездонных голубых глазах отражалась весёлая игра пламени. Девушки смотрели на неожиданно появившегося незнакомца без удивления, скорее, с искрой озорства. И постепенно приближались, сужая круг.

Я - костёр.

Это последнее, о чём подумал Колганов, прежде чем провалился в забытьё.

Глава 38

Маржану разбудил странный шорох. Немного прислушавшись, легко уловила направление и определила источник. Осторожно приподнявшись, вгляделась в темноту леса. Сначала послышался лёгкий хруст веток, а через несколько секунд под светом луны оказался Колганов. Дрожащий, разминающий затёкшие конечности и пристально смотрящий вперёд. Откашлявшись, медленно побрёл по тропинке, ведущей на вершину кургана. При этом не переставая невнятно бормотать под нос.

Мгновенно скинув остатки сна, девушка покралась следом. Журналист шёл не торопясь, и в каком-то месте споткнулся о вросший в землю камень. А когда остановился, преследовательница поймала себя на мысли о том, что, если тот резко обернётся, то непременно её увидит. Но Колганов и не думал озираться по сторонам. Что-то впереди слишком сильно завладело его вниманием. Поднявшись на вершину кургана, резко замер, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

Сомнабула

Маржане стало не по себе. Как тогда, когда в кафе на неё посмотрела молодая спутница журналиста. Хотя прошло уже много часов, она неустанно повторяла себе, что её не могли увидеть. Ведь их разделяло достаточное расстояние. К тому же она, пользуясь необычайной остротой зрения, наблюдение вела через узкую полоску автомобильного зеркала. Несмотря на это, леденящее душу беспокойство не хотело отпускать. И слова самоуспокоения не действовали.

Немедленно успокойся. Никого вокруг нет. Только мы двое. Я

это чувствую. Я это знаю.

Тишина заполнила всё пространство до единого уголка. Даже шагов не слышно.

И тут время остановилось. Когда Маржана сделала очередной вдох, в легких вместо воздуха оказалась пустота. Девушка схватилась за горло и сделала ещё несколько безуспешных попыток вдохнуть, больше напоминающих судороги. Голова закружилась, и она опустилась на колени. Тяжёлыми ударами молота по наковальне билось сердце. Грохот множился, грозясь расколоть черепную коробку. Постепенно звуки стали тише, а сокращения реже.

Мне конец

Отпустило так же внезапно. Маржана каталась по траве, хрипела и стонала, пытаясь надышаться. То, что крики могли услышать, теперь волновало меньше всего. Страшно хотелось жить.

Страшно

Придя в себя, девушка встала, намереваясь подойти к журналисту поближе. Но внезапный порыв горячего воздуха заставил сделать шаг назад. Глаза щипало, а по лбу пробежали капли пота.

Это невозможно...

Колганов продолжал стоять, покачиваясь и блаженно мурлыкая себе под нос. Никто и ничто его не интересовало.

Маржана в бессильной ярости сжала кулаки.

Приехать сюда только для того, чтобы...

И изо всех сил помчалась обратно.

Глава 39

Колганов лежал, прислушиваясь к пению птиц. Не совсем понимая, откуда они взялись. И, открыв глаза, несколько секунд находился в состоянии шоковой прострации. Затем память стала возвращаться, услужливо подбрасывая всё новые и новые фрагменты происходившей некоторое время назад реальности. Дорога к кургану, прохожие, от которых он зачем-то спрятался в лесу, неожиданно накативший сон...а дальше началось необычное.

Костёр на вершине кургана...костёр? Танцующие девушки...какие девушки?

Дальше...он сам в центре танца. Таинственная незнакомка, будто виденная ранее и прекрасно отложившаяся в памяти...

Отпечатки травы и мелких сучков на руках напоминали карту.

Колганов обхватил голову и застонал.

Что происходит, черт подери?

Закусив от боли губу, вскочил и, превозмогая сопротивление затёкших конечностей, заспешил к тропе. Ощущение дежавю не отпускало ни на мгновение.

Вот лежит большой камень...я его видел...во сне... А вот куст...а чуть дальше встретится...

К этому моменту вспомнилось всё. Поэтому заранее знал, что встретится на пути. Действительно, всё сходилось со стопроцентной точностью: вот здесь лежит небольшой камень, о который едва не споткнулся. Чуть поодаль - сухая ветка. Где, где... Да, вот же она! Только в солнечном свете ветка на поверку оказалась небольшим поваленным деревом. Или консервная банка, на боках которой минувшей ночью играли отблески пламени - вот она, лежит себе, целёхонькая.

Однако, достигнув вершины, Колганов в растерянности замер.

Может, всё же это был сон?

Следы того, что накануне ночью здесь полыхал большой костёр, и кто-то вокруг него танцевал, отсутствовали.

Глава 40

Маржана яростно вцепилась в руль и изо всех сил давила на педаль акселератора, глубоко внутри намереваясь впечатать её в пол. Бмв свистел турбокомпрессорами и разрывал пространство на две части. Но бешенная скорость и опасная игра в слалом на трассе не приносили облегчения. Скорее, наоборот: показывала, что далеко не всё в её власти. Девушка чётко поняла, что находилась в непосредственной близости от огня, но не видела его. Чувствовала, ощущала, но не смогла узреть. Как если бы кто-то намеренно помешал. И это бесило.

Что я скажу отцу?

Гнев и напряжение постепенно уходили, уступая место усталости.

Спустя несколько часов, с наступлением утра, следом за чёрным бмв аналогичным курсом последовала другая машина, серебристый форд.

Глава 41

На душе было неуютно и непонятно. Колганов потягивал воду, ерошил волосы и безуспешно пытался выбрать исполнителя в магнитоле. Нахмурился и бросил это бесполезное занятие.

Помимо ночного танца, или сна о ночном танце, из головы не выходила Даша, напророчившая встречу с таинственной светловлаской.

И костёр...Даша упомянула костёр.

Даша сказала про огонь, и он действительно видел во сне танец красивых девушек вокруг костра. Это совпадение не давало покоя.

А что, если это не совпадение, а Даша действительно заглянула в моё будущее?

И что, если это был не сон, а...

А вот на этом месте разум стопорило. Во всяком случае, разумную его часть. Предсказания? Мистика? Нее, это для слабых умом. Для тех, кто запоем читает "8-й день недели" и подобную литературу. Впрочем, слово "литература" может обидеться в ответ на сие сравнение. Ирония судьбы заставила Колганова усмехнуться: он ни в грош не ставил журнал, в котором работал, и в тоже время оказался в роли своего читателя. Ещё немного, и поверит в загробный мир своих россказней.

Вылил остатки воды на голову и остановился около придорожного магазина, чтобы взять пару банок энергетика. А когда открыл дверь машины, услышал за спиной женский голос:

- Молодой человек, возьмите попутчицу.

Колганов обернулся и оторопел. В двух шагах от него стояла девушка из сна: миниатюрная блондинка с роскошными волосами. И до странного знакомым лицом. Незнакомка захлопала длинными ресницами и улыбнулась. Спустя несколько секунд до Колганова дошло, что он просто тупо утонул в больших зелёных глазах.

- Я...конечно...присаживайтесь. Я еду в Москву.

- Ура, я угадала! - Весело ответила девушка. - Один-ноль в мою пользу!

- Прошу прощения, - смутился он, - чёт я не догоняю.

- Всё нормально, - блондинка поспешила успокоить, - не обращайте внимания на мои шуточки.

- Наверное, мне просто нужно проснуться.

С этими словами Колганов открыл одну банку напитка и протянул девушке, но та отказалась:

- Спасибо, я бодрячком.

Он улыбнулся, заводя мотор и трогаясь:

- В таком случае она моя. Кстати, я Егор. - Совсем недавно я уже говорил эти слова. - А как зовут мою прекрасную спутницу?

Девушка несколько мгновений не сводила с него изучающего взгляда.

- Зови меня Псиведьмой, Егор.

Журналист поперхнулся уже проглоченным "Рэд Буллом".

- Что? Как? Псиведьма? - Он прокашлялся. - Прости. Просто я

как-то по-другому представлял себе ведьму.

Девушка снова прищурилась, внимательно вглядываясь в лицо молодого человека.

- По-другому? Старую и верхом на метле?

- Ну, типа того.

- Извини, что не соответствую образу.

- Я этому только рад.

- Смотри на дорогу, Егор.

Колганов и правда большую часть времени смотрел не вперёд, а на новую знакомую.

- Ладно...Псиведьма.

- Можно просто Пси.

- Окей.

Егор сделал большой глоток ледяного напитка, залпом проглотил и решился:

- Пси, а мы раньше не встречались? Просто твое лицо кажется знакомым.

- Встречались. Сегодня ночью. Когда ты подглядывал за тем, как я танцую.

Колганов от неожиданности дернул руками и форд едва не влетел под колёса мчащему навстречу грузовику. Отрулил в последний момент и с трудом стабилизировал машину. Банка вылетела из руки и её содержимое расплылось огромным пятном на штанах.

- Не против, если остановимся?

И, не дожидаясь ответа, притормозил и съехал на обочину.

Переводя взгляд то на испорченные штаны, то на Псиведьму, не знал, что сказать. Наконец, воздел руки и отстегнул ремень безопасности. Псиведьма же спокойно наблюдала за взволнованно расхаживающим вокруг машины парнем.

- Может, выйдешь? Поговорим...

Она встала рядом, облокотившись о машину и подставляя лицо порывам теплого ветра.

Наконец, Егор нарушил молчание:

- Мне кажется, я схожу с ума.

Псиведьма, не щурясь, смотрела на солнце и улыбалась.

- Да ну.

Колганов уловил её тон и нахмурился.

- Ты издеваешься? Ты же знаешь больше, чем говоришь!

Девушка посмотрела на него с вызовом:

- А ты пишешь больше, чем знаешь!

Возразить было нечем, и он просто рассматривал проезжающие мимо машины.

- Ладно, - начал Колганов примирительно, - я гадкая журналистская скотина. Я прекрасно это знаю. Просто стараюсь лишний раз не вспоминать об этом, чтобы не травмировать самооценку.

- Я не собираюсь тебя судить, Егор. - Голос Псиведьмы звучал спокойно, даже слишком спокойно. - Каждый волен делать выбор. Но человек может многое изменить, в том числе в своей жизни. Поехали, поговорим по дороге.

- Хорошо. Ответь сейчас на один вопрос.

- Слушаю.

- Наша встреча случайна или...

- Второе.

Форд заурчал мотором, и вернулся на дорогу.

- Между прочим, мне про тебя говорили. - Признался Колганов. - Какая-то девушка подсела в кафе и предложила погадать.

Псиведьма вскинула брови.

- Вот как! Готова поспорить - ты не веришь гадалкам.

- Не верю, - он не стал отпираться.

- И даже сейчас не веришь!

В её голосе зазвенели нотки вызова.

- Ну...

- Можешь не отвечать, Егор.

Пятно на штанах немного подсохло, но всё же вызывало неприятные ощущения.

Как и этот разговор.

Они проехали с добрый десяток километров, и теперь уже молчание сворачивалось тугой пружиной, готовой в любой момент выйти из-под контроля. Первым не выдержал Колганов.

- Чёт тяжело началось наше знакомство. Может, попробуем

снова. - И протянул руку. - Егор.

В зелёных глазах спутницы промелькнули тёплые нотки.

- Пси.

Колганов почувствовал, как её ладонь, скорее, ладошка, совсем утонула в его собственной.

Пси... и правда, она самая настоящая пси...

- Не знаешь, с чего начать? - участливо осведомилась Псиведьма.

- Честно говоря, да. - Егор удручённо покачал головой. - Вообще ничего не соображаю. Как-то накатило...всё и сразу. Слишком много событий за последнее время... - Он на мгновение сжался... и выпалил то, что интересовало больше всего. - Расскажи, пожалуйста, о ночном танце.

Псиведьма, прежде чем ответить, немного помедлила.

- Костёр, виденный тобой, предназначался для человека, особенно нуждающемуся в тепле. Он умирал от множества ран, нанесённых несправедливой рукой. Огонь вдохнул в его остывающее тело тепло. А мы...мы просто помогали огню. Мы же Солнечные.

Солнечные

Знакомое слово резануло слух.

Псиведьма, насколько позволял ремень безопасности, приблизилась.

- Прости, не расслышала, что ты сказал?

- Я? - Колганов даже вздрогнул от удивления. - Я ничего не говорил!

- Ну ладно. - Она разочарованно вздохнула и вернулась на место. - А то мне что-то послышалось.

Колганов нахмурился.

- Пси, а кто такие Солнечные?

- С удовольствием отвечу на твой вопрос, Егор. Только, боюсь, лучший журналист "8-го дня недели мне не поверит. - Скептически парировала девушка. - В силу того, так скажем, что покрыт толстым слоем профессиональной корки.

- Корочки. - Заступился за себя Колганов. - Мне всего двадцать пять, и у меня корочка. А вот у моего главреда Бергера самая что ни на есть настоящая... - и тут же осёкся, вспомнив, что Бергер мёртв.

- Ужасная смерть, правда?

Он не устал поражаться её осведомлённости.

- Откуда ты всё знаешь? И про мою работу, и про моего начальника...бывшего?

- Я многое знаю, Егор. Но не всё.

- По-моему, ты прибедняешься.

- Нет, Егор. Я говорю правду. Я знаю только то, что мне положено знать.

- А кто решает, что именно тебе положено знать? Кто этот человек?

- Это не человек.

- Прости, что? - переспросил Колганов.

- Это эгрегор. Эгрегор Солнечных.

- Эгрегор... знакомое слово. А что ещё ты знаешь про меня?

- Знаю, что тебя выбрали хранителем карты. Мы все знаем, кто хранитель.

Он слышал это не впервые, но упорно продолжал открещиваться от навязываемой роли:

- Если что, я на это не подписывался.

- Не имеет значения. - Пси вспомнила Колу и печально покачала головой. - Потому что человек не знает, какой крест ему уготован.

Егор продолжал отпираться.

- А я вот ни разу не чувствую в себе силу для...

- Ты видел костер? Видел танцующих дев?

- Да, но...

- Костёр открывается только избранным. Значит, выбор пал именно на тебя. Никто, кроме тебя, не видел нас. Даже та, которая следовала за тобой по пятам.

- Чёрная?

Псиведьма вздрогнула. Настала её очередь удивляться.

- Да. Откуда ты знаешь, ты же не видел преследовательницу?

- Даша сказала. Та девушка в кафе... А когда я познакомлюсь вживую с этой...чёрной? А то только и разговоры про неё.

- Вы знакомы.

Колганов оторопел. В голову пришло только одно имя.

- Маржана?

- Она самая.

- Интересная особа, - задумчиво изрёк он.

- Что ты в ней нашёл? - голос Псиведьмы дрогнул. Но, казалось, собеседник этого не заметил.

- Да хотя бы то, что она сожгла эту вашу карту!

- Странно...

Пси пыталась понять, зачем Маржане понадобилось уничтожать карту. Подобное действие является не только нелогичным, но вообще безумным. Впрочем, ответ на сию загадку оставался неведом.

Колганов, тем временем, продолжил:

- Заговорила меня, заморочила, чтобы я дал ей карту в руки, а потом уничтожила. Правда, так и не понятно, как у неё получилось.

- Ладно. - Она решила прекратить ломать голову над этой загадкой. Придёт время, и нужная дверь откроется. - Не всё так страшно, раз сумел найти дорогу к храму и встретил меня.

- Тебя - встретил. - Уточнил он. - А вот храм - нет.

Псиведьма несколько секунд смотрела на парня, потом отвернулась на дорогу.

- Притормози здесь, я выйду.

Её голос прозвучал откуда-то издалека. Налетел как раскат грома и вывел из оцепенения.

Колганов подскочил в кресле, словно ужаленный.

Мы уже в Москве!

За разговором даже не обратил внимания не только на то, что так быстро вернулся домой, а даже на то, что уже катит по знакомым местам.

Псиведьма легко выпорхнула из машины. Колганов не мог не отметить её кошачью грацию и изящные формы.

- Тебе нужно хорошо отдохнуть, Егор. У тебя измочаленный вид.

Сравнение позабавило.

Я - мочалка. Меня мочалили, измочалили, да не вымочалили...

- Как мне тебя найти? - Скрыть в голосе нотки надежды не удалось. Дорога неведомым образом их сблизила.

- Я сама тебя найду, когда придёт время.

Это не совсем то, что хотелось услышать.

- Послушай, Пси...

Она склонила голову, поправляя волосы.

- Что?

- Мы раньше не встречались? Просто твоё лицо кажется смутно знакомым.

Псиведьма выпрямилась. Глаза защипало, но желания показывать эмоции не было.

- Тебе так кажется потому, что я очень похожа на человека, которого ты знаешь. Я говорю о том, в которого стреляли и который перед смертью поведал тебе о карте. Кола - мой родной брат.

С этими словами она захлопнула дверцу и быстро зашагала прочь.

А когда Колганов опустил глаза, то увидел странный предмет, лежащий на пассажирском сиденье. Первый порыв был окликнуть Псиведьму и вернуть ей то, что она забыла. Но спустя мгновенье, сам не зная почему, он отказался от этой затеи и взял предмет в руку.

Это была свежая берёзовая веточка.

Глава 42

Яркий свет бил в глаза и раздражал. Человек сначала приоткрыл глаза, потом зажмурился от резкой боли.

Свет

Мужчина не помнил, кто он, где находится и что вообще здесь делает. Точнее, почему ничего не делает, а просто лежит пластом.

Свет

Но он холоден, как лёд

Человек попытался пошевелится, и это удалось с превеликим трудом.

Около головы что-то пискнуло и загудело.

Он лежал, тяжело дыша и копя силы для следующей попытки.

Этот свет не греет

Поначалу не хотевшее слушаться тело постепенно начало наполняться теплом. Вместе с возвращающимися ощущениями проснулось странное неудобство. И только спустя несколько минут мужчина осознал причину: к нему прикреплено множество датчиков, шланги и трубочки. Весь этот ассортимент и вызывал неприятные чувства.

Странный писк у изголовья только усилился.

Мужчина попытался посмотреть на его источник, однако сил повернуть шею не оказалось.

Ну и ладно. Мне и так хорошо

Но упрямство вперемежку со злостью заставили снова и снова делать попытки. Пока, наконец, одна из них не увенчалась успехом. Человек стиснул зубы от боли и замер на мгновение в крайнем положении. А потом открыл глаза: источником неприятного звука оказался прибор с экраном, похожий на телевизор.

Только не телевизор.

На чёрном экране отображались графики. Справа от них - большие цифры. А сбоку и ниже - ещё целая россыпь цифр поменьше. Графики напоминали бушующие волны, следом за ними стремительно менялось и значение цифр. Мужчина не знал, что это такое. Устало откинувшись на подушку, лишь чувствовал, что совсем обессилел.

Никогда не сдавайся

Эти странные мысли неожиданно пришли на ум. Зачем? К чему они? Ответа на эти вопросы не знал.

Монитор пациента передал на центральную мониторную станцию информацию о резком изменении состояния больного.

Следующее, что решил сделать человек - это поднять руку. Обычно это плёвое дело, но сейчас всё обстояло иначе.

Где я? Что происходит?

Странные обрывки мыслей, больше похожие на воспоминания, роились в черепной коробке. Холодный люминесцентный свет раздражал глаза и пробуждал память. В какой-то момент человек, настолько погружённый в самого себя, даже перестал слышать назойливый писк. Отсутствующий взгляд широко открытых глаз волнами отражался от потолка и возвращался к первоисточнику.

Этот свет не греет

Мужчина не знал, не видел, что через стеклянное окно в двери, отделяющей помещение, в котором он находится, от смежного, на него с изумлением взирает пара женских глаз. Молодая женщина в белом халате дрожащей рукой подняла трубку. Через несколько секунд, прокашлявшись, в ней зазвучал мужской голос:

- Слушаю тебя, Марина.

- Андрей Евгеньевич. - Молодая женщина сглотнула, не в силах оторвать взгляда от происходящего в соседнем зале. - Андрей Евгеньевич, там пришёл в себя...

Увиденное через окошко двери заставило её потерять дар речи.

□□□

Человек...улыбнулся. Холодный люминесцентный свет перестал раздражать.

Правая кисть оказалась сжатой в красноречивую фигуру с оттопыренным средним пальцем.

Глава 43

- Любишь искусство? Ну там картины, статуи и прочее?

Колганов мгновенно узнал голос в трубке. Он настолько обрадовался звонку, что даже благодарно воззрился на небо.

- Знаешь, ради тебя я готов полюбить что угодно.

- Хорошо. Запомню твои слова и при случае использую против тебя. - Пошутила Пси. - Заезжай за мной и прокатимся. На Остоженке есть небольшой островок, где время не властно над пространством. Нечто среднее между музеем и картинной галереей.

- Окей. - Обрадовался он. - Сейчас как раз мечтал о том, чтобы проветрить мозги.

Она засмеялась.

- Проветришь. Ещё как проветришь.

Колганов приехал по указанному адресу и Пси, несмотря на то, что одета в обтягивающее вечернее платье цвета бордо, легко впорхнула в салон.

- Ты великолепна, - невольно вырвалось у него.

Она немного покраснела.

- Спасибо.

- Честно говоря, не ожидал, что ты позвонишь..., - Егор не договорил.

- Что я позвоню так быстро? - Она пытливо на него посмотрела. - Или вообще позвоню?

- В общем, да. - Признался он. - И то, и другое.

- Ну вот видишь, какая я непредсказуемая, однако. Приличия ради будем считать нашу встречу не свиданием, а...эмм...экскурсией. Я - твой гид, экскурсовод в мир таинственного и неизведанного.

- Ого! - Подыгрывая, воскликнул Колганов. - А денег-то мне хватит на оплату билета?

- Деньги - это всего лишь деньги. Моя цена - гораздо большее!

- Душа? - Предположил он. - Сердце? Почки? Печень не предлагаю, потому что она, думаю, далека от товарного вида.

Оба засмеялись.

- Если без шуток, - продолжила Пси серьёзным тоном, - то хочу показать тебе работы солнечных мастеров: художников, скульпторов. Ты и так достаточно увидел недавно, так что, считай, твой билет оплачен заранее.

- Звучит интригующе, - признался он, безуспешно стараясь не утонуть в её бездонных глазах.

- Скоро увидишь. Внешне ничем не примечательное место. Скорее, наоборот. Но для ценителей, для тех, кто знает...

Как девушка и предупреждала, музей оказался снаружи практически незаметным. Крошечная вывеска - Колганов прошёл бы мимо, не обратив внимания. Может, так и задумано?

Псиведьма словно прочла мысли журналиста:

- Официально - Музей копий. На самом же деле...

- Я тебя понял, - отрапортовал он бодро.

Внутри прохладно. Свет слегка приглушен. Но экспонаты - картины, скульптуры и другие предметы искусства, индивидуально подсвечены. И тишина. Несколько посетителей неторопливо прохаживаются, подолгу замирая у каждой из художественных работ.

Псиведьма легонько прикоснулась к Егору плечом. От этого

невинного жеста сердце парня бешено заколотилось. Она уловила это его состояние, и прижалась немного сильнее. Колганов обнял её за талию и тут же отпустил, почувствовав, что не может совладать с эмоциями. Пси улыбнулась. Оба продолжали молчать.

- Кто-то обещал быть моим гидом, - прошептал он.

- Помню, помню. - Он тоже перешла на шёпот. - Просто боюсь помешать своей болтовнёй остальным.

- Перефразируя слова главного героя фильма "Шоколад": хорошая отговорка, правильная. Но - не канает.

Псиведьма ткнула его пальцем в бок.

- Ах так! - С дружеским вызовом зашипела она. - Ну смотри, когда все уйдут, запру тебя здесь, устрою тебе другое кино - "Ночь в музее". Вот тогда пожалеешь, что задирал меня!

- Боюсь, боюсь!

- Так и быть, выполню своё обещание. - Девушка взяла журналиста под локоть, и они шагнули к висящей напротив картине, отображающей внутреннее убранство старорусской избы. - Василий Поленов, интерьер русской избы. Кстати, само слово "изба" на Руси имело множество вариантов произношения в зависимости от места проживания: ызба, изьба, истопка и так далее. Все эти слова часто мелькают в летописях и имеют прямую связь с глаголами "топить", "истопить". Ларчик открывается просто: изба, прежде всего, это здание, оборудованное печкой и призванное согреть в лютый мороз.

Колганов всматривался в полотно, внимательно при этом слушая Пси. Картина дрогнула и начала расплываться. Он проморгался. Зрение вернулось, но...работа великого художника стала трёхмерной. Как если бы на журналисте были 3D-очки. Интерьер расширился, и вместе с приобретением полноты наполнился новыми красками. Заскрипели ставни, берёза за окошком качнулась от дыхания ветра. Ноздри защекотал сладкий ароматный дым.

Голос его гида долетал откуда-то издалека. Слов не разобрать, и он просто перестал вслушиваться, отдав себя во

власть происходящему. Сколько так продолжалось, непонятно. И Псиведьма, повторив что-то несколько раз и не услышав ответа, перешла к действиям.

Почувствовав, как спутница потянула к следующей картине, Егор не стал сопротивляться. Они остановились у знаменитого полотна, которое, в общем, не нуждается в представлении.

- А вот копия "Богатырей" Васнецова, - продолжила экскурсию девушка.

- Я как бы догадался. - Он подмигнул. - Что это копия "Богатырей" Виктора Михайловича Васнецова. - И, решив сумничать, продолжил. - Родился в 1848 в Вятской губернии, умер в 1926 году уже в Москве.

Псиведьма так пытливо на него посмотрела, что Егор почувствовал некоторую неловкость.

- Вижу, ты прекрасно осведомлён в вопросах исторической живописи. - Вкрадчивым голосом прошептала она. - Раз так, напомню лишь, что перед нами подлинник.

- Ну прости. - Взмолился он. - Всё. Умолкаю. Просто решил повыпендриваться. Ведь мы ещё в школе проходили...

Он запнулся, когда переварил услышанное.

- Как подлинник? А что тогда в Третьяковке?

- Копия. Качественно выполненная копия. И если поставить две работы рядом, можно найти три маленьких отличия. По числу действующих лиц.

Колганов стукнул себя по лбу.

- А, блин, вспомнил, ты же в самом начале сказала, что здесь собраны копии, которые оригиналы.

Он изумлённо всматривался в работу великого мастера. Через несколько секунд острота зрения резко снизилась и снова вернулась в норму, но

И эта картина приобрела многомерное выражение

три великих русских богатыря ожили. Кони заржали, а всадники сурово воззрились на человека, посмевшего нарушить их покой. Былинные богатыри казались огромными и источали недюжинную силу. И человек, стоящий перед ними, невольно отшагнул назад.

Верю, верю, что вы легко могли дать бой Змею Горынычу.

Алёша Попович зевнул во весь рот, а Илья Муромец неожиданно весело подмигнул вконец обалдевшему журналисту.

Затем всё вернулось на круги своя. Егор обернулся и посмотрел по сторонам. Никто не обращал на него внимания.

- Кажется, я схожу с ума, - едва слышно выдавил Колганов.

- Не парься, - успокоила его Пси, - на самом деле есть множество картин, которые людьми, в том числе профессионалами, считаются подлинными. Но которые, тем не менее, являются копиями.

Она меня не поняла. Ну и к лучшему.

Следующей на пути оказалась небольшая, около метра высотой, статуя. Изваяние, красивая молодая женщина, в одной руке держит розу, а вторую опустила на складки одеяния.

- Это Афродита мастера Стефано Галуччо. Есть ещё аналогичная работа, выполненная в полный рост. Считается, что именно она последняя, выполненная великим итальянцем. На самом деле это не так. После того, как Афродита была передана заказчику, Стефано тайно выполнил её уменьшенную копию. Первая статуя бесследно пропала после Второй мировой войны. Через двадцать лет обнаружена на одном из складов компании, занимающейся крупнооптовой торговлей.

- Занятная история. А каким образом уменьшенная Афродита попала в музей Солнечных?

- Честно? - Пси покраснела.

Егор улыбнулся.

- Разумеется.

- Если честно, то не знаю. Никогда не задавалась этим вопросом.

- Ну и отлично, - с облегчением выдохнул он, - а то я уж начал думать, что ты всезнайка.

- Я малознайка. - Прыснула Пси. - Зайка-малознайка!

Колганов продолжал улыбаться, когда в глазах снова поплыло.

Он стоит у большого окна в мастерской скульптора. На длинных полках - два десятка небольших статуэток, отражающих любовь творца к мифологии Древней Греции. На полу - еще несколько статуй крупнее и ещё большее количество заготовок под будущие работы. Внимание сразу привлёк прикреплённый к стене цветочный горшок с бело-розовой орхидеей. Удивлению не было предела: зачем столь прекрасный цветок помещать в полную каменной пыли мастерскую? Лишь после того, как журналист приблизился к цветку вплотную, оказалось, что тот выполнен из камня разного оттенка. Причем выполнен настолько филигранно, что сразу и не отличить от живого!

Рядом с большим окном человек. Рядом с человеком большой стол, заставленный специнструментом, предназначенным для ударной обработки камня: бучардами разного размера, зубатками, скарпелями, троянками и шпунтами.

Ваятель обращён к Колганову спиной, и потому не замечает присутствия постороннего. По этой же причине не видно самой работы. Однако есть подсказка: рядом стоит глиняная модель в натуральную величину - молодая женщина, одетая в хитон. В правой руке она держит цветок, а левую положила на складки одежды. Творец что-то напевает, но так, что слов не разобрать. Он сделал шаг назад и придирчиво посмотрел на работу. Это его любимое творение - Прекрасная Афродита. Выполнена из белоснежного Каррарского мрамора, добытого на каменоломнях Северной Италии и доставленного заказчиком сюда, в холодный Ольборг. Неспроста название города Каррара в переводе с кельтского означает "каменоломня". Еще немного поработав шлифовальной бумагой, сдул пыль и отер с грязного лба крупные капли пота.

В дверь мастерской осторожно постучали.

- Caro mio, ужин готов! - голос принадлежит молодой привлекательной женщине с коротко стриженными светлыми волосами.

- Perfetto! - Мужчина улыбнулся. И непонятно, супруге ли адресовано восклицание, или же другой женщине - замершей с каменным цветком в руке. - Скоро буду!

Несмотря на то, что жена датчанка, она, тем не менее, выучила множество красивых итальянских слов, чтобы сделать супругу приятно. Как приятно. Ах, моя любимая Карин!

Колганов сначала испугался, что молодая женщина, завидев его, поднимет шум. Ведь он как раз находится в поле её зрения. Однако она спокойно смотрит сквозь него. Подняв руки, Егор внимательно себя осмотрел и не нашёл ничего необычного. Человек как человек. Из плоти и крови. Странно.

Тем временем хозяин мастерской повернулся и зашагал прямо на журналиста. Тот похолодел и отшатнулся. Как ни странно, но и мужчина не обратил на парня никакого внимания. Значит, для них я невидимка. Пипец. Приехали... Снял с большого ведра крышку, умылся и вымыл руки. С чистым лицом он выглядит намного моложе, немногим более сорока лет. Темноволосый, с орлиным профилем. Ловко стянул с вешалки плащ и вышел в противоположную дверь, стараясь притворить как можно аккуратнее. Когда же она заскрипела, мужчина недовольно стиснул зубы и зашагал прочь, оставив дверь приоткрытой. Колганов бесшумно последовал за ним.

Через несколько минут скульптор сбавил ход и побрёл совсем неторопливо. На пути встречались как гужевые повозки, так и автомобили. Немного позже они дошли до небольшого католического храма. Зайдя в притвор, мужчина обмакнул пальцы в кропильницу и перекрестился - сначала левое плечо, затем правое. А в помещении храма задержал взгляд на неугасимой лампаде и совершил коленопреклонение перед дарохранительницей. Глаза же самого Колганова резануло отсутствие иконостаса. Главное место занимает алтарная часть, включающая в себя пресвитерий.

Скульптор опустился на колени и начал молиться.

- Отец Всемогущий, я достаточно пожил на свете и совершил много нехороших поступков. Некоторые от незнания, другие самочинно. Не спешу себя обелить, да и понимаю, что перед Твоим взором это бесполезно. Ныне мне выпал жребий совершить последний шаг. Как ни странно, но я знаю, что меня ждёт. Но я боюсь, моя участь меня страшит. Поэтому я здесь, разговариваю с Тобой. Надеюсь, выйдя отсюда, обрету мужество принять свою участь достойно. Буду считать это Твоим последним испытанием, уготованным мне. Лью слёзы скорби оттого, что не могу проститься с Карин. Она та женщина, в которой обрёл поддержку, любовь и вдохновение. Прошу Тебя дать ей понять, что я её очень люблю и всё, что делал, творил - только для неё. Даже этот последний шаг - для её безопасности и будущего...

Колганов понял, что мужчина не столько молится, сколько разговаривает с Богом. Впрочем, не одно ли это и тоже? Внутренне убранство храма выглядело аскетично, и журналист от нечего делать разглядывал замысловатый лабиринт, выложенный на каменном полу. За всё это время ни одна живая душа не потревожила их скорбное одиночество. Храм стал вне времени. А, посмотрев в витражи, заполняющие оконные проёмы, окончательно в этом утвердился: на улице стоит уже глубокая ночь.

- Не знаю, что будет с моими работами. Сейчас, наверное, это не то, что должно меня волновать. Но они - частица меня, моей души. Своими руками, своими работами я хотел пролить на землю твой солнечный свет. Звучит надменно, знаю, но именно так и думал, не переставая. И если хоть один человек, смотря на них, сердцем станет ближе к Тебе - буду счастлив. - Он замолчал на минуту, затем продолжил срывающимся голосом. - Я гордец! Самовлюблённый болван! Ведь даже к Карин был бесчувствен и холоден. Что я наделал... - И молящегося сотрясли рыдания. Он резко поднялся и направился к выходу.

Вдохнув свежую прохладу полной грудью, мужчина уверенно зашагал дальше. Колганов, сбившийся со счёта времени, и сейчас не понимал происходившего. Видно лишь то, что идущий впереди человек принял окончательное решение и окончательно избавился от сомнений. Остановился он на середине большого моста, освещаемого тусклым светом фонарей. Вскоре с противоположной стороны на мост въехал автомобиль и

остановился рядом. Из машины вылезли двое в тёмных пальто и шляпах: один высокий, другой коротышка.

Заговорил тот, что пониже:

- Are you ready, Stefano?

Голос оказался скрипучим и противным.

Скульптор, доселе облокотившийся на ограждение и всматривающийся в далёкие огни, обернулся к незнакомцам.

- Quando?

- Говори по-английски, мерзавец! - Рассвирепел коротышка и обратился к спутнику. - Что он сказал? Я же знаю, что он прекрасно нас понимает!

- Думаю, понимает, мистер Дюваль, - отозвался высокий спутник, - этот человек спрашивает "когда?".

- Когда, когда! Вот гадёныш! - Не унимался коротышка. - Спроси его, любит ли он купаться!

Но, не успел высокий открыть рот, как Стефано спокойно произнёс:

- Aqcua fredda.

Коротышка смачно сплюнул под ноги.

- Что он сказал?!

- Он сказал "вода холодная".

- Почему он не разговаривает с нами по-английски? - Коротышка от ярости ажно подпрыгнул на месте. - Стив, что он этим хочет сказать?

- Боюсь, мистер Дюваль, только то, что презирает вас.

И внимательно посмотрел на поперхнувшегося от услышанного мистера Дюваля.

- Кончай его! - Коротышка, глядя на повернувшегося к ним спиной Стефано, заскрежетал зубами. - Я больше не могу терпеть это издевательство!

Высокий молниеносно выхватил пистолет и выстрелил скульптору в сердце.

Глава 44

Неизбежное прими достойно. Простая фраза. Легко запомнить, ещё легче сказать. Но когда знаешь, что сейчас умрёшь...Нет! Никто не умирает, никогда. Каждый живёт в последствиях своих поступков, в детях, наконец, в плодах своего труда. Как он, Стефано Ferrabezzo Галуччо. Почему Ferrabezzo? Хороший вопрос, на который никогда не отвечал. Просто так. Но сейчас...сейчас можно. Этим словом его называла в детстве первая любовь, маленькая девочка по имени... Впрочем, пусть сие останется тайной. Маленькой тайной. Одна тайна раскрыта, а её место заняла другая. Здорово, правда? Загадки - это так весело и интересно.

Даже сейчас, когда перед ним, с намерением убить, стоят два господина - один высокомерный, а другой его слуга, Стефано не то, чтобы хотелось повыпендриваться, а, скажем так, не хотелось вести себя банально и заранее предсказуемо. Попытка скрыть собственный страх, самоутвердиться? Да плевать! Особенно когда жить осталось всего ничего. И за спиной - то ли прохладное дыхание вод Лим-фьорда, а то ли сама смерть в нетерпении потирает руки.

Эта парочка, как их там по имени, пристально на него смотрит. Коротышка нервничает и бесится. Хочет увидеть страх в глазах жертвы, хочет мольбы о спасении, но натыкается на стёб.

Стефано повернулся к ним спиной и облокотился на ограждение. Послышался неясный шорох одежды. Боли не было. Лишь звук выстрела. Приглушённый, прилетевший откуда-то издалека. Теперь всё.

Глава 45

Всё произошло настолько неожиданно и быстро, что Колганов не успел ничего предпринять. Да и мог ли вмешиваться в судьбу великого мастера? Мистер Дюваль и Стив подбежали к ограждению и долго всматривались в воду, поглотившую тело.

- Я его не вижу. - Коротышка хмурил брови. - Стив, где он?

- Всё в порядке, мистер Дюваль. - Стив, не горящий желанием лезть в воду, поспешил успокоить босса. - Не волнуйтесь. Я видел, что попал в самое сердце. У него не было шансов.

Мистер Дюваль, терзаемый сомнениями, медлил с ответом.

- Ладно, поехали. Не хватало, чтобы нас тут увидели.

Они запрыгнули в машину и скрылись.

Глава 46

Колганов проморгался и отёр вспотевший лоб.

- Тебе плохо? - Пси обратила внимание на его усталый вид.

- Просто поддался эмоциям, - попробовал он отшутиться. Впрочем, не помогло.

Она протёрла платком его лицо и поправила волосы. От прикосновений по телу пробежали мурашки удовольствия.

- Мне кажется, тебе нужно на свежий воздух. Закончим нашу культурную программу? - Предложила девушка.

- И перейдём к бескультурной? - Пошутил Егор. - Всецело поддерживаю!

- Мальчонка раскатал губу. - Пси улыбнулась. - Ой как приятно! Мы не к бескультурной, как ты неосторожно заметил, части перейдём, а к развлекательно-оздоровляющей. Согласен?

- Я весь ваш!

- Тогда погнали.

- Пункт назначения, как обычно, тайна?

- Разумеется.

Глава 47

Она села на заднее сиденье и скомандовала "не оборачиваться под страхом наказания". Впрочем, какого именно, не уточнила. И невероятным образом сменила платье на шорты и футболку. Пунктом назначения оказался небольшой пляж. Точнее, небольшая безлюдная его часть. Крошечный песчаный кусочек, одной стороной уходящий в воду, а с другой подпираемый лесом. Солнце завершило дневной круг и спряталось за деревьями, оставив их одних.

Журналист сбросил одежду и, разбежавшись, бросился в омут с головой. Тёплая вода, словно наждачная бумага, стирала с памяти недавние видения. Ещё несколько погружений, несколько взмахов рук и прошлое казалось тяжёлым сном. Который надо поскорее забыть. Ведь сейчас он бодрствует. А прошлое никогда не вернётся.

И заплыл так далеко, что Пси превратилась в крошечную фигурку, едва различимую во мгле. Она что-то прокричала и помахала рукой. Он махнул в ответ и решительно поплыл дальше. Лунная дорожка, отбрасываемая молодым месяцем, стала ориентиром и направлением. Только высвободив энергию движения, усталый и удовлетворённый, повернул обратно. Выбрался на сушу и рухнул на песок. Пси неторопливо обошла растянувшегося звёздочкой журналиста. Он же не сводил взгляда с её гибкой фигуры, с нежного золотистого загара, украшенного узором приклеившихся песчинок. Какая же ты страшно красивая. В ярком свете луны она выглядела, она выглядела...Пси же, чувствуя его состояние, описала ещё круг. И он расслабился. Забыл обо всём и отпустил ситуацию. Не следил, что говорит. Не старался выглядеть лучше, чем является на самом деле. Просто упивался моментом, наслаждался каждым мгновением, дарованным Вселенной.

Она остановилась и распушила волосы. Небольшая грудь, едва прикрытая нежно-голубым бюстгальтером бикини, томно вздымалась. Соски, прежде едва заметные, теперь выступали отчётливо. Две кнопочки "пуск". Егор едва не захлебнулся волной

адреналина: состояние, когда хочется идти напролом, и одновременно ловишь кайф от бездействия.

А потом она склонилась над ним. Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на её роскошное тело. От жаркого дыхания, от длинных волос, ласкающих лицо и грудь, по телу пробежали миллионы электрических разрядов блаженства. И не осталось сил шевелиться, разговаривать и даже думать. Какая ты красивая.

Первый поцелуй. Робкий, нежный и...невинный. Она едва прикасалась. Губ, шеи, груди... Остановилась, рассматривая родинки и шрамы. Нежно провела по ним рукой. Колганов застонал от едва контролируемого возбуждения. А Пси, смотря ему в глаза, неторопливо опускалась ниже и ниже.

Она надо мной издевается...ласково издевается...

Глава 48

Тот, кто отгадает, почему пешеход, в особенности это касается прекрасной половины человечества, остановившись на краю проезжей части для того, чтобы пропустить проезжающее мимо авто, никогда не смотрит на этот самый автомобиль, получит Нобелевскую премию - за решение величайшей задачи в области тайны человеческой психики. Или, во всяком случае, словит экзальтированные аплодисменты автомобилистов. В том числе самого Колганова.

Вот и сейчас он наблюдает привычную картину: вежливо притормаживает, намереваясь пропустить суетливо спешащую женскую фигуру лет сорока, а та, ничтоже сумняшеся, на обочине остановилась и, вместо того, чтобы лицезреть всего такого вежливого Колганова на серебристом кредитном форде...с деланным пренебрежением отворачивается в противоположную сторону. И задумчиво смотрит в прекрасную даль.

Ну, типа, я не при делах. Здесь оказалась случайно и до вас, аутомобилистофф, мне нет никакого дела...

Кстати сказать, в направлении взгляда дамочки никто не едет. Получается, она стоит и с видимым удовольствием рассматривает близлежащие дома и других прохожих. А притормозивший из вежливости Колганов, как идиот, думает, дать по газам и проехать или, всё же, посигналить женщине, чтобы та, наконец, обратила на него внимание и перешла через дорогу.

Он выбрал второй вариант. Благо, что практически

остановился.

Би-бии!..

Дамочка нехотя повернула голову, смерила журналиста высокомерным взглядом, и важной походкой утки, возглавляющей выводок на прогулке, соизволила переместить своё тело в перпендикулярном по отношению к проезжей части направлении.

Когда же Колганов вошёл в редакцию, на пути в свой кабинет встретил пару поздравивших его сотрудников. Сочтя поздравления каким-то новым видом профессионального юмора, просто кивнул в ответ. Табличка с его именем на двери его кабинета оказалась сорванной. Обескураженный, направился к кабинету главного редактора. А когда подошёл, то смутился ещё больше: на двери кабинета главреда красовалось его имя. Дверь оказалась незапертой, а внутри...

Колганов даже икнул от удивления: в кресле, ещё хранящем тепло тела Бергера, восседала другая дама, лет на двадцать моложе встреченной на улице. И на порядок привлекательнее. Высокая и темноволосая, она блеснула карими, почти чёрными глазами.

- Ой...- невольно вылетело у него.

- Здравствуй, Егор.

Девушка встала и, неторопливо подойдя к распахнутой двери, аккуратно её притворила.

- Я...как-то не ожидал увидеть тебя здесь, Маржана.

Колганов, внезапно ощутивший жажду, наполнил до краёв стакан из кулера и залпом выпил воду.

- Есть разговор, Егор. - Её спокойный тон словно констатировал факт. - Очень важный разговор. Думаю, по табличке на двери ты всё понял.

- Да, уже догадался. - Он шарил по сторонам взглядом в поиске места, которое можно занять. - Просто так ты не появляешься.

- Занимай своё новое место и, - Маржана сменила тон на торжественный, - кстати сказать, прими мои поздравления на этот счёт.

Егор неуклюже опустился в дорогое кожаное кресло.

- Спасибо.

Маржана легко запрыгнула на стол и развернулась, свесив раздвинутые ноги прямо перед ним.

- Я же обещала тебе пост главного редактора? А я всегда держу данное слово.

Колганов же от непосредственной близости женской плоти чувствовал себя как уж на сковородке. Дыхание перехватило, а сердце едва не выпрыгивало из груди.

- Может, сядешь на стул? - предложил он, впрочем, не особо надеясь на успех.

- Они скрипучие и неудобные. - Промурлыкала Маржана, поставив каблуки на края подушки кресла. - К тому же так ближе к тебе, главному редактору журнала "Восьмой день недели" Егору Колганову.

Новый главред почувствовал ещё большую неловкость. Он никогда не был сторонником, скажем так, женского доминирования. А тут Маржана вовсе перешла в наступление. И ум невольно начал сравнивать двух девушек, неожиданно появившихся на горизонте - Маржану и Псиведьму. Они

настолько сильно различались, что... Одна высокая, другая миниатюрная, первая - жгучая брюнетка, вторая - блондинка с милыми веснушками. И так можно продолжать до бесконечности. В чёрных глазах сидящей перед ним сквозил холод и тайна, в зелёных очах Пси Колганов вообще тонул, не понимая, как подступиться.

Манерная, немного надменная Маржана...и притягательная своей непосредственностью Пси.

Два полюса.

Два мира.

И он...один.

Маржана, наблюдая за Колгановым, хмурилась сильнее и сильнее. Что-то происходило внутри её собеседника. Нечто, ей не нравящееся и вызывающее напряжение. Она чувствовала, что теряет его, чувствовала ускользающую нить лидерства. Образ Колганова дрожал и расплывался, уступая место...

Маржана взяла себя в руки.

- Я искала тебя вчера. Где ты был?

Колганов задумался. Раскрываться перед новой знакомой не хотелось. Но и врать - тоже. Вспомнилась Даша, предупредившая о слежке со стороны чёрной. И теперь, наблюдая за своим отражением в глазах напротив, Колганов предположил, что чёрная - это...

- Почему ты молчишь, Егор? - в голосе чересчур откровенно сидевшей перед ним девицы послышались истеричные нотки.

Он поймал себя на том, что становится спокойным и уверенным. Странное дело: былое ощущение нахождения не в своей тарелке прошло, и по мере того, как росла тревога черноволосой собеседницы, сам он наполнялся умиротворением и силой.

Теплом костра

- Где я был? - Задумчиво переспросил он, чтобы потянуть время.

Маржана на секунду перестала видеть Колганова. Вместо журналиста перед ней оказалась…девушка. Да, девушка!

Миниатюрная блондинка с бездонными зелёными глазами.

Маржана наткнулась на этот взгляд и…обожглась. От боли она…

Колганов не понимал, что творится с гостьей. Щёки девушки покраснели, и она тяжело дышала. Словно пробежала марафон. С глухим стоном Маржана соскочила и нервно закружила по кабинету, смахнув по пути стопку бумаг, лежавшую на соседнем столе.

- Что с тобой? Тебе плохо? Может, вызвать…

Девушку перекосил приступ ярости.

- Где ты был, чёрт возьми!

Она сжала кулаки…и, мгновенно придя в себя, сразу разжала.

- Извини, погорячилась. Просто тебя не было два дня, и я переживала. На звонки не отвечал, никого не предупредил. Всё хорошо?

Своего номера Колганов ей не давал. Впрочем, его можно узнать в редакции. Телефон он на время поездки отключал. Но и

потом среди непринятых оказались только известные.

- Да, всё в порядке. - Он пожал плечами, словно ничего не произошло. - Просто решил потеряться для мира на пару дней. Вырубил трубу, выехал подышать свежим воздухом на природу. В общем, честно говоря, не жалею о содеянном. И не испытываю угрызений совести.

А что, собственно, произошло? Я на вольных хлебах. Материал сдал, а нового задания не имел. Хочу - работаю, хочу - отдыхаю. Не нравится - увольняйте! - Ты выглядишь бледно. Давай-ка налью тебе воды.

По мере того, как он говорил, на Маржану накатывало ощущение полёта в бездонную пропасть. Образ незнакомки стал появляться с пугающей частотой, и Маржана от боли совсем зажмурилась. Скрип стула разрывал барабанные перепонки. И тогда она...

Едва не зарычав от гнева ревности,

...Села к нему на колени и склонила голову, заглянув в глаза и едва касаясь губами. Колганов замер. Жаркое, жгучее дыхание обволакивало и лишало возможности сопротивляться. Мысли окончательно запутались и стекли к ногам. Маржана взяла его за подбородок. Длинные ногти глубоко впились в кожу, но боли не чувствовалось. Лишь неожиданное ощущение приёма у врача.

Вот врач, жгучая брюнетка на сверхдлинных шпильках и в сверхкороткой юбке, беззастенчиво смотрит и предлагает пройти осмотр...души. Да, именно души!

Смотрит в глаза. Внимательно. Изучающе. Опытный специалист, сразу видно. Бездарей в дорогой клинике не держат.

Спустя минуту о вас знают абсолютно всё. Болячки, страхи, комплексы, возможности...и даже дату смерти!

Костяшки пальцев побелели от напряжения, когда ногти ещё сильнее сжали небритый подбородок. Жертва продолжает дышать, однако не шевелится и не издаёт ни звука. Под ногтями проступила кровь. Её пьянящий аромат возбуждает, щекочет утончённые женский носик.

Следом за первой каплей скользнула следующая, крупнее.

Сочнее

Маржана не понимала происходящего с ней. И оказалась не в силах противиться неведомому. Неторопливо, с видимым удовольствием слизнула ещё теплую плоть.

День добрый. Я ваш лечащий врач, Маржана. Очень рада видеть вас у нас. Вы уже заплатили? Отлично!

А теперь просто расслабьтесь. Большего и не требуется. А вот глаза откройте. Откройте, пожалуйста. Мне ваши глаза-то и нужны. Ведь недаром говорят, что очи - это зеркало души. А в народе никогда не ошибаются.

Кстати, глаза у вас очень красивые...

Чёрные глаза внимательно изучали каждый волосок, каждую пору и морщинку. Остался последний шаг, и жертва навеки пленена. Ни одному человеку прежде не удавалось противостоять её чарам, не говоря о том, чтобы вырваться.

Никогда

Алые чувственные уста прикоснулись к другим, вмиг ставшими обветренными и побелевшими. И она потеряла самоконтроль. Словно из ниоткуда, сметая шаткие ограды цивилизованности, нахлынула животная страсть. Маржана изо всех сил впилась в губы Колганова.

Ты мой… Ты только мой!

Она чувствовала, как остановилось его сердце, но ничего не могла с собой поделать.

Земной шар хаотично завертелся. Моря, континенты и прочая шелуха мгновенно слетели и унеслись в открытый космос. Исчезло всё живое. И неживое. Навсегда. Планета облегчённо выдохнула.

Наконец, осознавая, что творит непоправимое, соскочила с кресла и упала на пол. На смену первородным инстинктам пришла боль. Ядовитая, опаляющая нутро. Но, постепенно, и она спала, оставляя за собой выжженную пустоту.

Колганов пришёл в себя и взирал на скрежещущую зубами девушку, ничего не понимая.

Что с тобой, Маржана? Ты больна?

Тело налилось жаром. Руки и спина вспотели.

Немного отдышавшись, Маржана взобралась на скрипучий стул. Волосы растрепались, превратившись в хаотичный веник, а

юбка вообще слезла, обнажая нижнее бельё розового цвета. Но сейчас это её совершенно не волновало. В горле пересохло, и она жестом попросила воды.

Возможно, сказалось только что перенесённое напряжение, или это произошло по-настоящему, но следующая фраза прозвучала не из его уст, а женским голосом, сказанная таинственной белокурой незнакомкой...

- У Бергера в столе таблетки от головной боли. Сейчас поищу...

Когда Колганов налил воды из кулера и повернулся к Маржане, то от увиденного невольно выронил стакан.

Стул, на котором ещё несколько секунд назад сидела Маржана, оказался пуст.

В кабинете, кроме него, никого не было.

Глава 49

- Как вам известно, наш Собор созван для того, чтобы ответить на единственный вопрос: открыть ли человеку, московскому журналисту Егору Колганову, наш священный храм? Или же делать этого нельзя. - Владыка Солнечных, несмотря на возраст без малого девяносто лет, был крепок и при силе. Он обвёл взглядом собравшихся старейшин и продолжил. - Братья, прошу высказаться по этому поводу.

Совершив ритуал приветствия восходящего солнца, компания из пяти стариков собралась на лужайке вокруг небольшого костра. Важные решения всегда принимались рано утром. Кроме них, из людей никого поблизости не было. Лишь птицы, лесные звери да дух природы, защищающий правых. Поэтому и в охране нет необходимости.

Первым взял слово старец Арсений, представляющий Юг.

- Считаю положительное решение преждевременным. Как мы знаем, молодой человек находится в тесной связи с дочерью самого Лазаревского. А это значит, что Холодные, узнав про то, что Кола передал крест Хранителя карты журналисту, теперь используют его против нас. Пока не известно, какие именно последствия всех ожидают, поэтому призываю проявить бдительность и не принимать скоропалительных решений. Также следует учитывать, что парень незрел и не сделал сознательного выбора, который должен быть выстраданным, должен быть голосом души. Следовательно, ему рано назначать и духовного учителя. Более того, считаю, что Холодные предполагают, мы соберём Совет Старейшин. Посему голосую против. У меня всё.

Старец Арсений умолк и опустился на траву. Воцарилось молчание. Владыка пошевелил потрескивающие поленья. Следующий взял слово старец Борис, отвечающий за Север.

- В последнее время мы, Солнечные, страдаем от острой нехватки решительности. Мы должны действовать, идти вперёд. Жизнь не терпит пустоты отсутствия. Нельзя останавливаться и

застывать подобно куску смолы. Парень смотрит в сторону света и нужно ему помочь. Страх открыть храм новому приобщённому подобен страху перемен, он губителен. Считаю нашей прямой обязанностью протянуть руку помощи нуждающемуся. Тем самым мы не только спасём ещё одну душу, но и уважим выбор предшественника, так рано от нас ушедшего. Да упокоится душа его с миром. Голосую "за".

Старец Анфим, курирующий Восток, откашлялся:

- Я шёл сюда с ещё не оформившимися намерениями. Но теперь, погревшись у костра и выслушав выступавших ранее, делаю выбор сознательно и решительно. Егор Колганов никак не проявил себя в роли Хранителя карты, но уже успел её лишиться. И мы пока не знаем, чем обернётся для нас подобное невежество. Если продолжить, можно ещё раз упомянуть установившуюся тесную связь между ним и Холодной. Что не может остаться без должной оценки. Суммируя сказанное, я "против".

- Осталось выслушать мнение старца Родиона, нашего гостя с Запада. - Владыка жестом пригласил выступить последнего приглашённого старейшину.

- Что ж, вижу, что в нашем кругу единогласного мнения не наблюдается. Тем интереснее. Я задался целью, прежде чем прийти сюда, изучить хотя бы часть статей, написанных Егором. Могу сказать следующее: он меняется. Этот парень меняется в лучшую сторону. Даже несмотря на руководство Бергера. Что касается эпизода с картой, то для нас некоторые моменты остаются загадкой. Впрочем, не будем кривить душой: нам ничего не известно. Поэтому хотел бы воздержаться от осуждения. А его поездка на курган вообще произвела на меня неизгладимое впечатление. Поэтому я за то, чтобы открыть Егору Колганову храм с солнечным огнём.

Владыка молчал, поглаживая длинную бороду. Мнения приехавших разделились поровну. Это значит, что требуется решающий голос. Либо самого Владыки, либо назначенного им. И, предвидя возможный исход, он к нему подготовился заранее.

- Братья мои, у вас всех разумные и весомые аргументы. Но, поскольку единогласного вывода нет, требуется перевес большинства. Последнее слово за мной или, согласно Соборных правил, за тем, кого назначу голосующим. Я принял решение и

выбрал такого человека. Это девушка, Хранительница очага. Именно она может подтвердить, куда приехал молодой человек и что он видел. Более того, именно ей предстоит проводить Егора к костру. Или не предстоит. Мы этого не знаем.

- Пси, подойди к нам.

Из гущи леса вышла девушка с длинными светлыми волосами. Одетая в длинное белое платье, она бесшумно, почти паря над землёй, приближалась к повернувшим в её сторону головы старцам. Те взирали на неведомую пришелицу в немом изумлении.

- Решающий голос за тобой, Пси.

Глава 50

Маржана схватила бокал грога и проглотила залпом.

Ян Григорьевич молча наблюдал за этой картиной, не предвещавшей ничего хорошего.

- Я не видела его, не чувствовала. Не ощущала над ним силы. Разговаривала с ним, села как можно ближе - не помогло. Вместо Колганова оказалась какая-то...

- Блондинка, - Ян Григорьевич закончил фразу.

- Откуда ты знаешь? - изумилась Маржана, мгновенно забыв терпкий вкус алкоголя.

Ян Григорьевич подошёл к камину. Пламя отражалось в его задумчивых глазах.

- Я вижу всё, что видишь ты. Я чувствую всё, что чувствуешь ты. Я знаю всё, что знаешь ты.

Такова привилегия моего положения среди Холодных.

Обескураженная Маржана вместо ответа просто выдохнула и рефлекторно схватила бокал. Но, вспомнив, что он пуст, убрала руку.

- Да, да, дочь моя. Именно так.

Она нахмурилась.

- Кто эта девушка?

- Её солнечное имя - Псиведьма.

- Псиведьма...ведьма...ведать... - пробормотала Маржана.

- Совершенно верно. Она - ведает. Псиведьма одна из хранительниц очага.

- Это серьёзно?

- Очень. А в свете того, как она смотрит на журналиста - у тебя появилась весьма опасная соперница.

- Круто, - Маржана приуныла.

Ян Григорьевич повернулся к дочери.

- Именно! Круто.

Маржана пытливо на него уставилась.

- О чём ты, пап?

- Если Колганов перед тобой постоянно замещался образом Солнечной, это значит, что она раскрылась ему. Впрочем, этого следовало ожидать.

- Почему она ему доверяет? - поинтересовалась Маржана.

- Не она, а её убитый брат. Именно он выбрал Колганова хранителем карты. Почему - не знаю. Рок, судьба.

Маржана оживилась.

- Постой, эта, виденная мной, девушка - сестра того парня, застреленного около редакции?

- Не просто сестра, а родная сестра.

- Значит, она вдвойне для меня опасна. - сделала умозаключение Маржана.

То, что Псиведьма представляет опасность для Маржаны, Ян Григорьевич понял сразу. Как только узнал о наличии у убитого Колы близкого родственника. Знал он и о поездке Колганова к Молодецкому кургану. Теперь местоположение Храма Солнечных известно. Более того, Колганов своими собственными глазами наблюдал за Священным очагом, ощущал изливающееся тепло.

Ян Григорьевич в этот момент даже ощутил к журналисту жгучую зависть.

Всего в нескольких шагах от костра. Почему на его месте был не я?..

Раз Колганов, по личной инициативе сорвавшийся в Жигули, видел костёр, то в следующий раз он направится туда целенаправленно - Псиведьма поведёт его в Храм. И он, Ян Григорьевич, здесь обязан не промахнуться. Не имеет на это права.

Но совершенно неожиданно вылез неприятный момент: костёр Солнечных оказался скрыт от Холодных. Ведь Маржана, а с нею и сам Ян Григорьевич, не смогли увидеть огонь. Значит, и Храм также окажется недоступен для холодного взгляда. Этого Ян Григорьевич никак не ожидал. Перспектива зябкой смерти довлела всё сильнее, ощущалась почти физически.

Он невольно поёжился от страха.

И сразу же постарался принять спокойный вид, чтобы дочь ничего не заметила. Ведь, как он может её чувствовать, так и она обладает этой способностью, пусть и ограниченной.

Но ещё остаётся шанс.

В рукаве Холодных имеется козырь.

- Мы тоже не лыком шиты. - Ян Григорьевич прищурился. - Следуй за мной. Настало время смерти.

Глава 51

Маржана проследовала за отцом в лифт, и тот начал опускаться. Становилось холоднее и холоднее. Кабина слегка вздрагивала и покачивалась, а свет потускнел. Девушке стало страшно. Отец смотрел в сторону, на стенку кабины, и молчал. Черты его лица заострились и приобрели доселе не виденное выражение. Лифт, монотонно поскрипывая, продолжал движение вниз. Казалась, прошла целая вечность и они, по идее, должны находиться в центре земного шара.

Или в аду...

Наконец, когда побледневшая и осунувшаяся Маржана сбилась со счёта, кабина вздрогнула и замерла. Двери распахнулись, и они шагнули на отбрасываемую лифтом световую дорожку, короткую и сужающуюся к концу. Когда же двери закрылись, оказались в кромешной темноте, по периметру окружённые шипящими и потрескивающими факелами.

Лишь темнота, горящие, но ничего не освещающие факелы...и холод. Пронизывающий, пробирающий до костей.

- Где мы? - оказалось, и голос её дрожит.

- Мы в нашем Храме, Маржана, Храме Холодных. Ведь не только у Солнечных есть свой Храм.

Девушке казалось, что сейчас она потеряет сознание. Она сделала усилие, чтобы удержаться на ногах, но покачнулась. А когда вновь открыла глаза, почувствовала, что возлежит на ложе,

больше напоминающем алтарь. Факелы по периметру оказались ближе, и она ловила их тепло. Но, всё равно, этого оказалось недостаточно.

А присмотревшись внимательнее, увидела, что каждый факел покоится в руках фигуры, облачённой в чёрную рясу с длинным капюшоном, полностью скрывающем лицо.

- Скоро ты согреешься, дочь моя. - Голос Яна Григорьевича прозвучал совсем близко, но как-то неестественно, по неживому. И эта перемена заставила Маржану вжаться в алтарь. - Скоро ты согреешься, в отличие от меня.

Ей захотела встать, или хотя бы спросить, что происходит, но ослабевшее тело отказалось повиноваться. В руках отца что-то блеснуло. Она сосредоточила взгляд на предмете.

Обоюдоострый кинжал с чёрной рукояткой.

- Атам поможет нам. Змея проглотит солнце.

С этими словами Ян Григорьевич легко провёл клинком по венам дочери.

Маржана не чувствовала боли. Скорее, по тёплой, стекающей вниз влаге догадалась, что происходит.

И покорно закрыла глаза.

Дождавшись, когда последние алые капли покинут тело жертвы, Ян Григорьевич возложил Атам, священный кинжал Холодных, на грудь дочери. На остывающем теле Атам начал

терять форму, расплываться. Удлиняться и сворачиваться, приобретая форму чёрной змеи. Змея подняла голову, осмотрела окружающее пространство, и зашипела. Длинный, раздваивающийся на конце язык прикоснулся к лицу Яна Григорьевича. Тот закрыл глаза и перестал дышать. А когда открыл, то увидел впившегося в шею Маржаны гада.

Ян Григорьевич сделал шаг назад и опустился на колени. Фигуры с факелами в руках последовали его примеру. Так продолжалось до тех пор, пока пресмыкающееся не забилось в конвульсиях.

Внутри пульсировало чувство...жалости...сожаления о содеянном...скорби...несправедливости? Ян Григорьевич не знал природу этого ощущения. Явившись впервые, оно накатило огромным комом и придавило. И сейчас, глядя на дочь, вернее, на то, что от неё осталось, чувствовал смертельную пустоту. Настолько мрачную и безысходную, что почти покаялся в содеянном.

Ещё хотелось умереть. Да, умереть.

Сейчас он не только не боялся смерти,

впервые

но призывал её. Страшную. Прекрасную. Утоляющую все земные желания, страсти и боль.

Боль - вот что он чувствовал. Руки дрожали, а в глазах блестели слёзы.

Неужели я умею плакать?

Глава 52

Её окружает огонь. Плотным кольцом. Без шанса выбраться. Впрочем, она и не собирается ничего предпринимать.

Пусть произойдёт то, что должно произойти.

Огненное кольцо сужается, подступает ближе и ближе. Сначала она захотела испугаться...

Захотела испугаться...странно звучит, не правда ли?

но потом передумала и...заставила себя расслабиться. Впрочем, безуспешно. Расслабиться не получалось.

Пусть случится то, что должно случиться.

Вот уже огонь совсем рядом. Слышно его дыхание, мягкая поступь.

Неумолимая поступь смерти.

Она зажмурилась, готовясь к адской боли...и боль действительно началась. Но какая-то странная, словно не огонь пожирает тело, а...

тысячи острых шипов пронзили плоть...

холод

Она широко открыла глаза и обомлела.

Огня не было.

Сверху, сбоку, снизу...со всех сторон надвигаются, растут длинные ледяные сосульки. Идеально острые на конце. И, как по команде, атакующие обессиленное тело.

Она кричит. Но звука нет.

Зато есть боль. Очевидная и бесконтрольная.

И страх. Горький, едкий страх.

Сосульки-шипы проходят сквозь тело и встречаются друг с другом.

Смерть…вот ты какая…

Вот и боль, устав, отступила. Отошла на несколько шагов. Тело медленно наполнялось прохладой. Но отныне это не трупное окоченение, а самое её естество. Она не понимала сути перерождения, но ощущала, что самое интересное ждёт впереди. Чувство дискомфорта от каменного ложа осталось в прошлом. Страх тоже растворился в кромешной темноте. Впрочем, отныне темнота не казалась непроницаемой. Рядом упавший на колени отец.

Что с ним?

Их окружают молчаливые фигуры, облачённые в чёрные рясы. У каждой - светоч в руках. Кроме неё, все, здесь присутствующие - мужчины. Она это чувствует. Как ощущает и страх, расползающийся в ограниченном пространстве.

Они боятся!

На груди лежит змея. Может, они страшатся змеи? Так их, здоровенных мужчин, много, а змея одна. К тому же она…да, змея почти мертва. Так кого же они боятся? Их взгляды устремлены… Они не смотрят на меня. Все потупили глаза в пол.

Они боятся…меня!

Змея забилась в конвульсиях и затихла. Ян Григорьевич медленно встал, ощущая на плечах вселенскую тяжесть. Периметр факелов вздрогнул, следуя примеру вожака.

Он отшвырнул останки пресмыкающегося в сторону и склонился над холодным телом дочери.

- Теперь в тебе кровь змеи, - едва слышно прошептал он.

Маржана подняла веки. Ян Григорьевич вздрогнул и отшатнулся. На него, не мигая, уставились желтые глаза с длинным узким зрачком.

Глава 53

- Мама, а можно я покормлю птичек? Можно?

Малыш лет пяти настойчиво тянет руку и просит семечек, чтобы угостить порхающих рядом пернатых. Молодая мама перестаёт грызть и останавливается. Насыпает в детскую ладошку небольшую пригоршню.

- Серафим, только аккуратнее! Слышишь меня?

Но Серафим никого не слышит и ничего, кроме пронырливой стайки, не замечает. Птицы кружатся и скачут вокруг мальчонки. Размашисто замахнувшись, он неаккуратно разбросал семечки вокруг себя. Воробьи вперемежку с голубями сначала ретиво вспорхнули, затем, немного покружив, сели обратно.

- Серафим, я же тебе говорю: не пугай птиц. - Терпеливо увещевает мама. - Вот, смотри.

Взяв немного, показательным движением распределила корм между пернатыми.

- Видишь?

Серафим не стал смотреть, хмыкнул вместо ответа и настойчиво протянул руку за добавкой.

- Я не услышала ответа! - женщина перешла на суровый тон.

Мальчик покрутил головой, видимо, ища поддержки. Однако прохожие, как правило, спешили пройти мимо и не обращали на них внимания. Ещё раз попробовал гнуть свою линию, но безуспешно.

- Серафим, ты снова меня не слушаешь! - молодая женщина сделала шаг назад и спрятала семечки.

- Я тебя слышу, мам. - Протяжно выдохнул сын и опустил

голову. - Обещаю, буду вести себя хорошо.

- Я от тебя это слышу постоянно, но результата - нуль. - Помолчав, добавила, понизив голос. - Весь в отца.

Она поправила волосы и нахмурилась, увидев стоящую неподалёку высокую девушку в солнцезащитных очках. Смутное чувство тревоги внезапно охватило материнское сердце.

- Всё, пошли домой. Хватит.

Ребёнок быстро изменился в лице.

- Ну маам! Ну можно ещё? Я хочу ещёё...

- Нет! - Отрезала она. - Снова ты за своё?

- Ну я буду себя вести хорошо. - Пообещал Серафим. - Можно ещё покормить птичек?

Но мама для себя и для обоих с сыном всё решила.

- Завтра! - Затем добавила для значимости. - И только если будешь слушаться!

Мальчишка насупился, от обиды прикусив нижнюю губу. Женщина шагнула к нему и протянула руку.

- Пошли.

Вместо того, чтобы взять протянутую мамину руку, Серафим, выплёскивая обиду, рванул прямиком на стаю. Размахивая руками и крича, чтобы эффектнее разогнать птиц. Мама хотела что-то недовольно сказать, но внезапно гнев и недовольство в её глазах сменился ужасом.

Глава 54

Все слышали выражение "взглянуть на мир другими глазами", но лишь немногим довелось почувствовать смысл реплики на себе. А познать - так совсем единицам. Как, например, высокой темноволосой девушке, неторопливо идущей по оживлённой улице. Её глаза скрыты стёклами солнцезащитных очков. Не то, чтобы они некрасивы или у девушки болезнь. Просто так лучше. Для всех. В движениях - кошачья грация и лёгкость, почти невесомость. Чуткое обоняние различает сотни оттенков запахов, переполняющих пространство. Каждое дерево источает свой уникальный аромат, каждая травинка и лепесток. Современные дома, машины тоже распространяют запах. Однако не такой приятный. Животные, тоже ловко разбирающиеся в хитросплетении запахов, в свою очередь, пахнут сами.

Но интереснее всего пахнет человек. Потому что привык прятать эмоции за маской равнодушной и пустой доброжелательности, в то время как запах маскировать не научился. Человек пахнет вожделением, неумением ограничивать себя. Пахнет слабостью. Реже - самоуверенностью. А особый запах - аромат страха. Он щекочет ноздри и пробуждает голод. Заставляет просыпаться, подниматься с насиженного места и идти на охоту. Страх не спрячешь. Никакой парфюм здесь не поможет! А зачем вообще прятать эмоции? Таковы правила общежития. Во всяком случае общества, в котором живёт девушка.

Но сейчас ей тесно в этом мирке, обильно сдобренном правилами и запретами. Ограничения вводятся теми, кто не собирается им следовать сам. Она жаждет воли, неограниченного пространства и опасности: либо ты, либо тебя. Только в этом простом дуализме сокрыт путь к совершенству.

Но людям этого никогда не понять. Они слабы, нерешительны, и привыкли всё сваливать на других. Себе подобных. Замкнутый круг. Клетка, возводимая на протяжении всей жизни.

Какие же вы странные, люди

Как ни парадоксально, но девушка себя человеком не считает. Спроси её об этом, и она страшно удивится. А возможно и разозлится не на шутку, сочтя вопрос оскорблением. Хотя...на самом деле останется равнодушной. Холодной. Просто ощущает себя иной. Это чувство, полное в своей завершённости. То есть отсутствует желание самоутверждаться, кому-то что-то доказывать и показывать. А пока она просто идёт, видя так далеко и зорко, как не способен ни один простой смертный. Слышит звуки и улавливает малейшие шорохи, какофония которых переполняет мегаполис. Но у любой медали две стороны. Вскоре, устав от бесчисленного множества раздражителей, девушка попыталась их хоть как-то отфильтровать, упорядочить с тем, чтобы избавиться от менее значимых. Поглощённая этим занятием, даже не заметила, как остановилась и наблюдает за кормящим птиц мальчиком. Мать ребёнка стоит рядом и держит за верёвку игрушечную машину.

- Серафим, только аккуратнее! Слышишь меня.

Тот прекрасно слышит, однако делает по-своему. Проверять всё на прочность, в том числе маму - свойственно мужской природе. Ведь мальчик - будущий мужчина. Она этого по какой-то причине не знает, поэтому, когда сын хаотично разбросал семечки, раздражается. Девушка чувствует, как женщину наполняют доверху негативные эмоции. Запахло вселенской обидой на мужчин.

С подобными установками эта самка либо не подпустит достойного самца, либо будет гнушаться второсортным.

Мальчик вступает в диалог. Ему очень хочется покормить птиц. Ну, или хотя бы расколошматить игрушку. Их голоса, поначалу чётко различаемые, сливаются воедино и превращаются монотонный гул. Внимание девушки теперь обращено на птиц, снующих и мельтешащих в поиске заветной семечки. Девушка внезапно ощутила острый приступ голода и невольно сглотнула слюну. На губах возник эфемерный запах горячей крови. Чувство самоконтроля таяло с неимоверной скоростью. Ещё немного, и она, выбрав голубя пожирнее, была готова атаковать стаю.

Внезапно мамаша увидела девушку и

Всё пространство, вся улица наполнилась едким, всепроникающим запахом страха

скомандовала:

- Всё, пошли домой. Хватит.

Мальчик замер. Но девушка чувствовала, как эмоциональная шкала ребёнка резко рванула вверх, срикошетила от облаков и осколками пронзила землю. Мальчик сорвался с места и бросился на птиц, размахивая руками и выкрикивая боевой клич индейцев. Проезжающий мимо велосипедист, не ожидавший такого развития ситуации, резко принял в сторону и чудом не сбил ребёнка. Но теперь на его неконтролируемом пути возникла другая помеха - высокая темноволосая девушка. По счастью, она оказалась гораздо проворнее и ловко отскочила в сторону. Но эти слова нельзя адресовать сумочке, болтающейся на изящном плече: руль велосипеда зацепил ремешок сумочки и тот, прежде чем порваться, резко дёрнул хозяйку так, что у той слетели очки и разбились об асфальт. Велосипедисту, в свою очередь, тоже не оставалось ничего другого, как растянуться на асфальте.

Девушка зашипела от ярости и зажмурилась от яркого солнца. Она слышала, как мамаша схватила сына в охапку и заспешила прочь. Велосипедист, молодой человек лет двадцати пяти, неловко поднялся, потирая ушибленное колено.

- Девушка, с вами всё в порядке? Я страшно извиняюсь, просто...

Прохожие с интересом пялились на них. Девушка чувствовала их возбуждение, обильно перемешанное радостью от того, что каждый из зевак не находится на их месте. Эта людская слабость раздражала девушку, заставляла её кровь кипеть от ярости. Никто не приблизится, чтобы помочь. Ведь это опасно. А мозг предостерегает от опасности. Проще и безопаснее пройти мимо. Прошмыгнуть, проскочить. А если и найдётся тот неравнодушный, кто протянет руку помощи, она его за эту самую руку...

- Девушка...

Велосипедист приблизился и хотел положить руку на её плечо, но она резко отшатнулась. Продолжая при этом

прикрывать ладонью закрытые глаза.

- Извините, я...

Голос незнакомки, леденящий спокойствием и отрешённостью, заставил парня вздрогнуть:

- Мне нужны ваши очки.

- Что? - Тот явно растерялся. Рассматривая лежащие разбитые очки, совсем потерял способность к движению и осмыслению. Он не понимал, что с ним творится. Возможно, это шок от внезапного падения. Или тот факт, что девушка знает, что на нём очки, хотя сама при этом держит глаза закрытыми. У неё третий глаз?

- На вас очки. - Не меняя интонации, повторила незнакомка. - Отдайте их мне.

Затем, не дожидаясь ответного действия, ловким движением стянула с головы велосипедиста спортивные очки и водрузила на себя.

- Большое спасибо. Надеюсь, инцидент исчерпан.

Парень, провожая взглядом соблазнительную фигуру, ничего не ответил.

Новые очки не вяжутся с нарядом, включающим чёрные кожаные штаны и туфли на высоченном каблуке. Но сейчас это совершенно не тревожит. Главное - что никто не видел её глаз. А очки она при первой же возможности поменяет.

Ох уж эти люди

Вспомнив упорхнувшего жирного голубя, девушка снова ощутила приступ голода.

Люди, люди... Вы спугнули мой ужин!

Двумя точными движениями оборвала болтающиеся остатки ремешка сумки и яростно отшвырнула их в сторону.

Внезапное озарение заставило улыбнуться и почувствовать возбуждение азарта. И как только раньше эта мысль, простая и

потому удивительная в своей гениальности, не приходила ей в голову. Расправив плечи, подняла голову выше. На губах заиграла улыбка.

Человек - чем не объект охоты?

Глава 55

- Почему вы, Солнечные, для храма избрали такое людное место, как Молодецкий курган? - Колганов и Псиведьма оставили машину на стоянке у сторожки парка "Самарская Лука" и снова взяли уже известный обоим маршрут. - Он же круглый год привлекает множество народа.

- По той же самой причине, по которой мой брат избрал именно такой способ шифровки карты, как публикация в периодике: труднее всего отыскать то, что находится перед глазами, на самом виду. Так и с храмом - никому в голову не взбредёт, какую тайну скрывает облюбованная туристами вершина Жигулей. Легенда о том, что костёр спрятан, придумана именно для Холодных. Для того, чтобы сбить их с толку. На самом деле, мы не прячем ни костёр, ни храм, являющийся его домом. Огонь предназначен согревать всех, в нём нуждающихся. А мы - его хранители, своими танцами вдыхаем в пламя жизнь, делая его вечным.

- Но ведь костёр из обычных людей увидел только я. - Засомневался Егор. - Да и то, только потому, что, как ты говоришь, Кола избрал меня своим преемником. Так как же ваш огонь согреет простых смертных, ничего о нём не ведающих?

- Слышал выражение "ищущий да обрящет"? - спросила Псиведьма.

- Конечно. - Удивился подобному вопросу Колганов. - Оно из Библии.

- На самом деле эта фраза несколько старше Библии. - Уточнила она. - Но что-то похожее, и правда, есть в Священной книге Христиан: Новый завет, от Матфея Святое благовествование,

глава 7. У нас же, русских людей, это звучит как: "всяк бо просяй приемлет, и ища обретает, и толкущему отверзется". Сие сказанное означает, что Солнечный костёр горит внутри каждого человека. Просто не все об этом догадываются.

- Видимо, я среди них. - Вздохнул журналист. - Потому что не ощущаю в себе никакого огня.

Псиведьма остановилась и посмотрела в его глаза.

- А хочешь?

Колганов замер перед пристальным взором.

- Звучит заманчиво. Даже интригующе. - Честно признался он. - Только не уверен, что эта ноша мне по плечу. Понимаешь, о чём я?

- Понимаю. - Псиведьма продолжила движение. - Но есть очень простой и безболезненный способ раздуть в себе пламя священного огня - совершать добрые поступки. Да, творить добро. Как бы банально и избито это ни звучало. Причём, не афишируя это.

Они шли неторопливо, погружённые в беседу и не замечая ничего вокруг. В том числе высокую девушку с длинными чёрными волосами, бредущую следом за ними на некотором удалении. Брюнетка остановилась для того, чтобы собрать волосы в пучок и поправить солнцезащитные очки. За чёрными стёклами блеснули жёлтые глаза с узким вертикальным зрачком.

Немного помедлив, девушка направилась в сторону и скрылась в густой зелени ближайшей лесопосадки.

- А если собственного огня будет не хватать? - не унимался Колганов.

- Такое возможно, особенно в трудные моменты жизни. - Псиведьма ощущала его скептицизм, но понимала, что победить неверие способно только время. - Тогда прямая дорога в храм - черпать силы от Огня Солнечных. Правда, иногда происходит обратное - в человеке настолько много солнечной энергии, что творимые им вещи, предметы напитываются ею. Таким был скульптор Стефано Галуччо, подписывавшийся псевдонимом Ferrabezzo. Его работы, случалось, от высокой концентрации Холодной энергии протестовали, меняя форму и очертания. В ответ на это Холодные его убили. Тело так и не нашли. Они вообще мстительны, черпают свою природу в зависти.

Колганов вдруг отчётливо услышал всплеск от упавшего в воду тела скульптора.

- А чему они завидуют? Ведь у них, как я понял, есть всё: и деньги, и власть, и слава.

- Мы образ и подобие творца. А они - лишь его тень. Тень - отсутствие света. Поэтому они так рьяно и охотятся за нашим огнём, чтобы превратить нас в себе подобных.

- У них это получится?

- Ответ на этот вопрос знает только давший нам жизнь.

Псиведьма взяла журналиста за руку.

- Закрой глаза и доверься мне.

Колганов повиновался и не мог видеть, как его проводница сделала тоже самое.

А жёлтые глаза, не мигая, продолжали за ними пристально следить. Сначала Маржана проявляла излишнюю осторожность, но потом заметила, что может передвигаться практически бесшумно, причём даже не сбавляя шага. Холодная змеиная кровь подарила нечеловеческую силу и ловкость, однако забрала жалость и сострадание. Вскоре преследовательница настигла двух молодых людей. Красивые точёные губы в плотоядной улыбке обнажили четыре удлинённых клыка.

Колганов продолжал шагать во тьму. Это было непривычно, но крепко держащая его женская рука вселяла уверенность.

Во тьме я не одинок.

Спуститься в пещеру и проникнуть в самое сердце спящего очага не под силу обычному человеку, однако Маржана уже не была образом и подобием Бога. Обернувшись змеёй, она незаметно и беспрепятственно скользила вслед за уходящими вперёд людьми.

Звук шагов становился всё отчётливее, а поверхность под ногами - твёрже. Возникло ощущение, что они спускаются под землю...

Под Молодецкий курган

...но воздух продолжал оставаться тёплым.

Где мы?

Он подавил желание задать вертящийся на языке вопрос и попробовал сосредоточиться на ощущениях.

- Открывай глаза!

Голос Псиведьмы прозвучал неожиданно громко и раскатисто, отчего Колганов вздрогнул.

Они находились в огромной пещере идеально круглой формы. Свод был настолько высоким, что терялся из виду. Но поражало не это, а совсем другое: ровно в центре горел, потрескивая и колыхаясь, большой, с человеческий рост, костёр. Причем брал начало не от поленьев, которых вовсе не было, а парил в нескольких сантиметрах над каменным полом. Зрелище настолько завораживало, что на него, не отрывая взгляда, можно смотреть целую вечность.

Колганов и Псиведьма так и стояли, взявшись за руки и не проронив ни слова. Наконец, она повернулась к нему:

- Знаешь, я и раньше любила здесь бывать, а сейчас, после смерти Колы, почти не выхожу из храма. Стою, смотрю, и никак не могу согреться. Мне его не хватает.

Колганов крепко обнял всхлипывающую девушку.

- Он всегда был таким: неугомонным непоседой. Любил поступать по-своему, не прислушиваясь к мнению других. Это его и погубило.

Егор не знал, какие слова подходящие в такой момент.

- На всё воля Божья.

Псиведьма отстранилась, вытирая слёзы.

- Мы всегда хранили карту. Каждый из нас, если потерял в битве с Холодными много крови, мог сюда прийти и набраться сил от источника. С веками карта трансформировалась, меняла внешний вид. Пока не наступил черёд Колы стать хранителем. И мой брат, конечно, из лучших побуждений, решил поступить по-своему - опубликовать карту.

- Я понимаю Колу. - Высказал свою точку зрения Колганов. - Его решение не противоречит логике и здравому смыслу. Ведь

вряд ли кому взбредёт в голову, что тайна может быть многотысячно растиражирована.

- Так то оно так. - С этими словами Псиведьма...погрузила руку в пламя. - Только что нас ждёт дальше? - Она улыбнулась виду Колганова. - Сделай то же самое. Не бойся!

Он боязливо прикоснулся указательным пальцем к огню, и вместо боли от ожога ощутил нежное приятное тепло. Заинтригованный, провел теперь уже ладонью сквозь языки пламени. Тело наполнялось негой и умиротворением, словно костёр перетекал внутрь.

- Сильно не увлекайся. - Посерьёзнела Пси. - Это как с зарядкой аккумулятора - можно и переборщить.

- А чего париться? - Колганов одёрнул руку. - У вас костёр, придающий силы. А у Холодных...

- У Холодных - тьма. И она сгущается над нами. У меня ощущение, что тьма проникла даже сюда. - Псиведьма посмотрела по сторонам. - Всё больше людей переходят на их сторону, превращаясь в полуистлевших трупов с золотыми кулонами на шее. Во имя неких идей занимаются разрушением. А на самом деле всё просто: либо ты - творец, либо - разрушитель. Язычник ли, христианин или иной веры - не важно. Человек как образ и подобие Творца - выше религий и вер. Холодные не хотят, чтобы люди это осознали, поэтому вбивают клинья раскола по религиозным признакам. Противопоставляют веры, языческое прошлое христианскому настоящему - а это всё от лукавого. Ведь только приняв прошлое, получишь в дар будущее. А пока...пока настоящие преступники не маргиналы с финкой в кармане, изображённые в фильмах, а почтенные джентльмены в дорогих галстуках и пиджаках, входящие в состав совета директоров корпораций...

Пламя колыхнулось и недовольно затрещало. Повеяло холодом и тревогой. Псиведьма опустила глаза и побледнела.

- О Боже...этого ещё не хватало!

Колганов проследил за её взглядом, но ничего не понял.

- Что случилось?

Вместо ответа девушка схватила его за руку и потащила назад.

Они попятились и успели сделать несколько шагов, когда продолжающий недоумевать молодой человек повторил вопрос.

- Смотри внимательнее! - Голос Псиведьмы звенел от напряжения. Она указала рукой направление.

И через мгновение он, всмотревшись в пол, понял причину её страха: по гладкой каменной поверхности скользила длинная человеческая тень. А оторвав взгляд, журналист почувствовал, как его прошибает холодный пот...

Призрак!

... фигура, которая должна отбрасывать тень, отсутствует.

Из пустоты раздалось громкое шипение, и через секунду перед ними выползла огромная чёрная змея, отбрасывающая человеческую тень. Шелест чешуи задевал и без того натянутые нервы. Пламя костра плясало в жёлтых глазах с узким вертикальным зрачком. Пресмыкающееся подняло голову, выбирая жертву для первого броска.

Колганов инстинктивно прыгнул вперёд, вставая перед Псиведьмой и защищая девушку собой. На мгновение острая боль прошила тело, а в глазах потемнело. Разом навалившаяся тяжесть потянула вниз, захватывая не только тело, но и сознание. Он пытался сопротивляться, но чувствовал, как нить реальности ускользает из рук. Затем тьма неторопливо обступила и накрыла

собой.

Угольное тело обвило клубком бездыханное тело журналиста. Псиведьма подскочила и изо всех сила пнула чёрную лоснящуюся голову.

- Тварь ты поганая! Он не твой! - Девушка чувствовала, как умирает страх, а его место заполняет благородная ярость. - Слышишь? Ему на роду написано жить!

Змея отвлеклась от мужчины и переключила внимание на нового раздражителя. Длинный раздваивающийся язык сканировал пространство, в то время как жёлтые глаза оценивающе изучали Псиведьму.

Девушка бесстрашно шагнула вперёд. Пресмыкающееся, не раздумывая, совершило второй стремительный бросок, и впилось ядовитыми клыками в протянутую руку. Превозмогая боль и упругое сопротивление гада, Псиведьма начала наматывать того на разом онемевшую руку.

Сознание помутнело, в ушах стоял неимоверный звон. Ещё немного, и она сдастся... Взгляд упал на лежащего в бессознательном состоянии дорогого сердцу человека, и это зрелище разом придало силы. Сцепив зубы и изнывая от тяжести пресмыкающегося, Псиведьма сделала первый неуверенный шаг.

Затем второй. И третий.

Дорога казалась неимоверно бесконечной. Кровь, стекая, оставляла причудливый витиеватый след.

След жизни. Или смерти.

Сил удерживать смертельную ношу не осталось. Ещё секунда, и она уползёт во тьму, оставляя их умирать. Все старания пойдут прахом. Пси хотела заплакать от обиды, но слёзы высохли. И доселе сторонящееся, невидимое небо пришло на помощь...

Или костёр

...Змея обвила тело девушки, тугими кольцами сжала грудь. Дышать стало невозможно, но это было нестрашно. Главное - пресмыкающееся само на ней держится. Значит, идти можно быстрее и увереннее.

Четвёртый шаг, пятый, шестой...Становилось жарче...

Псиведьма давно лишилась возможности дышать. Яд разливался по телу, и она чувствовала, как неумолимо подпадает под власть змеи. Но цель замаячила совсем близко.

И девушка улыбнулась. Вымученной, выстраданной и больше напоминающей гримасу улыбкой. Но искренней.

Эта улыбка дорогого стоит

Зрачки в жёлтых глазах расширились, когда тварь осознала, что должно произойти. Она злобно зашипела и попыталась слезть, но цепкие женские руки не дали это сделать. В последней попытке, намереваясь сломать шею человеку, веретенообразное тело сжалось.

Из пасти вырвался протяжный, полный ужаса человеческий крик.

Псиведьма зажмурилась и шагнула в костёр.

Эпилог. "9-й день недели"

Солнце ярко светит, и вставать совсем не хочется. Мысль о том, что рано или поздно, но покинуть тёплую постель всё же придётся, вселяет тревогу и неудовольствие. Не то, чтобы вставать лень, в конце концов, это приходится делать ежедневно. Просто иногда так бывает: лежишь, вроде хорошо выспался, но каждая клеточка тела кайфует оттого, что не напрягается. Вот бы встать и сварить кофе, или сделать зарядку...на худой конец, открыть любимый браузер - ан нет, ни-а-хо-та. И, чтобы прогнать мысли об этом, он начал размышлять о другом.

Никому неизвестный провинциальный журналюга, за короткое время сделавший карьеру и ставший главредом. А что? "8-й день недели" - неплохой журнальчик. И материал он гонит тоже не второсортный. Во всяком случае, всегда актуальный. Вот, к примеру, взять любое крутое уважаемое издание. Сегодня его статьи в тему. А завтра устарели, покрылись плёночкой несвежести. А "8-й день"? Листаем самый первый номер...таак...Да! Так и есть! Любую статью можно без правки перепечатывать в номере последнем. А ведь прошло немало лет. Более того, и через сто лет, двести можно проделать то же самое. В этом то и прелесть журнала, главным редактором которого он стал.

А как стал?

Он почесал голову, удивлённый провалом памяти в таком ответственном месте. Странное дело, ведь раньше ничего подобного за собой не замечал.

Вспомнил!

Это Берг перед смертью оставил ему своё детище.

Ну надо же, как вовремя. Завещал бизнес и сразу умер. Хм.

Неприятные ассоциации, как ни крути. Надо что-то сделать, чтобы исправить ситуацию.

Но что именно? Эврика! Надо переименовать журнал.

Например...например...например в "9-й день недели"!

А что, неплохое название. Интригующее и продаваемое.

Колганов, вдохновлённый предстоящими переменами, рывком скинул одеяло и поднялся.

Но не успел встать, как в изумлении уставился на прикроватную тумбочку. На её поверхности покоились два предмета, словно ждущие своего часа.

И теперь этот час пробил.

Он протянул руку и замер в нерешительности, раздумывая, что выбрать - золотой кулон в виде змеи с солнцем в пасти или берёзовую ветвь.

Оглавление

Пролог. Halloween. 2

Пролог. Afterparty. 9

Пролог. О`кей, Google. 19

Глава 1. 24

Глава 2. 27

Глава 3. 30

Глава 4. 32

Глава 5. 38

Глава 6. 43

Глава 7. 48

Глава 8. 49

Глава 9. 50

Глава 10. 51

Глава 11. 55

Глава 12. 57

Глава 13. 60

Глава 14. 72

Глава 15. 75

Глава 16. 76

Глава 17. 78

Глава 18. 85

Глава 19. 88

Глава 20. 91

Глава 21. 92

Глава 22. 96

Глава 23. 98

Глава 24. 100

Глава 25. 101

Глава 26. 102

Глава 27. 104

Глава 28. 106

Глава 29. 111

Глава 30. 112

Глава 31. 114

Глава 32. 115

Глава 33. 116

Глава 34. 119

Глава 35. 120

Глава 36. 123

Глава 37. 126

Глава 38. 128

Глава 39. 130

Глава 40. 131

Глава 41. 132

Глава 42. 137

Глава 43. 139

Глава 44. 146

Глава 45. 147

Глава 46. 148

Глава 47. 149

Глава 48. 150

Глава 49. 155

Глава 50. 157

Глава 51. 159

Глава 52. 161

Глава 53. 163

Глава 54. 165

Глава 55. 168

Эпилог. "9-й день недели". 173

Об авторе

Александр Дмитриевич Панащенко, он же Дальний, родился в Тольятти 23 сентября 1981 года. Автор слов и продюсер музыкального проекта FarLight.

Фэнтези "8-й день недели" - вторая книга автора после детективного романа "Сайт знакомств".